

Абай асмаі

АБАЙ
КУНАНБАЕВ

СОЧИНЕНИЯ

Если мы хотим быть нацией на глобальной карте XXI века, нужно, чтобы мир узнал нас по культурным достижениям.

***Нурсултан Назарбаев,
Президент Республики Казахстан***

821.512.122

A 13

АБАЙ (ИБРАГИМ) КУНАНБАЕВ

СОЧИНЕНИЯ

Второй том

Составители
Айбар Кадыров
Фарида Гайнуллина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT

Астана – 2018

УДК 821.512.122

ББК 84 Каз-5

К 91

**Книжная серия «Абай әлемі»
Акимат Восточно-Казахстанской области**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Сарсеке М., *главный редактор*

Члены Редакционного совета:

Ахметов Д.

Нусупова А.

Мухамедчинов А., *ответственный секретарь*

Еспенбетов А.

Кантарбаев А.

Абдуллина Л.

Жанболатов М.

Касымов А.

Кратенко А.

Пуссеп Г.

Щербаков Б.

К 91 **Кунанбаев А.**
Сочинения. – Астана: Фолиант, 2018.

ISBN 978-601-338-048-3

II том. – 256 с.

ISBN 978-601-338-061-2

Во второй том сочинений Абая Кунанбаева вошли стихи, поэмы и «Слова назидания», созданные Абаем в разные годы.

Книгу открывают две статьи, авторами которых являются Ахмет Байтурсынов и Мухтар Ауэзов.

"Шығыс Қазақстан облысы
Абай атындағы
өмбебап кітапханасы" АҚ
№ 517114

УДК 821.512.122

ББК 84 Каз-5

ISBN 978-601-338-061-2

ISBN 978-601-338-048-3

© Кунанбаев А., 2018

© Издательство «Фолиант», 2018

«АБАЙ ӨЛЕМІ» – «МИР АБАЯ» – ИЗБРАННЫЕ ИЗ ЛУЧШИХ

Уважаемый читатель!
Мы являемся свидетелями и участниками нового этапа в истории независимого Казахстана, который отмечен масштабными экономическими и политическими реформами Лидера нации Нурсултана Абишевича Назарбаева. В исторической статье «Взгляд

в будущее: модернизация общественного сознания» Глава государства подчеркивает: «Идеалом нашего общества должен стать казахстанец, знающий свои историю, язык, культуру...». Эти слова выражают суть национальной программы духовного возрождения «Рухани жаңғыру» и являются основой современных преобразований в нашей стране.

В рамках Президентской программы мы реализуем уникальный проект по созданию книжной серии «АБАЙ ӨЛЕМІ» – «МИР АБАЯ», который призван обновить и приумножить культурно-литературное наследие наших писателей, популяризовать лучшие их произведения среди молодежи, развивая чувство патриотизма и любви к родному краю.

«АБАЙ ӨЛЕМІ» объединяет разные по жанру и тематике произведения писателей, поэтов и людей искусства. В первом выпуске книжной серии читатели проникнутся глубокой мудростью Абая Кунанбаева и Шакарима Кудайбердиева, почувствуют впечатляющую повествовательную монументальность эпопеи Мухтара Ауэзова «Путь Абая».

Впервые в Восточном Казахстане выходит в свет сборник произведений семипалатинского периода жизни Федора Достоевского, имя которого известно во всем мире.

В честь 130-летия певца и музыканта Амре Кашаубаева издан сборник воспоминаний «Амре в Париже». Имя Амре занимает особое место в истории и культуре казахского народа. Певец является од-

ним из основоположников казахского национального театрального искусства и стал первым казахским певцом, чей голос в 1925 году покорила Европа.

Сегодня Восточный Казахстан известен созвездием писателей и поэтов, творчество которых, безусловно, вызовет неподдельный интерес жителей нашей области и страны. О простых, но самых ценных истинах жизни через призму детской души поведают произведения Марата Кабанбаева, замечательная лирика и боевой настрой живой поэзии, присущий сочинениям Толеу Кобдикова.

Эпохальные романы Анатолия Иванова, пронзительный документальный реализм Медеу Сарсеке, диалог между природой и человеком Бориса Щербакова также станут подлинным достоянием первого выпуска книжной серии «АБАЙ ӘЛЕМІ».

В дальнейшем будут опубликованы лучшие романы Азильхана Нуршаихова, Ади Шарипова, Калихана Искакова, Оралхана Бокеева, стихи Улыкбека Есдаулета, этнографические путешествия по Алтаю Георгия Гребенщикова. Вниманию читателей будут предложены замечательные труды краеведов Владимира Обручева, Бориса Герасимова, Нифонта Долгополова, Евгения Михаэлиса, Николая Коншина, а также современника – Алибека Кантарбаева.

Кроме того, мы продолжим работу по поиску молодых, еще не известных широкой общественности, талантов, которыми, несомненно, так богат наш прекрасный край.

Доброго знакомства, дорогие читатели!

Даниал АХМЕТОВ,
аким Восточно-Казахстанской области

ПРИЗНАННЫЙ МИРОМ АБАЙ

Великий акын, неповторимый поэт не менее великого казахского народа – Абай (настоящее имя Ибрагим) Кунанбаев. Другого такого таланта от природы казахи не знали ни раньше, ни потом. Во всей Акмолинской и Семипалатинской областях нет такого человека, который бы не знал Абая или не слышал его имени. Но вот в соседней с Акмолинской областью – Торгайской число знающих Абая, к сожалению, оставляет желать лучшего, можно даже сказать, и нет таковых. Почему? Да потому, что в свое время здесь не издавались книги Абая, а до выхода массового тиража с творчеством акына в Торгайской области даже не произносилось его имени и не были известны его слова назидания, изречения. И поэтому было невероятно дико и неправдоподобно, когда акмолинцы или семипалатинцы были свидетелями того, что имя «Абай» для кого-то звучало впервые, как открытие и нечто новое. Впервые попав в Акмолинскую область, я тоже обнаружил определенный пробел в познаниях об Абае как о поэте и в его словах назидания оказался несведущим новичком, вызвав тем самым недоумение окружающих.

И в то же время, где бы ни зашел разговор об акынах, равнодушных к творчеству Абая не было. Все в один голос восхваляли его. Я же, пока еще не видевший печатного слова Абая, не верил в эти хвалебные оды, ведь каждому свойственно возносить своего кунана – жеребца-трехлетку выше чужого скакуна, думая, что хвалит его не кто иной, как свои Абубакиры, Сейдахметы и Акмолды.

И вот в 1903 году в мои руки попадает тетрадь – рукопись Абая. Читаю и убеждаюсь в том, что его творчество не похоже на творчество других акынов. Причем настолько не схоже и неординарно, что впервые читаешь настороженно, а потом надолго

остаешься под впечатлением от прочитанного. Потому что слов мало, а смысл сказанного глубок. Для впервые читающего ничего не даст прочесть один раз и взмах – многого не поймет, а большая часть прочитанного вообще останется за чертой сознания. Ведь некоторые слова может понять только тот, кто хорошо знаком с его творчеством и способен проанализировать прочитанное, а иначе, хоть тысячу раз перечитай, толку не будет, все равно не поймет. В другом случае он может прийти до смысла сказанного акыном только при чьей-либо помощи, если кто-нибудь объяснит написанное и прочитанное.

Вот оттого-то сказанное Абаем с ходу сложно понять. Но эта сложность исходит не от самого акына или его якобы творческого несовершенства, нет, в этом обнаруживается неподготовленность самих читателей, не сумевших подняться до уровня поэта. Ведь о чем бы ни писал Абай, он всегда смотрел в корень и ничего не выдавал поверхностно и легко. Он сам вникал в суть темы и преподносил это искренне, открыто, пусть и горько, тяжело, но честно. А раз так, то написанное им бумерангом возвращалось к читателю, к народу и, требуя к себе внимания, становилось настоящим экзаменационным испытанием для читателей. Если читатель изучал слово, тратя время в поисках понятия сути, то само слово, в свою очередь, примеряло его на себя и тоже подвергало испытаниям. Слово Абая в корне не схоже со словами акынов века. Оно более веско, ценнее и выше. И эта разность, неповторимость отличали Абая от иных поэтов. И пусть нам не довелось лично видеть и знать Абая, мы знаем о нем из уст тех, кому посчастливилось жить в его эпоху. Теперь же, давая оценку его творчеству, невозможно не сказать и о нем самом как о человеке.

Абай – уроженец Семипалатинской области, из рода тобыкты. Его знаменитый дед Ыргызбай родился на побережье реки Ыргыз, что в Торгайской области. Слыл он защитником своего народа, был батыром-полководцем и бием. В то время, когда территория тобыктынцев была еще заметно мала, он привел свой народ из Туркестана и, решив, что горы Шынгыс удобны для содержания скота, поселился в этих краях. О младшем деде Абая Оскенбае в народе шла слава как о справедливом бие. Он правил делами не только у себя. К нему за справедливостью приезжали

даже из дальних краев, и он решал их проблемы, жалобы и тяжбы честно и открыто. Отец поэта Кунанбай тоже был известным человеком. Его слово имело большой вес среди степняков и могло повести за собой народ. Время поэта выпало на тот период, когда казахами правили торе – степные аристократы, а из числа этих самых торе избирались султаны. Мать поэта Улжан происходила из рода Каракесек – Бошан, потомков Бертыса бия, проживавших в местечке Едырей и Мыржык Каркаралинского уезда. Родственники по линии матери были открытые, готовые шутить, отличались ораторским мастерством. Остротой языка, умением словом разрядить обстановку особенно отличались родственники поэта – Кантай и Тонтай, которые могли, как никто другой, взять верх в любом споре. Тонтай был одним из зажиточных хозяев края. Как-то он занемог и заметил, что в отличие от других его состоянием стали чаще интересоваться кажи и муллы. И вот перед самой кончиной, когда его дни уже были сочтены, он всерьез занемог и к нему как обычно вновь зачастили муллы и кажи якобы справиться о здоровье. Глядя на это, Тонтай иронично произнес: «Да, пора бы и отойти в мир иной, а то как-то неудобно перед муллами и кажи, ведь они надеются на окончательный исход, а я каждый раз обманываю их надежды и благополучно выздоравливаю...»

Абай родился в 1845 году, в год Змеи. Вопреки его официальному имени – Ибрагим, мать дала ему другое – Абай. Излюбленное имя матери быстро разлетелось в народе и большинством было принято сразу. С 10 до 13 лет Абай учился в ауле у муллы, а с 13-ти стал учиться в Семее, медресе Ахмета-Ризы. Обучаясь в медресе, Абай в течение трех месяцев изучает русский язык. Итого: 4 года учебы на арабском языке и 3 месяца на русском. На этом Абай заканчивает свой путь познания грамоты. А с 15 лет он, прочно закрыв дверь в детство, перешагивает порог мира взрослых. Освоивший успешно казахскую грамоту, Абай вскоре становится хорошим помощником отцу. Он был незаменим особенно тогда, когда Кунанбай решал сложные тяжбы и жалобы, то и дело возникавшие между народом и чиновниками. В свои 20 лет он уже успел прослыть среди степняков известным оратором. Обладая феноменальной памятью и будучи очень внимательным, ничего и никогда не забывал. Это способствова-

ло пополнению багажа его знаний, делало знатоком многих вопросов. Абай хорошо знал сохранившиеся в народной памяти исторические моменты из жизни биев во времена их власти, запоминал выступления известных ораторов, дела и поступки вождей, слова-призывы, слова-лозунги, шутки, пословицы и поговорки.

Живи Абай в другое время, то он, несомненно, стал бы одним из известных и прославленных биев алаша. Но он родился в то время, когда активно стала процветать эпоха власть имущих. И когда на чашу весов Абай мог поставить свои знания, а другие – делали ставку на скот, вторая чаша обязательно перевешивала. Так судьба обходила Абая стороной, не подпуская его к власти. Но он не сдавался и продолжал противостоять массам, доказывая, что «богатство, в особенности скот, не может быть выше знаний». Со временем поэт свои знания и талант посвящает народу. Он так и ушел бы из жизни, не дав радости знаний никому, кроме как сородичам-тобыктинцам, ушел бы в мечтах о троне волостного, но, к счастью всего казахского народа, ничего подобного не случилось.

В 80-е годы XIX века Абай знакомится с русскими ссыльными Михаэлисом и Гроссом, занимавшимися сбором материалов о различных казахских обычаях и обрядах. Они свободно общались с Абаем, частенько приходя к нему в гости. Друзья с удовольствием просвещали его, рассказывая о поэтах Пушкине, Лермонтове и Некрасове, прозаиках Толстом, Салтыкове, Достоевском, критиках Белинском, Добролюбове, Писареве. Знакомили Абая с их произведениями. Новые друзья утверждали, что поэты – Пушкин, Лермонтов, Некрасов – намного почетнее казахских биев и волостных. Вот тогда-то Абай уяснил для себя и хорошо понял одну важную истину: писать стихи, быть поэтом – по-настоящему достойное дело. Он понял и то, что творчество поэта, возможно, не всегда будет воспринято и не всегда понято народом, но не в силу слабости и неумения автора писать хорошо. В то время поэзия не занимала достойного места, воспринималась не более как стихи и песни, звучавшие из уст қайыршы – бедняков, бродяг. Уничжительная позиция поэта-просителя была невозможна. Убедившись в этой несправедливости, Абай окончательно поворачивается лицом к поэзии

и начинает писать стихи. Вскоре поэзия становится делом всей его жизни.

В юности Абай ради смеха и веселья увлекался писанием шуточных стихов и лирических песен для девушек, но с возрастом посчитал это несерьезным занятием и вскоре забросил его. Скорее всего, в этом определенную роль сыграли Михаэлис и Гросс, а без них, кто знает, возможно, он так и остался бы на начальной ступени своего развития, но этого, к счастью, не случилось. Иначе талант Абая был бы зарыт в землю и сколько неповторимых, содержательных, ценных, глубоких по содержанию стихов не нашли бы своих читателей. И то обстоятельство, что сегодня его стихи дошли до читательской аудитории и остаются востребованными, – огромное достижение для казахского народа, его слава и гордость. Для скольких людей строки Абая стали путеводными, выступили в роли спутников и наставников! Не одно поколение детей казахов будет благодарно за такое богатое и мудрое завещание.

Познакомившись с русскими поэтами и их творчеством, Абай окончательно убедился о месте и роли поэзии, в корне изменил отношение к стихам, не просто выделив им место на торе – почетном месте для гостя, а широким жестом пожертвовав даже трон. И делал он это взвешенно и мудро, грамотно объясняя: почему слово в стихотворной строке возвышенней других – прозаичных. В своих стихах он с горечью говорил о том, что и ораторы, и слушавшие их в какой-то степени недалекие, темные люди. То, что они слушают в качестве стихов, далеко не поэзия, этим стихам далеко до совершенства. А если и есть те, кто пишет, то среди них больше рифмоплетов, которые одурманивают своих слушателей пустословием и бессодержательностью. Их «стихи», словно ветер, прошумев у уха, бесследно улечиваются, не задев ни сердца, ни ума. Такие размышления Абая свидетельствовали о том, насколько критически поэт относился к Слову.

Человек, работающий со словом, должен быть творческой личностью, с одной стороны, и критиком, умеющим дать оценку слову, вышедшему из-под его пера. А для того, чтобы оно было действительно, веско, красиво, притягательно и смело, нужно обладать соответствующим мышлением; для того, чтобы оно при-

шлось по душе читателю и было уместно, имело колорит. Чтобы слово имело глубокое смысловое содержание, нужны знания. Всеми этими качествами Абай обладал сполна. Плюс ко всему, он умел вести за собой, был образцом для начинающих. Правила написания стихов он нередко заимствовал у русских поэтов. Поэт неоднократно указывал на то, что требования и условия творчества одних не всегда приемлемы для казахского языка и казахской поэзии. Абай указывал на важность точности слова. Поэтому его поэзия совершенна во всех отношениях, кроме одного но. И это «но» заключалось в том, что ритм, слог, звуки в куплетах его стихов не были проанализированы с точки зрения последовательности. Это остро замечалось при их чтении или исполнении в жанре песни. Несвершенство пластичности строки портит ритм стиха. Образно говоря, это равно бегу скакуна, который, выйдя на финишную прямую, вдруг резко спотыкается, или сродни бегу иноходца, чей шаг легко стелется по простору, преодолевая расстояние, словно ветер, и – неожиданно натывается на препятствие. Но эти недостатки исправимы. И сделать это несложно: нужно поставить на свои места связанные между собой слова, состоящие из трех, четырех слогов, тогда и ритм произношений выровняется. Других изъянов в стихах Абая лично я не увидел. Есть у него, как говорится, «трудные» слова, но они использованы не потому, что поэт был в затруднении и не нашел других. Нет. Это говорит о новаторстве поэта, неординарности подхода к написанию и вносит новизну в казахскую поэзию. Вот потому-то и кажутся они трудными и сложными.

Абай писал и одновременно самостоятельно корректировал свою поэзию, поэтому его еще никто не опередил и не осмелился внести поправки и выдать «в свет» что-либо из его творчества. А насколько Абай самокритичен и профессионален в корректировке, видно по следующим строкам:

*Если слог засорю я чуждым словом,
Пусть будет грош цена мне как поэту.
Но вся беда в другом: оратор, где ты?
И слушателя грамотного нет...*

*Звучит кобыз, звенит домбра в толпе большой,
Всем раздавая оды, похвалы.*

*Вот так мы растеряли смысл слова
И важность мысли, что ни говори.*

*Не хочу прослыть я бием-пустословом,
Чтобы восхвалять свой скот, не в этом суть.
Слово новое пришло, читатель, слышишь?
Обновись и ты, к тебе мой путь...*

Прозорливость Абая, его умение видеть в посредственном хорошее, а в хорошем лучшее заметны не только в поэзии, он замечал все окружающее в реалиях, и это становилось темой его творчества. Его поэзия отличалась от стихов других авторов конкретностью, точностью, выразительностью. И пусть другие акыны не менее остры и скоры на язык; они, безусловно, уступают Абаю в знаниях, грамоте в целом. Свои пробелы в знаниях они скрывают за громкими фразами и красивыми оборотами. Абай же вопреки этому был открыт, прямолинеен, отражал истину и реальность такими, какими видел воочию, без излишних прекрас. В стихотворении «Аттың сыны» – «Описание коня» есть слова, непривычные для слуха читателя. Но при оценке и характеристике коня невозможно обойти эти слова, т. к. без них описание коня не было бы полным. Читая стихотворение Абая «Аттың сыны», невольно представляешь образ коня, будто бы вот он, стоит перед тобою во всей красе. Поэт не оставил без внимания даже мельчайших подробностей. Будучи знатоком многих вещей, Абай писал открыто и смело, не обходя острых углов, не утаивая правды и не жалея читателя, дескать «не поймет он вот это или не осилит то-то» и что надо перейти на язык попроще, слащавее, ориентируясь на недалекого обывателя. Правду не искажал и мудрое преподносил как есть, лаконично и точно. Этим умением быть точным он обязан своей прозорливости и самообразованию, знанию трудов ученых Европы. Писатель Алихан Бокейханов утверждал, что Абаем были прочтены книги европейских мыслителей Спенсера, Луиса, Дрепера. Особо увлекался он поэзией русского поэта Лермонтова, обладавшего талантом глубоко мыслить и выражать личные взгляды. В итоге рядовой читатель не всегда мог понять глубину слов Абая, и оттого казалось, что поэзия его порой выглядела слож-

ной. Мне встречались люди, которые сотни, тысячи раз перечитывали стихи Абая и даже знали их наизусть, хотя так и не познали их истинной сути, недоуменно спрашивая, а что бы значило то или иное сказанное поэтом. А на самом деле ничего сложного, ничего лишнего или недосказанного в его стихах нет. Неумение понять – недостаток читателя. Вот, к примеру, строки, которые попали в разряд труднопонимаемых:

*Под пеленой тумана грядущая эпоха,
Но сотни глаз с надеждой смотрят ввысь.
Года торопят вереницу дней,
Представить трудно их, хоть как в них ни смотришь.*

*Но эти дни прошедшим дням не пара,
Придут, уйдут, не будет ни следа.
И будет среди них один – заметно громким,
А остальное – знают небеса...*

В этих абаевских строках нет чего-то неправильного, ошибочного, искаженного, загадочного или нераскрытого. Все верно, ровно, каждое слово взвешено и находится на своем месте. А если читатели не поняли их содержания, то это еще раз подчеркивает, что Абай ушел далеко вперед, а читатели остались на полпути, за пыльной завесой.

Познать Абая должен каждый казах и каждый должен стремиться к изучению его творчества. «Слова назидания» Абая вышли в свет в 1909 году. Но до массового читателя книги эти пока еще не дошли. Непонятно, почему они распространены только в Акмолинской и Семипалатинской областях? Книжки Абая остались на полках торговых лавок Семей, так и не попав в отдаленные края. А почему бы не заполнить ими и другие магазины, доставить их до читателей других областей? По мере возможности мы будем печатать стихи Абая и его «Слова назидания» на страницах газет, чтобы выйти на широкие читательские массы.

*1913 год
Перевод Зои БУЛАНОВОЙ
Апрель 2018 года*

АБАЙ КУНАНБАЕВ – ПОЭТ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Великий поэт казахского народа Абай родился в 1845 году в Чингисских горах Семипалатинской области, в кочевье племени Тобыкты. Отец Абая самовластный, суровый правитель Кунанбай был старшиной Тобыктинского рода, недавно принявшего русское подданство.

Ранние детские годы Абая прошли в тяжелой обстановке семейного разлада внутри полигамной семьи (Кунанбай имел четырех жен). По счастью для Абая, его родная мать Улжан была замечательной женщиной, создавшей для Абая редкий в таких семьях уют. Улжан всегда выделяла его из числа остальных своих детей и имя его Ибрагим, данное отцом, она заменила ласкательным «Абай». Это имя так и осталось за ее сыном на всю его жизнь.

Восьми лет Абай был послан обучаться в старомодное «медресе» семипалатинского имама Ахмета-Ризы. За пять лет учебы прилежный, необыкновенно способный мальчик сумел получить многое. Им овладела рано пробудившаяся любовь к поэзии. Абай стал увлекаться чтением арабо-иранских и тюркских поэтов. Он рвется из удушливой атмосферы богомольных буквоедов к произведениям классиков Востока и к народной литературе. Одновременно в нем пробуждается интерес и к русскому языку, к русской культуре. Нарушая суровый устав медресе, он самовольно поступает в русскую школу, одновременно обучаясь и там. За эти школьные годы Абай сам начинает писать стихи. Вдумчивый, старательный юноша мог бы извлечь много полезного даже из скудной «науки» медресе. Но воля отца иначе определила дальнейшую судьбу своего сына.

В непрерывной борьбе степной знати за родовую гегемонию Кунанбай нажил себе много врагов. Он вынужден был втягивать

в эту борьбу своих детей и близких родственников. Поэтому, прекратив обучение Абая в городе, Кунанбай вернул его в аул и начал постепенно приучать сына к разбирательству тяжелых дел, чтобы подготовить его к административной деятельности главы рода.

Юноша очень рано попал в самую гущу сложных интриг. Так как тяжбы решались не царским судом, а на основе обычного права казахов, Абай был вынужден обратиться к богатствам казахской народно-речевой культуры. Вскоре он стяжал славу красноречивого, остроумного оратора, высоко ценившего значение поэтического слова. Абай знал почти всех своих предшественников поэтов, акынов и участников айтысов (песенных состязаний).

Рано пробудившийся интерес к книжной литературе Востока родил первые подражательные стихи Абая. Теперь обращение к традициям казахской народной поэзии сделало его новые стихи оригинальными и самобытными. Уже намечается будущий облик поэта, чье творчество уходит глубокими корнями в прочную основу.

Втянутый насильно волей отца в дела родовых распрей, Абай долгое время жил в большом душевном разладе с Кунанбаем. Он не мог примириться с его жестокостью и несправедливостью и часто шел вразрез интересам и стремлениям отца, вынося справедливые и беспристрастные решения. Все чаще между властным отцом и непокорным сыном происходили серьезные споры. Когда Абаю было 28 лет, их отношения вылились в прямой разрыв. Теперь Абай мог сам определить себе дальнейшую жизнь. Прежде всего он вернулся к изучению русского языка. Новыми его друзьями стали акыны, певцы, талантливая степная молодежь (по преимуществу незнатного рода) и встреченные им в Семипалатинске лучшие представители русской интеллигенции того времени. Абай уже зрелый и культурный человек, снова изучает лучшее наследие народной литературы, восточных поэтов и главным образом русскую классическую литературу.

На 35-м году жизни Абай вновь возвращается к поэзии. Но стихи и этого периода он все еще распространяет от имени своего молодого друга Кокпая Джанатаева. Только летом 1886 года, когда ему исполнилось 40, Абай впервые решился поставить свое имя под прекрасным стихотворением «Лето». Начиная

с этого дня все остальные 20 лет его жизни насыщены напряженной творческой деятельностью.

К этому времени поэт до глубины души разочаровывается во всем моральном облике феодально-родовой среды и всеми силами старается вырваться из нее. Будучи в юности невольным участником бесконечных родовых распрей и раздоров, Абай теперь отчетливо сознает всю пагубность этой роковой борьбы для народа, начинает понимать истинный смысл этих раздоров, искусственно разжигаемых царизмом. Тяжко задумывается Абай над судьбами своего народа, и стихи его зрелых лет выражают глубокую скорбь поэта о злосчастной доле отсталого народа. Он старается открыть народу глаза, бичуя в правдивых и желчных стихах пороки феодально-родовой и чиновничьей знати и призывая народные массы к просвещению.

В этот период Абай усиленно занимается самообразованием. Книги русских классиков стали его неразлучными друзьями.

Счастливый случай сводит Абая с ссыльными русскими революционерами 70-х и 80-х годов, воспитанными на учениях Чернышевского, Добролюбова. Один из них – Михаэлис – являлся ближайшим соратником известного публициста Шелгунова. Тесная связь Абая с ним, с Н. Долгополовым, Севериным, Гроссом вскоре переходит в большую дружбу. На лето они выезжают в гости в аул Абая, зимой – постоянно переписываются. Русские друзья с исключительным вниманием и отзывчивостью помогают самообразованию Абая, подбирая для него книги, отвечая на его вопросы. Одновременно они сами многое черпают у Абая, как у глубокого знатока истории обычного права, поэзии, искусства, экономики и социального уклада казахов и других тюркских народов.

Друзья Абая не были крупными фигурами русского революционно-демократического движения, но они выполняли великую историческую миссию вестников от русской духовной культуры. Они принесли в казахскую степь творения Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, Чернышевского, Добролюбова, привили Абаю и другим деятелям народов Сибири чувство глубокого уважения к великому наследию русской культуры.

Абай быстро расширяет круг своих интересов. Он переводит на казахский язык произведения Крылова, Пушкина, Лермон-

това, впервые делая их доступными и понятными для своего народа. Являясь талантливым композитором, глубоким знатоком и тонким ценителем казахской народной музыки, он создает ряд мелодий главным образом для тех своих стихов, которые ввел в казахскую поэзию: восьмистишия, шестистишия и т. д. Новые мелодии Абай также создал и к своим переводам отрывков из «Евгения Онегина». И уже в 1887 году имя Пушкина и имена его героев – Онегина и Татьяны, пролетев над степями на крыльях этих песен, стали родными для казахского народа – столь же известными, как имена акынов и героев казахских эпических поэм.

К этому времени имя самого Абая – поэта, мыслителя и композитора – становится одним из самых популярных и чтимых народом имен. К Абаю едут акыны, композиторы, певцы из дальних районов его родины. Вокруг него группируются ученики – поэты Кокпай, Муке, Акылбай, Какитай, младший сын Абая Магавья. Все они усиленно занимаются самообразованием, изучают русскую литературу, пишут исторические, романтические и бытовые поэмы на темы, разработанные своим учителем.

Имя Абая начинает привлекать многих прогрессивных людей Востока – по преимуществу татарскую молодежь, принужденную покинуть города из-за преследований властей, или репрессированных царским правительством пришельцев с Кавказа и Крыма. Месяцами в ауле Абая гостят кавказцы, бежавшие из сибирской ссылки и пробирающиеся по казахским степям к себе на родину. Аул Абая постепенно становится центром передовых людей того времени.

Все это сильно встревожило власти края. За аулом Абая устанавливается негласный надзор. Абай становится объектом постоянного и бдительного внимания приставов, урядников, волостных управителей. Но с годами все увеличивается число последователей и почитателей таланта Абая. Широко распространяется в городе его огромное влияние. Не только его собственные, но и стихи его учеников переписывают, заучивают, поют. В форме устного сказа распространяются в степи романы западных и русских писателей, пересказанные Абаем своим слушателям. Так проникли в степь «Три мушкетера», «Генрих Наваррский» Дюма, «Хромой бес» Лесажа, русский народный

сказ о Петре Великом, романы о временах инквизиции. Рассказывались в устном изложении Абая романы о пионерах – поселенцах американских прерий, сюжеты поэм Лермонтова, а также множество восточных поэм – «Шах-Намэ», «Лейла – Меджнун», «Кер-Оглы» и другие.

По примеру Абая распространению таких произведений способствовал и ряд других европейских образованных людей из его круга. Сам поэт обучал своих детей – дочь Гульбадан и сыновей Абдрахмана и Магавью в русской школе (в городе).

Среди последователей Абая самыми талантливыми поэтами были Магавья и его старший брат Акылбай. Они оставили ряд поэм, написанных по совету отца – о борьбе рабов со своим хозяином – плантатором на берегах Нила, о борьбе с царизмом известного вождя кавказских повстанцев Шамиля и т. д. Другие поэты абаевской школы, такие как Кокпай и Бейсембай, писали поэмы исторические, из прошлого казахского народа. По поручению Абая и при его ближайшем участии Кокпаем написана поэма об известном восстании народного героя Кенесары».

Все эти произведения распространялись в народе в рукописях и в устном исполнении. Также доходили до широких масс казахских слушателей произведения Пушкина и Лермонтова и доселе неизвестные им ценнейшие дары мировой поэзии – стихи Байрона, Гете и других.

Эта разносторонняя просветительская, художественная и общественная деятельность Абая и его учеников всей силой своего колоссального воздействия была направлена против остальных феодальных устоев тогдашнего аула, против родовитых интриганов и против всей системы царизма. Этим Абай заслужил лютую ненависть степных феодалов.

Они начали длительную и коварную борьбу против всего того, что нес на своем знамени просвещенный и непримиримый поэт. Враги Абая были в союзе с чиновницей знатью, с властями и с переводчиками, со всеми тогдашними представителями продажной мелко-чиновничьей интеллигенции. Все эти темные силы, боясь народной любви к Абаю, не могли действовать против него открыто. Они избрали вероломные методы борьбы. Один из старейшин, непримиримый враг Абая Оразбай сплотил вокруг себя недовольных поэтом представителей городской и степной знати. Они стали порочить Абая клеветой, преследовать

его учеников, а в 1897 году, при явном попустительстве властей, устроили покушение на его жизнь. Они наводнили канцелярии губернаторов, уездных начальников, царских судов всевозможными доносами. По этим доносам в аул Абая приезжали с обыском чины семипалатинской полиции.

Неоднократно пытался изъять Абая из степи и губернатор. Но, опасаясь возмущений масс, он был вынужден ограничиться изоляцией Абая от его ссыльных друзей.

Но все эти меры не смогли стать преградой для широкого признания народом заслуг Абая. Он стал мудрым советником народа во всех его больших и малых делах. За его разумными советами, за его бескорыстным и справедливым решением обращались люди, племена и роды из далеких районов. Нередко приезжали к нему с просьбой решить сложные междоусобные дела о набегах, убийствах, в которых власти не смогли разобраться и оставили нерешенными. На особых многолюдных сборах ставился вопрос о наказаниях феодалов, которые в результате своих бесконечных интриг обрушивали тяготы и беды на казахский народ.

Дела и творения Абая были особенно популярны среди степной молодежи. На многих народных сборах, поминках, торжественных тоях (пирах), на свадебных празднествах пелись его песни.

Завистливые степные воротилы не могли мириться с такой невиданной славой ненавистного им Абая. Сложная сеть хитроумных, грязных интриг глубоко ранила сердце поэта. От Абая отталкивали его родных, восстанавливали против него его племянников и даже родного брата, клеветой и угрозами отталкивали от Абая его учеников, травили его друзей. В этой мрачной атмосфере злобы и ненависти тяжелой и невозвратной утратой явился для Абая ряд смертей – особенно его сына Абдрахмана, наследника дел его, талантливого и образованного человека. Надломленный тяжелой борьбой, одинокий борец за счастье своего народа терпит последний удар судьбы – от чахотки умирает его любимый сын, талантливый поэт Магавья.

Абай пережил его только на 40 дней. Раздавленный этим несчастьем, поэт умирает в родных степях на 60-м году своей жизни.

Он похоронен около своей зимовки в долине Жидебай вблизи Чингисских гор.

1945 год

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Всадник с беркутом скачет в ранних снегах.
Будет зорок – добудет лису в горах.
Вот находка в пути: удобный наряд,
Конь хороший да спутник, забывший страх,
Да лисы осторожной обратный след,
Обнаруженный чудом в горных кустах.

У подножья горы – охотников сбор.
Всадник с беркутом скачет во весь опор,
Он сорвет клобучок у беркута с глаз –
Беркут крылья расправит, глядя в упор.
«Слишком низко мы скачем: уйдет лиса!» –
Так подумав, он взмоет к вершинам гор.

«Не спасет меня бегство», – лиса поймет,
И замрет она вдруг, и раскроет рот,
Заскрежещет зубами и глянет вверх:
И она хочет жить, у нее – свой расчет!
Будет зрелище! Ловчий нетерпелив,
Презирая опасность, летит вперед.

Помнит беркут: лиса – из мощных врагов,
Сразу в дело пускает сорок клинков.
Но не вздумает медлить беркут-батыр:
Обнажит восемь лезвий, восемь штыков.
Зашумит он крылами и полетит,
Устремится на землю из облаков.
Вот сошлись, вот сцепились в блеске зари,
Словно единоборцы-богатыри.
Та – царица земли, тот – небесный царь.
Захотел человек – и эти цари
Бьются насмерть... А снег ослепительно бел,
Черен беркут, лисица красна...

Смотри!
Эта битва с купаньем девы сходна,
В час, когда на локтях поднимает она
Две косы смоляные, входя в ручей,
Молодая, нагая, легка, нежна,
С белоснежным телом, румяна лицом.

Эта битва тебе напомнить должна
Жениха и невесты первую ночь.
На постели им тесно... Лисе невмочь:
Беркут смял и свернул ее под собой.
Ловчий, быстро добычу ты приторочь!
И, гордясь победой над хитрой лисой,
Победители стать на отдых не прочь.

Скажут старшие, похвалив смельчака:
«Захвати в добычу три косяка!»
Ты доволен и рад. Стряхнув малахай,
Ты кладешь за губу щепоть табака.
Словно ягод в горах – пусть будет лисиц,
Чтоб охотника доля стала сладка.

Никакого не делаешь ты вреда,
Если ты приезжаешь на ловлю сюда.
В бренном мире нет мне занятия милей,
Я готов про охоту слушать всегда.
У кого пронизательный, ясный ум,
Тот, наверно, меня поймет без труда.

Не видна близоруким в степи трава,
Не понять верхогляду мои слова.
Но возникнет картина в душе твоей,
Если в каждое слово вникнешь сперва.
Только истинный ловчий меня поймет,
Тот, в чьем сердце прелесть охоты жива.

Перевод С. ЛИПКИНА

* * *

Чувства пылкие твои:
Лед и пламя, зной и холод.
Но тускнеет свет любви.
Да и ты уже не молод.

Прежде ты любил нежней,
Верен чувству дорогому.
Череду текущих дней
Ты осмыслишь по-другому.

Откровения любви
Вдруг покажутся пустыми.
Чувства прежние свои
Лень делить с людьми чужими.

Лень-то можно превозмочь,
Только жаль, что ум коснеет.
Твоего незнанья ночь
Даже мудрый не рассеет.

Перевод Ю. КУЗНЕЦОВА

1884

* * *

Словно месяц, изогнутый в небе ночном,
Отливает сверкающий лоб серебром.
Свет струится из черных, как полночь, очей,
Брови вскинули иссиня-черный излом.

Нос точеный у ней легок, узок и прям.
Розов отсвет ланит – удивленье очам,
Сердце, видя улыбку, пьянеет, когда
Блещут зубы, подобны во всем жемчугам.

Речь нежна и умна – тонкий лепет ручья,
Смех заливчато длится, как трель соловья,
Шея – шелк белоснежный – гибка и тонка,
Чист и свеж подбородок, прохладу тая.

Средний рост у нее, но величествен вид,
Тонок выгиб спины, взор открыто глядит,
Камышинкою легкой сгибается стан,
И два яблока зреют у ней на груди.

По-ребячески нежен ее локоток,
Пальцы гладки, проворны, блестит ноготок,
И, потупясь, смущенно туманится взгляд,
Если косы рассыплют свой черный поток.

Наши девушки нежной цветут красотой,
Но ненадолго дан им душевный покой –
На прекрасной заре восемнадцати лет
Жизнь направит пути их суровой рукой.

Затаили лукавство, притворство одни,
Будто вовсе о страсти не знают они,

И уж слишком отважны другие, плетя
Сеть кокетства, ужимок, пустой болтовни.

Мы же хитрости девичьи знаем давно:
Тот им мил, кто всегда уважаем людьми.
Так и юноши: эти, про стыд позабыв,
К недоступному свой устремляют порыв.

Те – скромны и тщеславия вовсе чужды,
Терпеливы, и каждый из них молчалив.
Но ценнее всех тот, кто в упорстве своем
Не растратил себя на тщеславье пустом,

Кто свой дух воспитал на полезном труде
И давно научился ходить за скотом.

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

Когда баран войдет в ручей, воде жирней не стать,
И нам смешно, коль станет волк ее спеша лакать.
Как этот волк, гляжу кругом, не вижу ничего.
Ужель просторный этот мир мне мыслью не обнять?

Ужель с рождения тебя особый метил знак
И всю Вселенную зажать ты хочешь в свой кулак?
Бедняжка-мысль твоя парит в небесной вышине,
А здесь опоры на земле найти не может шаг.

Но человеку можно все постичь своим умом,
И уступает наша мысль лишь пред одним Творцом.
Я засыпаю, утомлен, и, вновь открыв глаза,
Стараюсь тайну разгадать в дерзании своем.

Своих сомнений отрицать не стану наобум,
Где нет сомнения в душе, там, значит, нет и дум.
Но что порой бессильна мысль, – меня не тяготит,
Ведь мыслить лучше, чем держать всегда в дремоте ум.

Мы рождены, чтоб мыслить, жить, и кровь нам дал Аллах,
Так как же думою своей не жить нам в небесах?
Ты, и не думая, придешь к началу своему.
Желаний лучших обрести земной не может прах.

Путь жизни – узкая тропа иль напряженный лук.
Пока ты жив, его Аллах не выпустит из рук.
Запомни твердо: правды нет в извилистом пути.
Не соскользни, идя в полет, и цель вернее, друг!

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распален.
Мыслью не с кем поделиться! Кто поймет,
Кто ободрит, услышав твой тяжкий стон?

Всем рожденье и кончина суждены,
Дней минувших не вернуть из тишины,
Радость где-то остается позади,
Все проходит, все деянья непрочны.

Будь благоразумен, укрепляй свой дух в борьбе,
Лишь бездарный покоряется судьбе,
Лишь ленивец потрафляет большинству,
Скуден мыслью, неуверен сам в себе.

Людам низким не по нраву честный труд,
Самохвальством, плутовством они живут,
Но за подлость расплатиться срок придет:
Разбивается не в год, а в миг сосуд.

Должно жизнь свою сокровищем считать,
Разум острый и добро приобретать.
Не позор ли по аулам день-деньской
Время в шутках да кривлянье коротать?

Чужд невежде разум ясный, он скорей
Верит бредням, мыслью брезгует моей;
Разве каждый может правду оценить,
Небылице верит глупый – только ей.

Бредит дурень о багрянце заревом,
Об одеждах, шитых чудо-серебром,

С отвращеньем он относится к словам
Аксакала, что осведомлен во всем.

Мудрый зорко проникает в глубь вещей,
Расщепляет волос на сорок частей,
Он и судит, он и взвешивает грех,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа шлет ему любви слова,
Ближних сгубит и оплачет, а едва
Свет удачи озарит кого-нибудь,
Воскликает: «Вот любимец божества!»

Тяжким бедам всенародным рад шайтан,
Ангел изгнан, ангел скорбью обуян,
Твердо знаю – не покается подлец,
Перейдет он к сатане в победный стан.

Властелина нагло корчит плут любой,
Рать вербует втихомолку, с хитрецей,
Но не будет подлый первым среди людей,
Он себя же гонит к яме роковой.

Ведь не всякий путь указывать рожден.
Тот, кто честен и правдив, блюдет закон.
Волостным все норовит безмозглый стать, –
Будет всеми, как собака, проклят он.

Перевод Д. БРОДСКОГО

* * *

Вот и старость... Свершиться мечтам не дано!
Поколение новое вижу. Оно
Научилось ловчить, но не хочет трудиться,
И повсюду стяжательство только одно.

Бай залезет в карман, говоря: «Дорогой!
В черный день все тебе возвращу я с лихвой».
Волостной и судья, поживясь, обещают:
«Если, мол, кто обидит, защитник я твой».

Всякий нищий берет: «Я трудом отплачу».
Избиратель: «Заплатишь – я шар опущу».
«Берегись, коль не дашь!» – заявляет пройдоха.
Вымогать удастся такому рвачу.

Друг нашептывает: «Коль не дашь, я готов
Перекинуться в стан твоих лютых врагов.
Не могу же тебя я обслуживать даром!..
И рассоримся мы до скончания веков».

Убеждает пролаза: «Рублей не жалея,
Чтоб задабривать ловких, полезных людей».
Есть охотников двести на сотню баранов...
Голова пошла кругом от мерзости всей!

Что же, мясо готовь и на пир приглашай
И того, кто стоит за тебя, угощай!
Все закаркают черною стаей вороньей:
«Кто щедрее, тому я слуга, – так и знай!»

Обещанья пустые – лжецам не в укор.
Забывать свою клятву – у нас не позор.
И рычит человек, словно злая собака:
«Искусая тебя!» – вот и весь разговор.

«Избирайте любого! – начальник твердит, –
Так, чтоб выборный не наносил вам обид».

Но от этого лучше не стало народу,
И начальник, глядишь, недоволен, сердит.

Все уловкой прожить норовят плутовской.
Упрекнешь ловкачей – изведут клеветой.
Разве душу найдешь хоть одну, что довольна
Тем, что Бог человеку дарует, – судьбой?

Сын отца предает, брата старшего брат.
Этой жизни собачьей кто может быть рад?
Те, кто совестью из-за наживы торгуют,
Будьте прокляты! Беды вас пусть поразят!

Все – родня и чужие – теперь на ножах.
Все друг друга преследуют, злоба в сердцах.
Гибнут гнезда людей, одержимых корыстью...
Ах, зачем ты их создал такими, Аллах!

Сгинь, душа, коль источена ложью дотла!
Сгинь, добро, что бесчестья рука принесла!
Сорок раз тебе горы сулят золотые, –
Но добиться ль тебе молока от козла?

Сгинь, наглец, что, стократно меняя личины,
Ждет еще похвалы за такие дела!

Перевод А. ГАТОВА

* * *

Быстрый беркут любую добычу возьмет.
Пустельгу ценит этот, а ворона – тот.
Когда беркут взмывает высоко, то вслед
Запускают они своих птиц в небосвод.
Ворон, каркая, кружит, а где-то над ним
Пустельга свои песни пустые поет,
Но самим им добычу вовеки не взять.
Так и носятся в воздухе взад и вперед.
Только портят охоту, дразня и шумя.
Тот и этот хозяин в восторге ревет,
А что проку в том нет, никому невдомек.
Хвалят птиц своих после всю ночь напролет.
Пользы нет никакой ни уму, ни душе,
Но доволен потехою бедный народ.

Перевод Ю. КУЗНЕЦОВА

* * *

О казахи мои, мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Зло – на левой щеке, на правой добро –
Где же правда? Твой разум не разберет!

Ты и с виду неплох, и числом велик,
Но какой же яд в твою душу проник?
Ты не внемлешь добрым советам чужих,
Режет всех без разбора твой серп-язык!

Власть не можешь явить над своим добром,
Спишь тревожным сном и тревожишься днем,
Добродушен, сердит, заносчив, труслив,
Постоянен в непостоянстве одном.

Почему же чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ?
Не исправишься ты, покуда чужой
Над тобой правленья бразды не возьмет.

Если зову чести не будешь внимать,
Отвернется от сына отчизна-мать.
Все добро свое по ветру ты пустил,
И уже степных табунов не поймать.

Нет единства, порядка, везде разлад.
Зависть, алчность владеть тобою хотят.
Исцели себя от недугов таких,
А не то унижен будешь стократ.

Разве можешь ты быть спокоен душой,
Если горки не в силах взять небольшой?
Если стойкости нет, если твердости нет,
Разве можешь ты быть довольным собой?

Если кто-либо верный укажет путь,
Ты его клеймишь неразумной хулой.

Перевод С. ЛИПКИНА

* * *

Только юность одна – жизни счастливый цвет,
Но не думай, что ты так и не будешь сед.
Мы только в юные годы веселы и бодры,
Старость пришла – и вдруг видишь, что счастья нет.

В юности всем легко песенки распевать,
Острым словцом своим, шуткою задевать,
Гордо в аул входить, к девушкам нежно лнуть, –
Высшего счастья нам будто бы и не знать.

Мудрый такую жизнь лишь пустяком сочтет –
Лучше учитесь вы и собирайте скот.
Девушку любишь – люби только свою, одну,
Непостоянству в любви предан лишь сумасброд.

Но выхаживать скот ленится молодежь.
Если всю жизнь гулять – и до беды дойдешь.
В юности прежде всего надо учиться нам.
Если ж не удалось – и честный труд хорош.

Бродишь ты по гостям, лучший надев наряд,
На удалом коне век гарцевать ты рад,
Но отощает конь, быстро пройдет почет.
Пусть же суетный пир твой не прельщает взгляд!

Сдержанность – вот наш щит, верный признак ума,
Трудности побеждать учит нас жизнь сама.
Стоит ли быть рабом праздных, пустых забав?
Пусть же воля твоя будет всегда пряма!

Как ни велик соблазн – не доверяй ему,
Встретишь ты на пути страшных несчастий тьму,
Будешь скитаться ты, хлеба просить кусок,
Вот беспечность твоя может вести к чему!

Нас до седых волос уродует щегольство.
Ставь же ему предел, не поощряй его.

Может и вором стать, нищий в лохмотьях тот,
Кто не хочет трудом добыть себе ничего.

Разуму не научил нас с юных лет отец,
Опыта у родни не приобрел молодец,
Вот, глядишь, и ушла молодость в пустоту, –
Рад бы и умным стать, да уж всему конец.

Нет уж юношей тех, кто бы мне здесь внимал,
А от тщетных надежд я уж давно устал.
Чтобы никто не мог старцев, нас, упрекнуть,
Эти простые слова я для других писал.

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

Тебе я вверился, мой Бог.
Веди к себе, я – твой во всем.
Не вижу рядом ни души,
Когда за горло взят врагом.
Вождей родов Аргын, Найман,
Пронял я слов своих огнем.
Но низкой черни Тобыкты,
Что значит слова град и гром.
Словами в слитках золотых
Соришь пред ними, не берут,
Сколь ни проси, за медный лом.
С базара грешного за бязь
Сорвать хотели бы парчу,
Стараясь вас надуть притом.
Но если узел разрубить,
Надменных головы срубить,
Назначит время перелом.
Возможно ль кары избежать
Пред божьей ярости лицом?!

Перевод А. КОДАРА

ОПИСАНИЕ КОНЯ

С густою челкой, с ухом, как тростник,
С высокой шеей, взгляд раскос и дик.
С загривком мощным, с гривой, словно шелк,
С зашейной ямой, чей размер велик.

Широк ноздрей, губаст и толстогуб,
С хребтом могучим, словно гор уступ.
С игрою мускул налитых, грудаст,
Как беркут, что берет добычу, губ.

С копытом круглым, ровным, как такыр,
С коленями, раздвинутыми вширь.
С ногой высокой, чей притоп упруг,
С лопатками просторными, как мир.

С раздольным крупом, тонкостан, бокаст,
Как ни смотри, он под седло горазд.
Кургуз хвостом, чей жесткий волос сух,
С бугром подхвостья, что жиреет всласть.

С лодыжкой низкой, с мясом как брусок,
С округлым задом, сильным на прискок.
С подбрюшьем плоским, тонок и поджар,
С мошонкой толстой, что висит меж ног.

В суставах гибок, в голени широк,
Игривый в беге, словно ветерок.
Его я жажду к юрте привязать,
Чтоб он косил глазами, одинок.

Рысит он ровно, очень резв и скор,
Грызя зубами яростно простор.
Он в скачке – спор, в езде – надежен, тих,
Коня такого не иметь – позор.

Он так рысит, что малахай торчком,
Как будто сам ты взвился соловьем.
Быстрой сайгака этот редкий конь,
Изнемогаю, думая о нем!

Перевод А. КЮДАРА

ЛЕТО

Знойным летом налитые
В рост пошли цветы и травы;
Соки бродят в них живые;
У реки разбили станы
Скотоводы кочевые.
Гул висит над табунами,
Шум стоит у водополя.
Жеребцы и кобылицы
Блещут сытыми боками;
Чтобы от слепней отбиться.
Хлещут по воде хвостами.
Между ними жеребята
Резво бегают кругами.
Вверх и вниз речные птицы
Мельтешат под небесами.
Молодицы и девицы
Блещут белыми локтями;
Плавно, медленно ступая,
Ставят юрты и смеются.
Смех приволен, мир раздолен.
Из поездки бай вернулся,
И стадами он доволен,
И конем, что не споткнулся.
В самой крайней юрте деды
Делом заняты приятным
И ведут свои беседы
За кумысом ароматным.
Внук, обманутый слугою,
Хнычет и сластей у бабки
Просит, топая ногою.
На коврах, в тени чинары
Баи важно восседают,
Перед ними самовары
Громко песни затевают.
Муж ученый держит слово,
Что быстрее коня степного.

Все согласно выражают
И кивают то и дело.
Вон старик стоит у юрты
С посохом, в рубашке белой,
Пастухов бранит, чтоб гнали
Шумный скот от юрт подале;
Лебезит и суетится
Перед баем, мол, за старость
Тот кумыса даст напиться.
Все табунщики так рьяны.
Под собой земли не чуют.
Подоткнув с утра чапаны.
На лихих конях гарцуют.
У реки расположилась
Молодежь сама собою.
Птиц стреляя, птиц пуская.
Вдруг из рук вспорхнет, блистая,
Птица синяя, подхватит
Утку в воздухе и сядет.
Все забыто. Бедный старец!
Или ты ошибся в чем-то.
Только старому нейдется,
Одобрительно и громко
Он на весь аул смеется.

Перевод Ю. КУЗНЕЦОВА

* * *

Бестолково учась, я жизнь прозевал.
Спохватился, но поздно. Вот он, привал!
Полузнайка – я мнил себя мудрецом
И заносчиво ждал наград и похвал.

Я отсталых мечтал за собой вести,
А они меня сами сбили с пути.
Я – один, а наглых невежд не сочтешь,
И нелепые шутки ныне в чести.

Прямодушному злобно кричим: «Урус!»
Знать, милее нам лицемерный трус.
Задувив человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз.

Недоверье, как вихрь, ворвалось в наш дом,
Даже лучшему другу верим с трудом.
Нет прощенья ошибкам его! Залегла
В глуби сердца обида холодным льдом.

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны любви через все рубежи.
То, что мы любовью и дружбой зовем, –
Лишь силок для сердец, что соткан из лжи.

Ни друзей у меня, ни любимой нет.
Я устало пою на исходе лет.
О, каким необъятным казался мир
Той порой, как встречал я жизни рассвет!

Дружба – дар миродержца, вечная связь,
Речи друга с души твоей смоют грязь.
Я взлелеял дружбу, но злобный глупец
Растоптал ее, надо мною глумясь.

Я ищу эту дружбу – нет никого.
Кровью сердца зову – повсюду мертво.
Я приятелей тьму обрел без труда,
Но любимого друга – ни одного!

Перевод А. ШТЕЙНБЕРГА

* * *

Измучен, обманут я всеми вокруг.
Меня предавали и недруг, и друг.
Средь близких и дальних почти не найти,
Кто б не был причиною горестных мук.

Один – из-за выгод приятель тебе,
Споткнешься – покинет в неравной судьбе.
Не скажет тогда: «Я такой же, как он», –
И рядом не встанет в неравной борьбе.

Тот – низкий стяжатель, тот – взяточник, вор.
Для них твои цели и помыслы – вздор.
Пустые лукавцы, рабы суеты.
На ком остановишь с надеждою взор?

Трепещут за скот, за добро богачи,
В тревоге, насупясь, сидят, как сучи.
Там стадо угнали, ограбили тут, —
Ведь грабят кругом и воруют в ночи.

Торговлей не могут заняться купцы –
Бедняги не сводят с концами концы:
Поверишь на слово – не взыщешь потом,
Долгов не хотят признавать подлецы.

Судья презирает свой сан и закон.
К злодеям, к ворам снисходителен он, —
И множится зло, расцветая вокруг,
И нет преступленьям преград и препон.

Завидуют злобно свои своему.
Не внимлет, не верит никто никому.
И дети, и брат, и жена, и твой друг
Тебе изменяют в твоём же дому.

На честного тысячи плутов кругом, —
Как тут в одиночку бороться со злом?

Распутство и пьянство повсюду царят,
О дружбе, о пользе нет мысли ни в ком.

Где солнце смеялось земле и цветам, –
Осенняя слякоть и сумерки там.
Скандалы и распри мертвят, как зима.
Раздолье – мерзавцам, разор – беднякам.

К заслугам, к летам – уважения нет,
Стяжатели вылезли гордо на свет.
За деньги все рады позорить и чтить,
Мгновенно в любой перекусившись цвет.

Перевод П. КАРАБАНА

* * *

К наукам я холоден в юности был,
Их пользу я видел, но смысла не знал.
По зрелости лет потянулся я к ним,
Увы, ухватить их я суть опоздал.
Кого тут винить, что остался ни с чем?
Учись в свое время – другим бы я стал.
Есть радость одна – это дети мои.
В ученье отдать я детей пожелал.
Но сына послал в медресе не за тем,
Чтоб службу служил и чины получал.
И сам я стремился возвысить свой ум.
И равных себе в красноречье не знал.
Но труд мой не ценят в народе, и я
Покой одиночества в жизни избрал.

Перевод Ю. КУЗНЕЦОВА

* * *

Пока не знаешь – молчи.
Пока блуждаешь – молчи.
В бесцельных днях и в ночи
Пустых забав не ищи.
Чтоб человеком ты был
И вровень с веком ты был,
Ты пятерых побори
И пятерых избери.
Злословье, ложь, хвастовство,
Безделье и мотовство —
Вот пять врагов твоих, знай.
А разум и доброта,
Упорство, скромность и труд —
Вот пять друзей, согласись.
Увидев зло – отвернись,
К беде пороки ведут.
Добро увидев – о нем
Ты помни ночью и днем.
Коль с детства книги читать —
Ученым сможешь ты стать.
Не унывай, малOVER!
Бери с великих пример.
Не говори: «Я не тот!»,
Учись – и знанье придет.
Никто не сможет помочь,
Коль ты, чуть вспыхнув, погас.
Учись не день и не час,
И будешь знаньем богат,
А знанье – истинный клад.
За мудрым следуй смелей.
Не слушай вздорных людей.
Что аксакал или бай
Расскажут – сам осознай.
Словам впустую не верь,
Их суть продумай, измерь.
Срами нещадно глупца.

За правду стой до конца.
Пусть пошлость нагло груба —
Тем легче с нею борьба.
Будь скромн, будь молчалив,
Мой горький опыт усвой.
О говорящем с тобой
Не думай: «Кто он такой?»,
А думай: «Что говорит?». —
Мы помним славных певцов,
И мудрецов, и вождей
Лишь по одним именам —
Их жизнь неведома нам.
Поверь, о юноша, мне:
Бесценны знанья и ум.
Что чуждо их глубине,
Забудь, как суетный шум.
Достигни цели вполне,
Чтоб найденное сберечь.
На мудреца — сто глупцов —
Вот горькой истины речь.
Запомни, юный мой друг,
В речах, звучащих вокруг,
Правдивых слов не найдешь,
Для робких правда страшна,
Им в правде видится ложь.
Душа невежды мертва.
Пусты без мысли слова.
И сам учись и учи.
Лишь знаньем жив человек.
Лишь знаньем движется век.
Лишь знанье — светоч сердец.
Лишенный учеников
Учитель — горький вдовец.
Людей суди по уму,
Но не по облику их.
Разумен будь и правдив
В делах и думах своих, —
Так мудрецы говорят.

Пойми совет их простой.
Да будет праведен путь
Твоей души молодой!

Перевод М. ПЕТРОВЫХ

* * *

Поэзия – властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота сравнений.

А если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу, –
Такая песня миру не нужна,
Невежды голос люб дурному слуху.

Коран с хадисом славны вязью слов,
В них мысль узорно вплетена в реченья,
Когда б не рифмы, не соблазн стихов,
Пророки бы молчали, без сомненья.

Молящийся в мечети мудрый муж,
Ученые, чьи в полночь пылки споры, –
Все любят красноречие. Кому ж
Не любо ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блестать стиха серебряной оправой.

На старых биев ныне погляжу:
Пословицами речь отягощали.
Иных певцов глупцами нахожу –
Из мусора стихи они слагали.

В толпе с кобызом пели и с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам.

Бродили попрошайками порой,
Позоря песню, проклятые Богом.

Бродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, теша встречных лестью,
На стороне чужой, ценой похвал,
Он добивался невысокой чести.

Он шел туда, где бай и где хвастун,
Но подаяньем не менял удела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях оскудела.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

Кичливых мог бы славить богачей,
Красавиц легкой веселить забавой.
Бряцание пустых моих речей
В их жизни было б сладкою приправой.

Немногим по душе благой совет,
Иной безумец лишь упрямству верен.
Надеждой лишь для знати полон свет.
Простите, если мой укор чрезмерен.

Все норовят связать сосну с лозой,
Все жаждут жить спокойно и привольно.
Хвастун и льстец поймут ли оклик мой?
Найдется ли из тысячи достойный?

Плутам одна нажива дорога,
Иному хитрецом прослыть охота.
Затеяв драку, «Бей, кричит, врага!» –
Авось, он под шумок ухватит что-то.

Терпенье, совесть, гордость – не в цене,
И к мудрости, и к чести люди глухи.
Не ищут знания – лишь в слепой возне,
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи.

Перевод В. ЗВЯГИНЦЕВОЙ

* * *

Грязный в словах и делах,
Жадностью обуян, –
Вот кто тебя, казах,
Губит, вводя в обман.

Забыв и совесть, и честь,
Весь завистью налитой,
Он всех бы готов известь
Хулою и клеветой.

Ничто ему не позор.
Откажешь – ты враг навек.
Озлясь, грабитель и вор
Свершит на тебя набег.

Людьми ненавидим он,
А Богом проклят давно.
Пускай кругом уличен –
Отвертится все равно.

Он все припишет другим,
Хоть в доводах смысла нет.
Немало награблено им –
Он взятку сует в ответ.

Не вышло – на новый лад
Начнет вести канитель.
Угроз, оскорблений ряд...
Глядишь – достигнута цель.

На крайний случай готов
Подальше откочевать.
Его мечта – без трудов
Богатым и знатным стать.

Лежать на боку в дому,
Шататься с пира на пир

И на бесплатном корму,
Как скот, нагуливать жир.

Нет гордости мужа в нем,
Он вовсе лишен стыда:
Заброшен собственный дом,
Семья голодна всегда.

В товарищи он возьмет
Такого ж плута, как сам.
«Пройдохи», – зовет их народ.
Сегодня грозит он вам.

А завтра он друг на час,
На все лихое горазд,
Он оптом и в розницу вас
Сто раз предаст и продаст.

«Кто сведущий человек?» –
Спроси здесь любого ты.
«Тот, кто, пролгав весь век,
При помощи клеветы

Порочит, утратив стыд,
Равно своих и чужих
И по начальству летит
С кипой доносов на них.

И там, опростав карман,
В аулах новый навет
Строчит, и ретив и рьян», –
Услышишь от всех ответ.

Ответ клеймящий – и что ж?
Кому он замкнул уста?
Снова такая же ложь,
Такая же клевета!

И снова плач без конца.
Коль все спокойно живут, –
Нет корма у подлеца,
Как пес бродячий, он худ.

Он жизни своей не рад...
Грош – дома цена ему.
Покой для него – что яд.
Он скряга в своем дому.

Он ищет в чужом утех,
Он враг тому, кто умен.
Он псами ругает тех,
Кто лучше живет, чем он.

Стал изобиловать край
Врагами жизни людской.
На всех поднимают лай,
Куснут – хоть иди, хоть стой.

Язык ядовит у них,
Душа их – черная грязь.
На честных и на прямых
Бросаются, разъярясь.

Чтоб им привольно жилось –
Все очернят, что светло.
Пропитаны злом насквозь,
И все их деянья – зло.

Какая выгода им
Желать для других добра?
Им правда – что едкий дым,
Их ненависть к ней остра.

(Тьма ненавидит зарю!)
Под правду раскрасят ложь.
Честные, вам говорю:
Нет правды в них ни на грош!

Пора уж в конце концов
К столбу пригвоздить подлецов!

Перевод П. КАРАБАНА

* * *

Если умер близкий – скорбен человек,
Сердце злой утратой ранено навек.
Почему ж он в песню облакает боль,
Жемчуг слез роняя с увлажненных век?

Свадьба – женят сына, дочку отдают –
Радуются люди, от души поют.
Сколько есть обрядов: беташар, жар-жар –
Разве мы без песен обойдемся тут?

Родился младенец – пир, шилдехана,
И ночами песня звонкая слышна,
Вспомни поговорок звонкие стихи –
В песне мудрость предков нам сохранена.

Двери в мир открыла песня для тебя.
Песня провожает в землю прах, скорбя.
Песня – вечный спутник радости земли.
Так внимай ей чутко и цени, любя!

Если не откроешь ей любовно слух,
Если не постигнешь сокровенный дух, –
Не споешь ты песню, не поймешь ее,
Но молчать ли песне, если ты к ней глух?

Стих – узор словесный, стих – что кружева,
Пригнанные тесно, в нем поют слова.
Если слово звучно, если мысль верна, –
Не отвергнуть песни, песня век жива!

Слово не взволнует сытого глупца.
Видят мудрость только зрячие сердца.

Но и тем, кто ценит слово, песню пой
В час, когда открыты души для певца.

Не проси за песню денег и наград:
Ты ж, пропевший песню, не понес утрат!
Продающих песню дальше обходи, –
Песню пой пред теми, кто ей сердцем рад.

Средь толпы немного ты найдешь таких.
Ты не отдавай ей на потеху стих:
Отвернется вскоре для других забав, –
Мало кто услышит мудрость слов таких.

Шортанбай, Бухар-жырау и Дулат...
Песни их – обноски из сплошных заплат.
О, когда б нашелся хоть один знаток, –
Вмиг изъяны б эти обнаружил взгляд!

Мастерство и правда – в этом цель певца,
Чтоб раскрыть не только очи, но сердца,
Дать примеры юным, просветить невежд.
Даже нет и в мыслях – забавлять глупца!

Перевод П. КАРАБАНА

ЗИМА

В белой шубе, плечист, весь от снега седой.
Слеп и нем, с серебристой большой бородой,
Враг всему, что живет, с омраченным челом,
Он, скрипучий, шагает в степях, снеговой.

Старый сват, белый дед натворил много бед.
От дыханья его – стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян.

Брови грозно нависли – нахмуренный вид;
Головою тряхнет – скучный снег повалит.
Злится он, словно бешеный старый верблюд,
И тогда шестискладная юрта дрожит.

Если дети играть выбегают во двор,
Щиплет нос он и щеки им злою рукой;
В армяке, в полушубке дубленом пастух
Повернулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить безуспешно пытается лед,
И голодный табун еле-еле бредет.
Скалит жадную пасть волк – союзник зимы.
Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот!

Угоняйте на новое место табун,
Не поспав, не умрешь, надо быть посмелей!
Все же лучше, чем волк, Кондыбай и Конай.
Деду мы не дадим пировать средь степей!

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

В ночной тиши луна царит,
И отблеск на воде дрожит,
В глухом овраге дремлет мгла.
Река весенняя шумит.

В лесу деревья меж собой
Лепечут новою листвою.
Помолодевшая земля
Покрыта зеленью густой.

И ловит слухом горный край
Пастуший клик и песий лай.
А ты сюда не приходил?
Так приходи и ожидай.

Она бледнеет и горит,
Ей грудь дыхание теснит.
Пугаясь каждого куста,
То замирает, то дрожит.

Сердечной дрожи не уняв
И тайных слов не прошептав, –
Скажи, – стояла ли она,
Лицом к груди твоей припав?

Перевод Ю. КУЗНЕЦОВА

ОСЕНЬ

Тучи серые, дождь недалек.
Осень. Голую землю туман заволок.
То ль от сытости, то ль чтоб согреться, резвясь,
Стригунка догоняет в степи стригунок.

Ни травы, ни тюльпанов. И всюду затих
Звонкий гомон детей, смех ребят молодых.
И деревья, как нищие старцы, стоят
Оголенные, листьев лишившись своих.

Кожу бычью, овечью в кадушках дубят.
Чинят шубы и стеганый старый халат.
Молодухи латают дырявые юрты,
А старухи неделями нитки сучат.

Косяком потянулись на юг журавли.
Караваны верблюдов под ними прошли,
И в аулах уныние и тишина,
А над степью осенней одни ковыли.

Дуют ветры, становится все холодней,
Стужа мучает и стариков, и детей.
Псы голодные ловят мышей полевых,
Не найдя, как бывало, объедков, костей.

Ветер пыль поднимает над степью черно.
Осень, сыро. Но так уже заведено.
Плох обычай! Нельзя разжигать очаги.
В наших юртах теперь неуютно, темно.

Перевод А. ГАТОВА

* * *

Ноябрь – преддверие зимы, пора в аул, пора!
На летних пастбищах гремят холодные ветра.
Но чтоб окрестные луга до снега не топтать,
Бай держит стадо далеко от своего двора.

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану;
Жена, бедняга, ткёт чекмень, от холода дрожа.

И для ребенка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло;
А старикам совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет зло.

Уж если бай пока что бьет свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка,
Благодари скорей его, семью его и род.

Пускай над степью снеговой буран гремит опять,
Ведь байский сын одет и сыт, ему тепло гулять,
И батрачонок целый день обязан быть при нем
И со слезами на глазах ублюдка забавлять.

Потом несмело, словно тень, войдет он в байский дом
И сядет, прислонясь спиной к горе мешков с добром;
Украдкой подобрал кусок, что бросил байский сын,
Задремлет тихо в уголке, обласканный теплом.

А бай балованным сынком доволен без конца;
На радость баю он растет собакой весь в отца;
Голодных сверстников своих стыдится байский сын,
В нем жадность вора, кровь отца и совесть подлеца.

Бай не поможет бедняку. Зачем его жалеть?
А если даст кусок, гляди: длинна у бая плеть:
Трудись, бедняк, проклятый долг сторицей возврати,
Ведь баю жить и богатеть, тебе в могиле тлеть.

Печальна горестная жизнь голодных бедняков!
Владелец тысячных отар, верблюдов и быков,
Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь,
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!

Перевод Л. ШУБИНА

* * *

Заплетенная круто коса за спиной
Вся в серебряном звоне о жизни иной.
И бобровая шапка над гибкою шеей,
А глаза – хоть умри – не пройдешь стороной!

Ты потонешь навек в черном зеркале глаз,
Перепутав случайно призыв и отказ,
Будешь маяться памятью белой улыбки
И ее жемчугами зубов напоказ.

Гибок стан ее. Милые ножки малы,
Обрисовываются изгибом полы,
А сама она – яблочко сладостной жизни,
В поле жизни прекрасней любой похвалы.

Если пальцем коснешься ее локотка,
Радость жизни поднимет тебя в облака,
Кровь толчками войдет в истомленное сердце,
Мука страсти смертельной с ней будет легка.

Перевод М. ДУДИНА

* * *

Собаку я выкормил из щенка –
И зубы ее испытал.
Меткости я обучил стрелка –
И сам мишенью стал!

Перевод А. ЖОВТИСА

* * *

Наконец волостным я стал,
Все добро на взятки спустив;
Без горбов верблюды мои,
У коней не осталось грив.
Все же волостью управлять
Я не смог, а вроде ретив...
Если сильные позовут –
Оборачиваюсь на призыв;
Если слабые говорят –
Еле слушаю, вял, сонлив...
Близок съезд! Эта весть, как гром,
Прогремела, сердце пронзив.
Но тревоги не выдаю,
Улыбаюсь, а сам чуть жив.
Вот в один из обычных дней
Вижу нарочного у ворот:
«Уездный уже в пути,
Приготовь побольше подвод» .
Я смутился – срок-то ведь мал.
Сердце – будто бы молот бьет.
Но стараюсь я, что есть сил,
Ошалев от своих забот.
Всех старшин, всех биев собрав,
Говорю им: «Время не ждет,
Заготовьте побольше юрт,
Уездный будет вот-вот!..»
Осмелев, пред народом речь
Я держу: «Мол, родной народ,
Оправдать я доверье готов,
Если милость Господь пошлет...»
Будто бы обо всех пекусь,
А на деле – наоборот.
Я, с уездным уединясь,
Все ругаю людей своих,
А потом возвещаю им:
«Не сгибал спины ни на миг. –

Похваляюсь: – Уездный сам
Верит в правду речей моих, –
Я подмигиваю: – Мол, ему
О сомненьях твердил больших...»
Начинаются толки, шум...
Тот хвастун, что был груб и лих,
Тот храбрец, что всех прижимал,
Вдруг на съезде сделался тих...

Но недолго длилась борьба:
Убедили одних, других,
Непокорных, в бараний рог
Посгибали в единый миг;
О великих и малых делах
Говорили, решили их...
Озверел науськанный бий, –
Что ему до тягот чужих?
Был изъят опознанный скот
Для своих хозяев прямых.
Кредиторы со всех сторон
Обступили людей простых...
Нету жалобщикам числа.
Гомонят: «Нам жизнь не мила!»
Управитель на ноги сел, –
Кто бедняжку станет жалеть?..
Я сил не щажу своих,
Я скачу с зари до зари,
Я мечусь туда и сюда,
Развевается мой халат.
Отпустил я совсем повода...
Чтоб уездный услышал, я
Посильнее бранюсь тогда, –
Кой-кого и палка моя
Саданула, тяжка, тверда.
Уж ретивых не вижу я,
Не осталось от них следа.
Расстегнул я ворот, жара,
Прохлаждаюсь – хватит труда!..

Управитель исправный, он
Шумно хвастается всегда,
Смех раскатистый у него,
Голос грохает; и когда
Он, случается, заговорит,
То слова текут, как вода.
Если входит к уездному он,
То другим волостям беда...
А бывает, народ строптив –
И уездный в гневе, тогда
Ноги попусту бьешь весь день,
Все бросаясь туда-сюда.
Сам я тоже едва ль хорош,
Мой характер – он как когда...
И хоть знаю, что скромным быть –
Добродетель большая, все ж
Не придерживаюсь ее.
И к рукам весь народ потом
Прибирать начинаю я.
Поначалу слегка, тишком,
Против сильных не говорю;
Их не тронув, я день за днем
Безобидных травлю чуть-чуть.
При уездном твердил об одном,
А теперь другое творю, –
Каждой мелочью, пустяком
Потихоньку довольствуюсь я.
Ни злодеем, ни мозгляком
Никогда не браню, рассердясь...
Собираю людей кругом,
За меня прошу их стоять.
«Ладно, ладно, – твержу, – незнаком
С плутовскими проделками я.
Да и хитрости нет притом...»
Пропади она пропадом, власть,
Зря к ней рвался – подошвы стер.
Что за прок от людей, когда
Чуть не каждый обманщик и вор!

Да, нерадостна жизнь моя!
Как посмотришь – стыд и позор!
Может быть, я в будущий год
Получу всех шаров набор...
Ну, а вдруг сегодняшним дням
Буду слать я грустный укор?
О родные советники, вам
Заявляю сейчас в упор:
Тюрьмы множатся что ни год;
От хулы потускнел почет...
Мой от горести меркнет взор –
Не сдержать мне народ в руках.
Почему же такой позор
Допустил? Стал строптив народ!
Все мерещится – донесут...
Вдруг узнает про всякий вздор
Наш уездный – возьметса он,
На расправу жесток и скор,
Приберет он меня к рукам,
И под суд я пойду, как вор.
В бездну мерзкую бросит меня
Немилостивый приговор...
Все эти плуты – они
Сами ль выберутся на простор?
Будут жалобы подавать,
К справедливости будут взывать,
Нет того, что было встарь, –
Управителя скользок путь, –
Нынче всякий поклеп идет
На внимательнейший разбор.
Может собственный твой донос
Погубить тебя, в нем найдут
Ложь, неправду, пойдет допрос.
Подсчитают поступки твои,
Все, что сделать тебе довелось, –

Ведь законники и хитрецы
Понимают каждый вопрос.
Лучше всякую бросить власть
Для того, пока не пришлось
В дом с решеткой стальной попасть.

Перевод Д. БРОДСКОГО

* * *

Хоть Солнце и Луна вдруг засияют вместе –
Мрак не сойдет с души моей и песни.
Ты можешь для себя найти другого в мире.
Нет в мире для меня – тебя прелестней.

Моя тоска в душе моей извечна,
Любовь – обманна. Верность – быстротечна.
Я все стерплю: насмешки и упреки –
Ты для меня навеки безупречна.

Перевод М. ДУДИНА

* * *

Где ж ты, пламя юности моей?
Не взволнуешь сердца почему?
Я постиг премудрость жизни сей,
Красоты ж не разгадать уму.

Зная цену хитроумью, лжи,
Не старайся слишком добрым быть.
Сердце силою вооружи,
Без усилий счастья не добыть.

Радостей любви не испытав,
Как поймете их значенье вы?
Если горе слишком тяжело – прав
Тот, кто не жалеет головы.

Друг тогда поистине хорош,
Если он с тобой в беде, в борьбе.
Если сам свой скот ты не пасешь,
Кто ж его пригонит вдруг к тебе?

Сам хозяин ты судьбы своей,
Труд – отрада, лень – жестокий бич.
Мало толку в пышности речей,
Если смысла знанья не постичь.

Надобно запомнить это всем:
Кто живет без цели, без забот –
Под конец останется ни с чем,
В рот само ничто не упадет.

Перевод В. ЗВЯГИНЦЕВОЙ

ВОСЬМИСТИШИЯ

Издали зовет,
От души идет,
Заставляет нас трепетать;
Он всего острей,
Он всего быстрей,
Может к месту лань приковать.
Многоликий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!

Нет, игле стальной
Никакой ценой
Не поспеть за узорами слов!
Сможет жемчуг-нить
Умный оценить,
А дешевка – радость глупцов.
Помолчите, слова, сейчас,
Тугоухий не слышит вас!

У невежды есть
Чванство, глупость, лесть
Да веселье беспечных дней.
Он всегда с толпой,
Так и льнет к тупой,
Так и следует всюду за ней.
Если мысль слепа или мысли нет,
При себе ты оставь свой бред!

Вся душа в огне,
Холод по спине,
Лишь увидишь глупцов, их ложь.
Трижды умным будь,
Укажуй им путь –
Похвалы у них не найдешь.
Но бесстыдству верны и тут.
Не дослушав, они заснут.

Им бы козни вершить,
Им бы сплетнями жить,
Пустозвон заодно с хитрецом.
Что благой совет!
В нем и смысла нет:
Сын не хочет ладить с отцом.
Пусть без устали мелют уста –
В голове одна пустота.

К счастью не придешь,
Измышляя ложь.
Сплетни – промысел пустомель.
Чванство, хвастовство,
Пьянство, мотовство –
Вот их жизни беспутной цель.
Мысли ищущей глубина
Никому из них не нужна.

Ты сердечным будь,
Человеком будь
И трудись, не жалея сил.
Сплетни, болтовня,
Глупая брехня...
Ты такой сам себе постыл.
Коль упорны твои труды,
 Попрошайкой не будешь ты.

Ты пахать умеи,
Торговать умеи
И достаток дома блюди.
Будь, жена, верна,
Муж, трудись сполна,
И тогда – успех впереди.
Коль казах казаху не друг,
Будет жизнь постылой вокруг.

Защити свой скот,
Избегаи забот,
Не давай себя унижать.

Сгинь, насилья ночь!
Властолюбье, прочь!
Да не смогут подняться опять!
Пусть проснутся совесть и честь,
Знай, в словах этих правда есть!

Коль ты слишком сыт,
Труд тобой забыт, –
Развращен такой человек.
Споря о пустом,
Другу став врагом,
Ты в ничтожестве кончишь век...
Клеветал ты, лгал, доносил.
А раскаяться хватит сил?

Кто учил тебя
Жить, разбой любя,
Кто твоим советчиком был?
Но придет имярек,
Честный человек,
Он остудит преступный пыл.
Заблужденья твои – как знать? –
Палачом твоим могут стать.

Нет, не плоть, а дух
Как в огне, мой друг,
Голова моя тяжела.
На щеке слеза,
Горе жжет глаза,
И на душу тяжесть легла.
Где разврат, разгул и разбой,
Там беда берет власть над тобой.

Жизнь моя коротка,
А цель далека,
И силы мои сочтены.
Улетают дни –
Не вернуться они,

Мы в гордыне коснеть должны.
То, что прожито, – не вернуть,
Без запасов я вышел в путь.

Вижу: чести сын –
На сто сот один,
А правдивых – ни одного.
Молодость ушла,
Голова бела,
В суете не познал ничего.
Зря потел средь клевет и зол,
В унижении жизнь провел.

Краснобай и лжец,
И всезнайка-льстец,
От тцеславья все их труды.
Эти любят лезть,
Любят кверху лезть,
Униженьем народа горды.
Проклянут тебя и – пропал,
Позовут – в небеса попал.

Пусть народ пуглив,
Ну, а ты чем жив,
Ты, пугавший родной народ?
Жаждой славы томим,
Ты следишь за ним –
Что он делает, как живет.
Коль блудливая баба хитрит,
Жалок муж, что ее сторожит.

Что успеть ты смог,
Если сам одинок
И шагаешь, растерян, с трудом.
Те, с кем дружен теперь,
Кому нужен, верь,
От тебя отвернутся потом.

Чужеродный вор и хитрец
Одолеют тебя вконец.

Вся в крови голова,
Приподнялся едва,
А угодничать снова спешишь.
Истомлен до костей,
Перед силой властей
Ты опять, как всегда, лебезишь.
Где же совесть твоя – дай ответ.
В жизни этакой пользы нет.

Лишь собака брехнет,
Мальчик палкой взмахнет
И погонится тут же за ней.
Люди хором стыдят,
На мальчишку кричат:
«Перестань! Собаку не бей!»
Устыдился. То же с тобой
И с постыдной твоей судьбой.

Кто пытлив – смелей
Мир познать сумей.
Было б только желанье познать.
А невежда слепой
Занят только собой,
Лишь поесть бы ему да поспать.
И не тот, и не этот я,
Все ж судьба не завидна моя.

Я знаний искал –
От скитаний устал,
Я глядел и туда и сюда.
Но и там и тут
Ложь и лень цветут,
Ведь невежды боятся труда.
Если хочешь погибнуть скорей,
Стань на палубы двух кораблей.

Я с утеса кричал,
Мне простор отвечал –
Отвечали и горы, и дол.
Но, услышав звук,
Я искал вокруг:
Как, откуда тот звук пришел?
Был все тот же утес подо мной –
Отклик есть, но отклик пустой.

Всадник вдаль поскакал,
Пешеход отстал.
Кто признает тебя, кто поймет?
Боль в груди сильна,
И слеза солона,
Пламя жаркое сушит рот.
Если весь я горю в огне,
Не рыдать не под силу мне.

Камнем мягкий пух
Обернулся вдруг:
Так жестка постель – не уснуть.
Но галдит толпа,
Весела, слепа...
Чтоб подумать – в чем жизни суть?
Хитрость, ложь осаждают нас
В трудный час, испытанья час.

Велика семья,
Широка родня –
Одиноким быть нет причин.
Велика семья,
Но не понят я,
И живу средь людей один.
Как могила шамана, я
Одинок – вся правда моя!

Перевод Л. ОЗЕРОВА

* * *

Управитель начальству рад,
Он не может от счастья дохнуть,
Если русский дарит халат
И большую медаль на грудь.

Но не вечно в почете тот,
Кто начальству стал чем-то мил.
Он галун на чапан кладет,
Но бесчестьем он честь купил.

То унижен, то вознесен,
Он всегда хвастовства не чужд.
Удивляюсь тому, как он
С важным видом вещает чушь.

Был зарезан баран, когда
Эту радость привез гонец.
Но в известии том – беда
Для того, кто видит конец.

Об удачах пусть говорят,
Не пойдет это счастье впрок.
Только малый ребенок рад,
Коль получит вкусный кусок.

У кого же рассудок есть,
Тот отметит насмешкой злой
Тех, кто сам позабыл про честь –
Прихвастнул своей наготой.

Словно девушка, гнешь ты стан,
Побрякушки душой любя,
Утешаясь тем, что капкан
Для других, а не для тебя.

Но возможно ль таким путем
Стать других умней и знатней?

Будь подальше, коль ты с умом,
От тщеславных, пустых людей.

Не исправишь глупцов пятерых
Тем, что десять прибавишь к ним, –
Нет плохого в делах твоих,
Если сам ты не ходишь к злым.

Пусть твердит: «Я достиг всего!» –
И вразвалку, гордясь, идет.
Так и плещут глаза его,
Коль вскочив, он кого ругнет.

Что ж! Свинья – это лишь свинья!
Не страшись понуканий злых.
Гордецов как исправлю я?
Лишь наука наставит их.

Ни к чему нам тот молодец,
Не поможет он все равно,
И получит скоро гордец
То, что сам заслужил давно.

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

Разум льду подобен: он ясен, остер,
Сердце жарко пылает, словно костер.
Коль терпенье и страсть подвластны тебе, –
Волей ты победил их, настиг в упор.

Чувство, волю и разум сведи в одно,
Лишь тогда величье тебе суждено.
Друг без друга они цены лишены,
И безвольное сердце, поверь, смешно!

Нет ни гнева, ни радости, ни ума,
Ноет сердце, постыла ему тюрьма.
Разноречье трех сочетать умей, –
Этой мудрости учит нас жизнь сама.

Два пути я знаю: любовь и страсть.
Лишь над плотью похоть имеет власть.
Я ж тебя полюбил. Будь счастлива ты,
Даже если мне суждено пропасть!

Ты – мой разум и воля. Ты – ясный свет!
Озари души моей темный бред.
Люди любят одних, не любят других,
Ты же всем мила, и милее нет.

Я невольник твой, царица-любовь!
Лихорадкою ты накаляешь кровь.
Улетит надежда, тело – как лед.
Прилетит – и сердце пылает вновь...

Перевод А. ШТЕЙНБЕРГА

* * *

Две дороги – любовь и страсть – предо мной.
Похоть властвует плотью моей земной.
Но тебя я люблю. Будь счастлива ты,
Хоть погибну я, сгину во мгле ночной!

Ты – мой разум! Ты волю мою взяла.
Без тебя в душе только мгла и зола.
Люди любят одних, не любят других,
Ты же – всех милей и для всех ты мила!

Я – твой раб, любовь! Истерзав и дразня,
Ты меня леденишь, сжигая меня.
Улетит надежда – и стынет душа.
Прилетит – и в сердце потоки огня.

Перевод А. ШТЕЙНБЕРГА

* * *

Шлю, тонкобровая, привет!
Похожей не было и нет!

Когда тоскую по тебе,
Мне слезы затмевают свет.

Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не был мир согрет.

Одной тебе моя любовь,
Твой образ – он давно воспет.

И пусть я стану нищ и сед,
Но мне иной дороги нет;

Ты в сердце у меня живешь,
Во сне преследуешь, как бред;

И ни враги, ни злой навет,
Ни женщины чужой привет

Не смогут остудить во мне
Твоей красы горящей след.

На тесном ложе хоть на миг
Припасть к пожару губ твоих,

Вдыхать пьянящий запах кос
И грудей маленьких, тугих,

В глазах бездонных и сухих
Увидеть страсть, глядеться в них

И понимать, что ты одна,
Что нет таких, как ты, других.

Тобой насытиться нельзя –
Рукою по шелкам скользя.

Я замираю, потрясен,
И ты огнем пылаешь вся.

Мы – вместе... Юрта нам мала.
Но ты не здесь, ты не пришла...

И все ж я – сокол, и тебя
Настигну, где б ты ни была.

В тебе – ни жадности, ни зла;
И горделива, и смела.

Ты час от часу ближе мне,
Ты мне все более мила.

Приди, приблизь свиданья час,
О мой фазан, позволь хоть раз

Прильнуть к тебе и заглянуть
В горячий мрак бездонных глаз!

Перевод П. ШУБИНА

ОТВЕТ ДЕВУШКИ

Своим письмом к себе маня,
Сумел ты покорить меня;
Решай же сам мою судьбу, –
Мне без тебя не жить и дня.

Льстецов настойчивых гоня,
Жар неподдельного огня
В тебе я вижу, для тебя
Нет слов отказа у меня.

Твои слова умны вдвойне,
Я – словно масло на огне;
Слова горят в моей груди,
И закипает кровь во мне.

Умчишь с собою на коне –
Я буду счастлива вполне;
Уйдешь – несчастнее меня
Не будет девушки в стране.

Но милость любящей яви:
Меня на слове не лови,
Не увлекай, не унижай,
К себе в насмешку не зови.

Уж лучше сразу отрави, –
Потухнет жар в моей крови;
Мне легче умереть, чем лечь
С другим на ложе без любви.

О дерзкий сокол боевой,
Ты сыт добычею живой!
Немало девушек стоят
У входа в дом просторный твой.

Но если ты навеки мой,
Не надо мне судьбы иной,
Ты – белый сокол, я – фазан,
Бери и насыщайся мной.

Пусть шелковинкой полевой,
Тростинкою береговой
В твоих объятьях изогнусь,
Замру от страсти огневой.

Обдумала ответ я свой,
И простодушный и прямой,
Пойми слова мои, жигит,
Почувствуй сердцем и душой...

Запомнит юный и седой
Пусть девушки ответ простой,
И сложит песню, и зажжет
Сердца жигитов песней той.

И слово песни золотой
Пусть радостью, а не бедой
Звучит для всех, кто полюбил,
Для всех, кто сердцем молодой.

Перевод П. ШУБИНА

ВЕСНА

Еще сыростью дышит весенний двор,
Но поля – словно шелком расшитый ковер;
Солнце взором ласкает, как нежная мать,
Позолотой покрыло дорог простор.

Обитатели гор и зеленых низин –
Все приветствуют шумно весну, как один.
И минутку урвав от забот деловых,
Мило шепчется юность под тенью осин.

Во дворах блеют овцы и стонет верблюд,
Шмель гудит, свищут птицы и мошки снуют;
И деревья, склоняясь с цветущих лугов,
Смотрят в бурные реки и ласковый пруд.

Утки косо взлетают с прохладных озер,
Дети ищут яицек, чей ярлок узор,
Низвергаются беркуты с синих высот
На добычи стремглав, и навстречу к тому,
Кто наполнил отменной дичью суму,
С благосклонной улыбкою дева идет.

На верблюдах увозит товары купец,
Сев в разгаре – томленью зимы конец.
В клокотанье работы – дохода залог,
И уж дарит приплодом стадо овец.

Солнце льет свою милость – живительный свет.
И весь мир, словно в праздник, богато одет.
Кормит травы набухшею грудью земля,
И предела просторам синееющим нет.

Перед солнцем склоняется тихо душа.
Жизнь, лишенная холода, так хороша!
Как волнуется сердце в горячих лучах,
Как трепещет оно, ликовањем дыша!

Солнце скроется – звезды плетут свою сеть,
Всходит месяц – им так никогда не гореть.
На рассвете же, перед разгаром зари,
Все они начинают бледнеть и тускнеть.

Дышат страстным желаньем солнце – жених,
И невеста – земля, вся в цветах живых,
И поэтому, только зажжется заря,
Меркнут звезды; невесте – земле не до них.

Ветер шепчется с месяцем, степь шевеля,
И на пиршестве светлом ликуют поля,
Белый траур на свежую зелень сменив,
Улыбается полная счастьем земля.

Землю мучал в разлуке мороз и туман,
Но теперь ей возлюбленный в спутники дан.
Поцелуями, ласками утомлена
Расцвела, засияла она, как фазан.

В очи солнцу глядеть не решаясь в упор,
Растворилась душа в теплоте с этих пор,
И я видел, как солнце, склонясь над землей,
Опускалось, горя, в златотканый шатер.

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

Тулпара в скачке не обгонит кляча,
Соревнованье – не ее задача.
Кто целится в меня из-за угла,
Тому едва ли выпадет удача.

И стая псов не одолеет волка,
Волк – враг собакам страшно и надолго.
Но лезет в драку мелкая душа
И погибает, как всегда, без толка.

И – бесится на воле мелкота,
И от нее страдает правота.
И, кляузникам разным потакая,
Царит в Семи Палатах клевета.

Перевод М. ДУДИНА

* * *

Звереет бай,
Скудеет край
Людьми с хорошей душой.
Правитель тут –
Презренный плут,
Народ обирает свой.

Не разберешь,
Где правда, ложь,
Где ноги, где голова.
Власть – за стеной,
Правитель свой
Дышать нам дает едва...

Ему цена
Везде одна!
С начальством угодлив, тих,
Но, ждя наград,
Вцепиться рад,
Как бешеный пес, в своих.

Ждем тщетно век,
Чтоб человек
Достойный был на посту.
Плут роет нам
По сорок ям,
Пуская в ход клевету.

Он щедрым был,
Он всех купил,
Чтоб волостным ему стать,
Семь шкур теперь
Сдирает зверь,
И внешность – нутру под стать.

Народу враг,
Он каждый шаг

Его сторожит везде,
Там – съезд, а тут
Уездный лют, —
Спасения нет нигде!

Нет братских уз,
Твой ближний – трус.
К кому ты пойдешь в беде?
Дымит костер
Взаимных ссор.
Споткнешься – опора где?

На склоне лет
Не мил мне свет,
Устала душа моя
От грязи всей,
Измен друзей,
Кому доверялся я.

А так взглянуть –
Мой славен путь,
Кадят мне со всех концов.
Но что за честь –
Пустая лесть
Фальшивых душой глупцов?!

Перевод П. КАРАБАНА

* * *

Всем пресытиться может душа,
Только песня всегда хороша.
Если ты вдохновенно поешь, –
Грудь ликует, свободно дыша.

Голос мой, заливайся и пой,
Гордых дум пусть закружится рой.
Пусть текут мои слезы ручьем,
Душу всю заполняют собой.

Кто шатается по свету, тот,
Как невежда, меня не поймет.
Только твердый душой человек
Этих звуков услышит полет.

А не вникнет в них – все равно,
Пусть волнуется сердце одно.
Пусть проверит мои слова:
«Живо горе, что село на дно».

Скорбь колышущимся огнем
Подымается в сердце моем,
И умру я, оставив стихи
Лишь для тех, кто поймет их потом.

Кто несчастней меня живет?
Пусть услышит меня народ.
Кому нужно слово мое,
Тот его пускай и возьмет.

Что мне пользы, коль вызовет стих
Восхищенье судей тупых?
Пусть уж лучше найдется один,
Кто поймет смысл мечтаний моих!

Много вас, но не каждый казах
Разобраться способен в стихах;

Ни познаний у вас, ни ума –
Вам волками бы рыскать в степях.

Вы сердца не хотите раскрыть,
Слухом стих вы привыкли ловить,
И лишь поверху ум ваш скользит...
Что ж впустую мне вам говорить!

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

Все от жизни я взял сполна;
Смерть близка, могила темна.
Красноречьем дар мой силен,
Дышит летним покоем он.
Но судьбой я был обделен:
Глупых слушателей она
Даровала домбре моей;
И до самых последних дней
Не сыскал я среди людей,
Кто б меня разумел до дна.

На подъеме жизни былом
Я крушил невежд поделом,
А теперь – дорога тесна,
Знай шагай, да вниз не вались,
Ввысь не суйся, прежнюю рысь
Позабудь, Абай-старина!
Чтоб тоска не согнула плеч,
Чтоб дотла ей сердца не сжечь, –
Встрепенись, душа, ото сна!
Как птенец, что крылья с трудом
Распрямил, прощаясь с гнездом, –
Кинь, душа, насиженный дом,
Взвейся к небу, солнцем пьяна!

Пламя скорби в сердце тая,
Слово молвить желаю я,
Пусть внимают ему друзья.
Лейся, речь, свежа и сильна!
Скорбь созрела в сердце моем,
Грудь объята гневным огнем.
А душа – безысходно одна.

Как невеждам втолкуешь ты
Мысли жгучие и мечты?
Им смешна твоя глубина!
Эти люди, в буйстве слепом,

Беспокойно рыщут кругом,
Тешась ложью, коварством, злом.
Вся душа моя потрясена!
Не надеть мне на них узду –
Но уйти, на свою беду,
От отчизны не в силах я,
Хоть дурна родная страна!
Мыкать горе велел мне рок,
Свел с врагами на долгий срок,
Одинокой тоске обрек,
И покорность мне суждена.

«Человек» – вот слава моя,
Но толпа, шипя, как змея,
Не дает мне, влача с собой,
Вправду стать венцом бытия.
Ведь толпа – шальной скакуна!
Как доверюсь ее суду?
Не зовут – и я не иду,
Домоседствуя, правды жду...
Невтерпеж! Коль изменит жена –
Ты спешишь омыть свою честь,
В сердце горечь, злоба и месть...
Нынче ж вовсе не перечесть
Чувств, которыми грудь полна...

Перевод А. ШТЕЙНБЕРГА

* * *

Ты – зрачок глаз моих,
Пламень душ золотых.
Сердцу мук не избыть,
Столь глубок шрам от них.

И мудрец весь седой,
Покачав головой,
Скажет: «Нет, средь живых
Не встречал я такой!»

Весь в слезах я брожу
И тоской исхожу,
Жемчуг слов дорогих
Для тебя нахожу.

Не страшись, что в тиши
Говорю от души.
Иль самой невдомек!
Дивный день предреши.

Ты поймешь до конца,
Что палит нам сердца.
Взор твой скрыт, скромн вид,
Но горяч жар лица.

Холодна ты вполне
И к другим, и ко мне.
Боль тая, слезы я
По твоей лью вине.

Косы тьмой, тьмой ночной
Над зарей, над рекой.

Лоб широк, взор глубок...
Ты лицо приоткрой!

Яркий рот – сладкий мед,
Блеск зубов – словно лед.
Потерял я покой,
Взгляд живой сердце жжет.

Гибок стан и высок.
Гнет его ветерок.
Ты бела, словно снег,
Ты нежна, как цветок.

Пусть дотла сердце сжег
Взор, что чист и глубок.
Страсти раб, я ослаб,
От любви занемог.

Ты грустна – даль темна,
Ты ясна – нам весна.
Смех твой – звон соловья,
Вся душа им полна.

То гневна, то нежна...
Не пьяни допьяна!
Что мне дом без тебя,
Мне и жизнь не нужна!

Как восход, как закат –
Зоревой твой наряд.
Лишь взгляну на тебя,
Жаждой весь я объят.

Лучше ты во сто крат
Всех похвал, что твердят.
Должных слов не найду,
Что восторг утолят.

Знает млад, знает стар:
Красота – божий дар.
Нам Пророк повелел
Быть в сетях милых чар.

Мне слова не даны,
Стоны мне суждены.
Сердцу ты, только ты,
Шлешь мечты, даришь сны.

Все, как я, влюблены,
Все, как я, не нужны.
Сердца стон так звенит,
Что слова не слышны.

Но к тебе нас манит
Пламя ласк и обид.
Нежный смех чуть сверкнет –
Страсть сильнее закипит.

Кто не смел – не жигит,
Злая страсть нас томит.
Скоро ль день тот придет,
Что мой жар утолит?!

Перевод М. ПЕТРОВЫХ

* * *

Я гордо презирал невежество и тьму,
Всегда считал глупцов достойными презренья.
Мне переделать мир хотелось одному,
Но переоценил я разум свой и рвенье.

Поддержки не найдя, я отбивался сам,
Когда глупцы со мной вступали в пререканья,
И были умники глухи к моим словам,
Храня, как водится, упорное молчанье.

И страшно мне на них остановить свой взгляд:
Как одержимые, они проходят мимо,
То заартачатся, то пятятся назад,
И мысль их для меня вовек неуловима.

То соглашаются, то отступают в тень,
То петушатся вновь, пустую спесь удвоя...
Нет больше сил моих, за днем уходит день,
И хочется душе последнего покоя.

Как кляча, я устал. Я гость детей своих
И собственной жены. Мне чужды эти стены.
Известен хорошо мне нрав моих родных,
Да и в народе я не вижу перемены.

Я вовсе не бедняк, но я в тоске живу
И горестно о том порою размышляю.
Когда приходится, своими вас зову,
Но пред лицом людей весь от стыда сгораю.

Раздор из-за чинов, насилья, клевета,
Болезненная страсть к волненьям и заботам...
Бродяги и плуты, как ваша жизнь пуста,
И что из слов моих вы, пьяницы, поймете?

Дар дружбы истинной и мир души они
Мнят делом тягостным, достойным лишь презренья;
Обман и воровство им более сродни,
И видят в них они свое предназначенье.

Подальше будь от них ты, честный человек,
Устал я, и тебе не станет так же силы.
Я звал их к разуму, я, старец, прожил век.
Не слушали меня, и все напрасно было...

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

На щеках у них лед и жар.
С сердцем, бьющимся сердцу в лад,
Уходя от людей чужих,
Лишь друг к другу они спешат.

Оба чувствуют ту же страсть
И не в силах с пути свернуть.
И в тенистый огромный сад
Их уводит короткий путь.

Осторожно оба идут,
В жарком сердце смиряя кровь,
И по легкому шагу знак
Подает им всегда любовь.

В холодеющих пальцах дрожь,
Дышат оба так тяжело.
Беспричинный какой-то страх
Заставляет бледнеть чело.

Чуть коснется плечо плеча –
Уж склоняется голова,
Губы ищут горячих губ
И пьянеют, забыв слова.

Рядом – дерево шелестит,
В небе – звезд золотой узор,
И, как звезды, дрожат они,
Отражая во взоре взор.

Так собою они полны,
Что весь мир, притаясь, молчит.
В сердце, слабое от любви,
Наслаждение льет лучи.

Тает сердце, побеждено,
И слабеют колена, и

Радость встречи заволокла
Взоры легкой слезой любви.

Где вы, мысли, и где слова?
Он уж близок – забвенья час.
Победительница – любовь
Обойдется сейчас без вас!

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

Душа! Чего ты ищешь? Что с тобою?
Не нужно мучить, правду мне скажи!
Ты постоянной занята борьбою,
Давай поговорим, забыв о лжи.

Толпою честь и слава нам даются,
Но разве так нужны дары толпы?
Ведь ей недолго вовсе обмануться –
Ужели нам зависеть от толпы?

И разве ты дождешься от негодных
Хвалы тому, кто сохраняет честь?
Толпа порочных и неблагородных
Лишь мелет вздор и злым сплетает лесь.

У нас хвала звучит какой-то бранью,
Она – льстецов нахальных торжество.
Когда народ отыщешь постоянный
В своей хвале – ты полюби его.

Словами все торгуют в суматохе,
Кто купит их? Ведь пользы нет в таких.
Двуличные, коварные пройдохи –
Гляди, гляди, гляди, как много их!

Продажных слов не покупай, иначе
Получишь ты одну лишь дрянь;
Блудницы ищут мужа побогаче,
У них меж злом и благом стерта грань.

Рабом хвалы я никогда не буду,
Признание ум и так себе найдет:
Пускай пустые люди есть повсюду,
Но смерть ломает унижения гнет.

Перевод А. ШТЕЙНБЕРГА

* * *

О сердце мое, замри, застынь!
Не нашлось приюта для нас.
Зачем трепетало и билось ты,
Обманутое столько раз?

Утихнет и примется травку щипать
Одинокий ягненок-малыш.
А ты, мое сердце, томишься опять,
Тоскуя стучишь и стучишь.

Приветить кругом никого не нашлось,
Никого не нашлось прильнуть.
Зачем же ты, сердце, бродячий пес,
Опять порываешься в путь?

Ты вольною волей хотело пожить.
Зачем тебе нужен я?
О сердце мое, игрушка лжи,
Напрасная мука моя!

Перевод Л. НЕЧАЯ

* * *

Если смолоду честь не терял,
Если щедро прожил для людей,
Если враг твою доблесть познал,
Если верен был дружбе своей,
Если доброе имя берег,
Если все доверяли тебе,
Если ты не плутал средь дорог,
Если сам не перечил судьбе,
Если жил, согревая сердца,
Если полной влюблялся душой,
Если что отдавал – до конца,
Если брал – возвращая с лихвой,
Если смело прошел перевал,
Если жить не осталось уж сил,
Если смерть свою не умолял,
Значит, ты человеком прожил!

Перевод Е. КУРДАКОВА

* * *

Хвастун, наглец,
Бездельник, льстец!
Когда приходит он,
Свой прячу лик,
Скрываюсь вмиг,
Растерян, возмущен.

Себя во всем
Он образцом
Считает, зол и груб.
Блудлив в речах,
Широк в гостях,
Он дома нем и скуп.

Их всюду – рой.
Они толпой
Пристанут, как с ножом.
Не дашь им – враг.
Охотясь так,
Живут лишь грабежом.

Злословье, лесть...
Где совесть, честь?
Торгуют клятвой, всем...
Всех ловят в сеть,
Чтобы раздеть;
Что вырвут – живы тем.

Весь этот сброд
Мутит народ,
Повсюду – ложь, обман.

Стал баем – свят,
Стал бием – брат,
И норовит в карман.

Но как ни чти,
Как ни плати, –
От них покоя нет.
Мерзавцы сплошь.
Кого найдешь,
Чтоб добрый дал совет?

И нет средь тьмы,
Кого бы мы
Любить и чтить могли.
«Батыры» те
Нас к нищете
И бедам привели.

Нагла их рать...
Попробуй сладь
Словами с подлецом!
Я им внимал,
Я им давал,
Раскаиваюсь в том.

Перевод П. КАРАБАНА

* * *

Будь разборчив в пути своем;
Если ты талантлив – гордись
И надежным лишь кирпичом
В стену строящуюся ложись.

Убегающий – видит путь,
Догоняющий – вслед спешит.
Воля с разумом их ведут.
Справедливость – вот свет души.

Если воля есть, ум живет.
Доброты же и правды нет, –
Впереди огонь, сзади лед,
И никак не уйти от бед.

Удержи корысти порыв,
Похвалы не ищи – смотри,
Недостатки искусно скрыв,
Лишь в борьбе победу бери.

Волю дав хвастовства словам,
Не мечтай других превзойти.
Возбуждая зависть, и сам
Оступиться можешь в пути.

Тверже ногу, шагай смелей, –
И тогда не погибнет труд.
Речи тех, кто учит детей,
Как зерно, в земле прорастут.

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

Язык любви живет без слова.
В нем полужест и полувзгляд —
Незаменимая основа
Двух объяснений наугад.
Как были тайные созданы
Нам этой азбуки важны.
Теперь, увы, ее познания
Мне, к сожаленью, не нужны.

Перевод М. ДУДИНА

НА СМЕРТЬ АБДРАХМАНА

*/Ритуальный плач – жоктау, сочиненный Абаем
для жены Абдрахмана Магыш/*

Создатель! Сколько горьких слез
Ты захотел мне ниспослать!
В младенчестве мне довелось
Оплакивать родную мать.

Огонь мне душу сжег дотла,
Мне этой боли не снести,
Я счастья столько лет ждала,
А ты пресек его пути.

Меня терпению ты учил,
А я еще так молода,
Теперь меня ты разлучил
С моим Абишем навсегда.

Увял красы моей цветок,
Сухой травой стала я.
Печали ты меня обрек.
Увы, вдовою стала я.

Мне только двадцать две весны,
А с милым я разлучена.
Нет, не были мне суждены
Безоблачные времена.

Огонь мою сжигает грудь,
Терпеть мучения невмочь,
Дней пролетевших не вернуть,
Печали горькой не помочь.

Души глубокой лишена,
Мечты высокой лишена,

Любви до срока лишена,
Быть одинокой я должна.

Не осушу отныне глаз,
Изранена душа моя:
Был не со мной он в смертный час,
С ним даже не простилась я.

Невысказанные слова
Теснят мне грудь. Я слезы лью.
Покуда я еще жива –
В слезах топлю тоску мою.

Творец! За что ты мне послал
Неизлечимую печаль?
Зачем туманом ты застлал
Земных дорог глухую даль?

Под черным покрывалом я
Бреду с поникшей головой.
У опустевшего жилища
Супруга след зарос травой.

Не передать мне вещей дум,
Которыми томился он,
Не описать высокий ум
И то, к чему стремился он.

С рожденья скромн, справедлив,
Был многодумен мой супруг.
Со всеми ровен, не кичлив –
Был так разумен верный друг.

Умчалось наше счастье прочь,
Пришел лихой беды черед.
На сердце скорбь сошла, как ночь,
А солнце больше не взойдет.

Все выплачу, все расскажу:
Пускай узнает целый свет,
Что я в глубокой тьме брожу,
Что солнца в мире больше нет.

Бежит река горячих слез.
Как мне ее остановить?
Ждала я счастья... Не пришлось
Гнездо в холодном мире свить.

Мы в мире только раз живем.
Зачем же стало так темно?
Жить с горькой долею вдвоем
Мне до могилы суждено.

Увы... я тщетно смерть зову,
Она не слышит, не идет,
Ужель не знает, что вдову
Отныне только горе ждет?!

Не вожделием томим
Мой дух, но нет душевных сил.
Ты дуновением одним
Надежды светоч погасил.

От смерти лишь спасенья жду,
Одна лишь смерть развеет тьму, –
Я исцеленья не найду
Мученью, горю моему.

Лечу с горы быстрей, быстрей,
Опору потеряв, лечу.
Погасло все в душе моей, –
Нет места светлому лучу.

Под черным солнцем я жила –
Так с детских лет мне суждено,

Мне с милым ночь была светла,
А нынче мне и днем темно.

Душой бескрылой не взлетишь,
Не жду я завтрашнего дня.
Как сон явился мне Абиш,
Как сон покинул он меня.

Разлуки час невоготу, –
Как вечную мне пережить?
Чем мне заполнить пустоту?
Чем раны сердца залечить?

И вдалеке от мест родных
Он, словно солнце, грел меня,
С вершины чайний моих
Упала в бездну я, стена.

Все, что отрадой было мне,
Земной усладой было мне,
Зеленым садом было мне, –
Ушло... Жизнь адом стала мне.

Два года с ним мы жили врозь,
Два долгих года, полных тьмы!
И свыкнуться нам не пришлось,
И вот уж разлучились мы.

За что, за что, Создатель мой,
Ты землю превращаешь в ад?
Не ты ль нас одарил мечтой?
Чем бедный смертный виноват?

Безрадостно на свет гляжу,
Томит меня разлуки грусть.
Листком березовым дрожу,
Вот-вот и с веточки сорвусь.

Прощай навеки, радость дня,
Я утешенья не ищу.
Нет больше силы у меня,
Как жаворонок, трепещу.

В огонь метнусь – в огне сгорю,
А в воду – захлестнет вода,
Ничтожно то, что говорю,
Но велика моя беда.

Перевод В. ЗВЯГИНЦЕВОЙ

* * *

Много слов говорил я в былом далеке,
Много дум о грядущем поведал в тоске.
Я считал, устыдится разумный, узнав,
Что скакал не туда на плохом рысаке.

Мы, другим не в пример, любим зря говорить,
Часто скачут слова – смысла их не схватить.
Ни прозрачным слезам, ни кровавым слезам,
Сколь ни льются, нельзя зиму душ растопить.

Я хочу, чтобы ты мне с доверьем внимал,
Чтоб не форму, а суть моих слов постигал.
Право, что тебе стоит прислушаться, брат!
Не для праздной беседы я их записал.

Сколько можно тебе бездорожьем брести?!
Твоя правда – на торном широком пути.
Как же так? Ни наук, ни усердья в труде,
Наш народ даже скот разучился пасти.

Перевод Ю. КУЗНЕЦОВА

* * *

На двадцать седьмом году
Мудрый мой Абдрахман угас.
Люди добрые, где найду
Столь достойного среди нас?!

Он богатство не ставил в грош,
Теплотой сердечной богат,
Презирал кичливость и ложь,
К цели шел, не страшась преград.

Был в ученье неутомим,
Скакуну-тулпару под стать,
Безучастный к делам мирским,
Мирозданье хотел познать.

Люди добрые, для чего
Долголетие тем, кто слеп,
Кто не хочет знать ничего,
Чья душа как могильный склеп?!

Был мой сын умен и учен.
Рано бросил он Петербург,
Понимая, что обречен,
Но от нас утаил недуг.

То ли в шутку, то ли всерьез
«Краток век мой», – скажет при всех,
А заметит хоть признак слез,
Так поднимет тотчас на смех.

Он за век свой краткий постиг,
Что иной – за сотню годов:
Изучил он множество книг,
Видел множество городов.

На Кавказе был и в Крыму,
Посетил Сибирь, Туркестан.

Все давало пищу уму,
Жаден к знанию был Абдрахман.

Светел был его краткий путь,
Как полет звезды в звездопад.
Можно ль в чем его упрекнуть?!
Все, кто знали его, скорбят.

Непоклончив, дерзостно смел,
Принял он от судьбы приговор,
Смерти прямо в глаза глядел,
Не потупил пред нею взор.

А о том, что нам, старикам,
И жене не вернул он долг,
На бумаге поведал сам
Перед тем, как навек умолк.

Он, что опытом и умом
Равен старцу был, мудрецу,
Уходя скорбил лишь о том,
Что не стал опорой отцу.

Он был вестник нового дня,
Завершаю я прошлый век...
Тяжела утрата моя!
Больно!.. Старый я человек...

Горем сломлен я пополам.
Слезы горькие лью ручьем,
Будто кто меня по глазам
Что есть мочи хлестнул бичом...

Перевод Ю. НЕЙМАН

* * *

Все длиннее синяя тень,
Все туманней для взора даль,
Догорает в закате день,
И тускнеет небес эмаль.

Сердце горем утомлено,
Поселился в нем мрак ночной.
Тайно с сумерками оно
Завело разговор живой.

Прежних горестей, давних ран
Хочешь вновь подвести итог.
Жизнь былая – ушла в туман,
Тщетно ищешь ты к ней дорог.

Все ненужно, что наугад
Можешь в ней воскресить, найти.
Даже сердце забрызгал яд
Тех цветов, что ты рвал в пути.

И скулит твой ум, как щенок,
И взывает к народу он.
Уж раскаялся ты, но срок
Наступает, и путь снесен.

В сорняках места нет для ржи.
В сердце только полынь – смотри.
Привыкай же спокойно жить
И спокойно в свой час умри!

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

Красотка-девушка у хана жила,
Все отдавал он той, что сердцу мила.
Ходила в золоте, в цветистых шелках,
Толпа служанок с ней повсюду была.

«Как бык плодлив, так вол шумлив», – говорят.
Пирует старый хан, прославлен, богат.
А девушка от брачных ласк старика
В пучину бросилась, срывая наряд.

Что сердцу юному до пышных затей!
Друг сердца девушке всей жизни нужней.
А кости дряхлые, что жаждут вернуть
Былую молодость, зачем они ей!

Со стариками ль жизнь связать молодым!
Не сдастся сердце – лесть рассеется, как дым.
Невесты старше ты на двадцать пять лет –
Не станешь мужем ей, пусть отдан калым.

Жен молодых глупцы томят взаперти,
Девичью молодость украв на пути.
Откуда к старику любовь прилетит!
Она ж не телка, чтоб насильно вести!

У бая старого в деньгах сила вся,
Но снова юным стать за деньги нельзя.
Презренный, чью-то дочь купив за калым,
Ты, старый, дурнем стал, о счастье прося.

Что на уме у нее – старик не решит,
Но ладят меж собой, живут без обид.

Опутала тебя, а ты уже рад.
Смотри, что с тобой бесовка творит!

Бай старый, берегись, тебе говорят!
Доверившись жене, ты будешь рогат.
Пропаций человек, коль счастье нашел,
Едою и женой хвалясь всем подряд.

С безвинной байбише бранится старик,
Но молодуху лишь смешит этот крик.
Сухой курай – одна, другая – цветок.
Когда же снег и зной сжились хоть на миг!

Виляние хвостом не скрасит твой брак,
И по спине хлопки не сблизят никак.
Между сердцами год пути, долгий год.
Как их соединишь ты, старый дурак!

Перевод М. ПЕТРОВЫХ

* * *

Стук часов – не робкий шелест забытья,
Это судорожный ропот бытия.
В каждом звуке чья-то жизнь и чья-то смерть,
Не уйти, не обмануть, не претерпеть.

Вор скребущийся, крадущий день за днем,
Время зыбкое, – ты верно лишь в одном:
Что бесплотный, безвозвратный твой поток
Не меня лишь одного собой увлек.

Знак прошедшего – скользкий этот звук,
Легкий знак минувших радостей и мук,
Знак, подсудный лишь усталому уму,
Но от этого не легче никому.

День отмерен, минул месяц, канул год,
Старит время, мчится время на проход,
Истекает, убегает навсегда, –
Лишь Создателю то ведомо, куда.

Перевод Е. КУРДАКОВА

* * *

Сколько б тебя ни хвалили – не верь,
Хитрость таится в хвалебной молве.
Веру в себя укрепляй, чтоб вдвоем
Разум и труд выводили на свет.
Там, где доверчивость, не суетись,
За похвалой без конца не гонись.
Сам не плети с миром слов кружева,
Впору ль мираж, наполняющий жизнь?
Горе придет, не сгибайся, встречай.
Радость охватит – не думай, что рай.
В сердце свое погрузись и на дне
Жемчуг найдешь – ты его не теряй.

Перевод М. СУЛТАНБЕКОВА

* * *

Грядущее скрыто туманом от нас,
Надежды лучом озаряясь подчас.
Ты смотришь в упор: время гонит часы,
Безлики они – не порадуят глаз.

Подобно минувшим, грядущие дни
Приходят, уходят, друг другу сродни.
Меж них и тебе предназначенный срок,
Аллаху лишь зрима судьба искони.

«Я», – разум промолвит. Плоть скажет – «Мое»,
Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное «я» никогда не умрет.
«Мое» – это только земное жильё.

Зачем же «моим» ты так жадно живешь?
Сладка тебе плотская краткая дрожь.
Добро, справедливость – вот наши друзья.
Могильный порог с ними перешагнешь.

Ты можешь за золото душу продать,
Грехом замутить безупречную гладь,
Но жизнь твою радость похитит, поверь,
Коварнее жизни не сможешь ты стать.

Напрасно своим мыслит мир человек.
«Мое», – это капля воды среди рек.
Подумай: что плоть и земное добро,
Коль дух оторвется от тела навек?!

Беспомощных лучше жалей и сирот,
Деяний твоих не испортится плод;

О людях заботился даже Творец,
Полюбит тебя он, коль любишь народ.

Но помни: толпа и народ – не одно.
Есть люди и волки – уж так суждено.
Так будь справедливым, как истинный муж,
Коль сердце твое милосердья полно.

Всем смертным удача и благо нужны,
Но зло от добра отделить мы должны:
Пройдохи с невеждами сядут на мель,
Лишь вера и правда – на гребне волны.

Перевод В. ЗВЯГИНЦЕВОЙ

* * *

Не верь хвалам: лукавит подлый век,
Таит коварство в сердце человек.
Верь самому себе, спасут тебя
Труды и ум – отныне и навек.

Доверчивость излишнюю сдержи,
За славой не гонись – то призрак лжи.
К лицу ль тебе других ввергать
В обман и слепо верить в миражи?

В беде не гнись, в беде не отступай,
Но в счастье тоже меру соблюдай.
В глубь сердца погрузись: что там найдешь –
И есть твой клад. Смотри не потеряй.

Перевод Ю. КУЗНЕЦОВА

* * *

Милый мой, дорогой,
Я тебе шлю привет.
Сожжена я тоской,
Знаешь ты или нет?

Жду вестей день-деньской,
Жажду их всей душой.
Где найду я покой,
Если ты стал чужой!

Сердца ты моего
Светом был; гибну я:
Без тебя все мертво,
Отцвела жизнь моя!

Перевод М. ПЕТРОВЫХ

* * *

Красивою песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песни меня забирают в полон.
Как я, люби их от всей души!

От дел привычных уйти спеша,
Я забываю весь белый свет.
Внимает песне моя душа,
И сердца пламенем я согрет.

Так воду нашедший в степи глухой
К ней приникает жадным ртом.
И что ему люди с их толкотней,
Его оттесняющие плечом!

Я вспоминаю бывшие дни:
То горе, то радость, то любовь.
И все, что было мечте сродни,
Живую плотью одето вновь.

Снова глотаю я прежний яд,
Я утопаю в нем с головой,
Люди, которые вокруг галдят,
Кажутся истиною самой.

И начинает земную лесть
Правдой считать душа моя,
Разве на свете отрава есть,
Какой бы не выпил до капли я?

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

О порыв души огневой,
Твой отточен и меток луч,
Словно молния перед грозой,
Что прорвалась из черных туч.
О язык мой, о пыл стихов,
Непонятен ты для глупцов!

Дерзновенных помыслов пыл
Превратил мой язык в копье,
Чтоб в бою он сил не щадил
И явил искусство свое.
Но по-прежнему спит народ,
И ничто его не проймет.

Слово, понятое умом,
Ускользает, как звук пустой,
Но по жилам течет огнем,
Коль берешь его всей душой.
Люди учат, поют мой стих,
Но он темен еще для них.

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

* * *

Проклятый мир обирает нас. Как поладить с ним?
Где былые силы твои? Ты стал иным!
В надежде горечь таится. Коварна жизнь!
А мы в своем злополучье других виним.

Любая радость твоя перейдет в печаль.
Что суетиться ради немногих дней?
Ты не найдешь того, из-за чего не жаль
Близких своих забыть и оттолкнуть друзей.

Если речь не от сердца – слова придержи!
Язык привычен лукавить, послушен лжи.
Ты разве знаешь предел желаньям твоим?
Они скрывают завесой истину от души.

Перевод М. ПЕТРОВЫХ

* * *

Когда умру, не стану ль я землей?
Язык мой дерзкий – девушкой немой?
Бездушным льдом – пылающее сердце,
Что за любовь боролось с жизнью злой?..

Не станет ли последним этот год?
Ведь рано ль, поздно, а мой час пробьет!
И станешь ли судить меня, потомок,
За каждый мой нечаянный просчет?!

Суди!.. Меж нами – немоты стена.
Суди, но помни: пусть страшна вина, –
За грех один карать не нужно дважды,
А я живой, за все платил сполна!

Души измученной постигни суть!
Тяжелым и тернистым был мой путь.
Я – человек с загадкой, помни это!
Боролся с тьмой, как мог... Не обессудь!

Задирю в земной явившись дол,
Порой хитрил я, был порою зол.
Прозрел с годами, сделался разумней,
Но все ж до совершенства не дошел.

Мешали мне... Никто мне не помог.
Свободы я не знал... Спаси вас Бог
От этой доли... Пожалей, потомок,
Того, кто скорбен был и одинок!

Мое довольство – призрачно оно.
Как горько мне, что мало свершено!
Но каяться в стихах – не стоит боле:
Стихам хранить секреты не дано.

Перевод Ю. НЕЙМАН

* * *

Коли в сердце нет воли, ничто
Не разбудит уснувшую мысль.
Коли света нет в разуме, то
Суждена тебе скотская жизнь.

Коли разум твой воли слабей,
То ему не постичь глубины.
Старца ум с каждым днем все грубей
От привычек, что пуще вины.

Жажду плоти душа утолит,
Но сама же ослабнет потом.
Плоть надеется и не скорбит,
И не знает отказа ни в чем.

У животных душа есть и плоть,
Но без разума, чувства и слов.
Что за радость прожить, о Господь,
Не вникая в глубины основ.

Коль слынешь человеком, тогда
Быть невеждой тебе не в чести,
Коль народ мой невежда, куда
Мне пойти, чтобы честь обрести?

Перевод Ю. КУЗНЕЦОВА

1899

* * *

На сорок лоскутьев тоскою
Растерзано ты – каждым днем...
Как же сердцу дожить в покое,
Изверившемуся во всем!

Те – взяты землей, те – враждою,
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою,
И вот – ты среди пустоты.

Лишь старость одна пред тобою
Во мраке, и выхода нет.
Беспечных утешит любое.
А где нам с тобою ответ?

А как ты горишь болью злою!..
Мечты! Оглянись на них
И вспомни величье былое
Желаний бесплодных твоих.

Перевод М. ПЕТРОВЫХ

* * *

Рос ты, к небу устремляясь головой,
Гордо, смело, без печали роковой.
Так весною к солнцу тянутся ростки,
Когда степи покрываются травой.

Отшумел давно суровых лет поток,
Наступил уже косьбы и жатвы срок.
Знало сердце зной и холод, но оно
Устояло пред лицом утрат, тревог.

От тревоги непрестанной ноет грудь,
На лице твоём – тоски и горя путь.
Как пшеницу, чьи колосья налились,
Замышляют и тебя к земле пригнуть.

Не сдаётся обреченная душа,
Будто вечно жить ей в мире, но, спеша,
Смерть приходит, похищает душу вмиг.
Сам подумай ты – где жизнь и где душа?

Нынче – дышишь, завтра – прах, таков закон.
Нашей жизни блеск обманчив, словно сон.
Разве знаешь, где на завтра будешь ты?
Помни, друг мой, что для смерти ты рожден!

Перевод Д. БРОДСКОГО

* * *

Человек – ничтожной плоти тлен и прах,
Смерть для каждого равна в своих правах.
И кичиться перед кем-то превосходством –
Знак надменного блуждания впотьмах.

Не вчера ли ты ребенком был, старик?
Все течет, и жизнь уносит каждый миг.
Возлюби же в бренном мире волю Бога,
Это – высшее, что в мире ты постиг.

Перевод Е. КУРДАКОВА

1900

* * *

Сердце мое, чуешь ли что,
Сколько подобных тебе?
Мир для тебя открыл простор:
Нужен порядок в судьбе.

Отклика ищешь в ответ,
Чувств, как свои, наравне.
Где он, такой человек,
Спрятан в какой стороне?

Равенство, дружба, любовь, покой –
В людях для них есть приют?
Ринулись к ним с доброй душой,
Те, как торговцы, спуют.

Праведный суд необходим
Гласно хвалить и хулить,
В лести любой неуловим,
В споре его и не сбить.

Встречу ли друга в пути?
Не с кем держать мне совет.
Чувства злей, как ни крути,
Чем одиночество, нет.

Мне б поделиться порой
Мыслью от чистой души.
Тянется к горлу рукой,
Плату не дашь – не взыщи.

Разве за плату умом
Кто-то поймет силу слов?

Уши свои заглушит и в нем
Тьма торжествует назло.

Сердце, пылая, гори, –
Польза отыщется вдруг?
Верить ли, спрятавшись изнутри,
Сущности жизни как друг?

Перевод М. СУЛТАНБЕКОВА

1901

* * *

Удлиняются тени скорее,
Чем мы их появления ждем.
И багровое Солнце, не грея,
Удаляется за окном.

И душа моя в сумерках серых,
На еще не забытых примерах
Погружаясь в раздумья, печаль,
Наблюдает прошедшую даль.

Пыль и пепел побед и тревоги
И от времени высохших троп
Там, где Время – скакун быстроногий –
Перешло, не спросясь, на галоп.

Там, где сердце, доверию радо
И за смелость не ждя похвалы,
Захлебнулось от меда и яда
На пиру из одной пиалы.

Никакого особого дива
Мне на завтра судьба не сулит.
Мысль моя, как щенок шелудивый,
На забытом кочевье скулит.

По какой-то неведомой воле,
Всем надеждам земным вопреки,
Я отменными зернами поле
Засевал. А росли – сорняки.

Перевод М. ДУДИНА

КУМЫС

Кумыс, питье казаха,
Ты пища нам или честь?
Ведь жирный нужен кусок,
Чтоб этот кумыс заесть.

Прохладному кумысу
Баранину вслед готовь.
А если молоды мы,
Кумыс горячит нам кровь.

Пей лучше тихий айран,
На смирном ездь коне,
Чтоб вору не послужить
Добычей в родной стране.

За табуном с холма
Следит он – во все концы.
Нет, если прикинуть умом,
Чем лошадь лучше овцы?

Не стоит из-за коней
Гнуть спину перед толпой.
Не хвастайся, говоря,
Что сладок кумыс степной.

Не стоит кичиться зря,
Внимать совету глупца.
Уж лучше – в кармане грош,
Одна, но своя овца!

Перевод Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

1902

* * *

Сердце – море, а радость его – жемчуга.
Жизнь для сердца, без радости – не дорога!
Море сердца становится морем печали,
Гаснет пламя и глубинах и глохнут его берега.
Все от радости Сердца – и Совесть, и Дружба, и Честь,
Все, что в будущем будет, и в сумерках прошлого есть.
Все, чего не коснется сегодняшней прихоти норов
И тщеславием с лестью рожденная месть.
Перед совестью старости опыт не лжет.
И мосты продолжения жизни не жжет,
Ради радости жизни в надежных глубинах
Море сердца свои жемчуга бережет.

Перевод М. ДУДИНА

* * *

Вот мотыльков беспечный рой,
Струясь, летит сквозь летний зной
В мгновенной радости скупой
Над обреченною травой.

А человек, он что ж, иной?
И он не властен над судьбой,
Спешит, хлопочет, лишь порой
Пытаясь путь осмыслить свой.

А время мутною рекой
Всех топит в бездне вековой,
И тех особо, кто порой
Перечит времени, слепой.

Перевод Е. КУРДАКОВА

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Домбры не трогай рукой,
Дрогнувших струн не рви.
Не бейся, сердце, стой,
Слез к очам не зови...

А слезы бегут по щеке –
Старая скорбь жива.
Отяжелев, в тоске
Склоняется голова.

К тому, кто поник душой.
Чья боль живет взаперти,
Взор лучезарный свой,
Любимая, обрати!

Прошу тебя, погляди,
Молю, погаси костер:
Он ведь в больной груди
Тлеет с давнишних пор.

Развей, разгони беду.
Коснувшись нежной рукой,
И к цели я пойду,
И чист и прям душой.

Но как устала она
В байге пестрящего дня!
Я верю, что ты должна
Вывести меня!

Перевод А. ЖОВТИСА

* * *

В раздумье долгом и немом,
В воспоминаньях о былом,
Перебирал я день за днем,
Не оправдав себя ни в чем.

Куда мне скрыться от себя?
Мой каждый шаг был только злом.
Смогу ли обуздать себя?
Я подл, я виноват кругом.

Неисчислимы камни гор –
И счета нет грехам моим.
А стоит в сердце заглянуть –
В нем лишь позора горький дым!

Со дна его и срам, и грязь
Не вычерпать рукам моим.
Таким меня не создал Бог –
Я страшен по делам моим.

Но в чем же я себя виню?
Я падок был на все, я – тот,
Кто искренностью пренебрег
И расточил ее, как мог.

Я слову разума внимал
И поступал наоборот.
Как жемчуг, хитрости и ложь
Нанизывал из года в год.

Чудовище, я потерял
Делам моим позорным счет.
Я жадно к подлости любой,
Как ворон, правил свой полет.

Пустую слыша похвалу,
Гордился ею, думал – вот
Надул я всех и мастаком
Толпа за это назовет.

Перевод А. ГАТОВА

* * *

Судьбы своей не избежать
И суть свою не поменять.
Ученого не превзойти невежде,
Подснежнику о лете – не узнать.

Перевод М. АДИБАЕВА

* * *

Пахаря славный труд – хорош.
Радость труда в ученье найдешь.
Бием же быть, в волостных ходить –
Не дело это, а ложь!

Перевод А. ЖОВТИСА

* * *

Твоя жена – Медета дочь, и звать ее Ёрим;
Умыться даже в месяц раз – тот труд ей нестерпим;
Жигиту силы испытать, ты знаешь, трижды надо,
Но он в дерьмо вступил и в грязь летит путем прямым.

Перевод А. СТАРОСТИНА

* * *

Увидеть путь, познать, на мир взглянуть,
Себя преодолев, младым постигни суть.
Предначертанное прими как дар и волю Божью,
Талант в искусстве по душе, всего Ему дороже.

Коль помыслы твои прозрачны и чисты,
Рту своему во всем поставь преграду.
От сплетен, болтовни, от суеты беги,
Народу угодишь, в трудах найдя отраду.

Перевод М. АДИБАЕВА

ПОЭМЫ

МАСГУД

Во имя твое, друг Аллаха Махмут,
Начинаю рассказ, и уста не солгут,
Когда был халифом Гарун-аль-Рашид,
Жил в Багдаде достойный жигит Масгуд.

Случилось, из дальней поездки домой
Возвращался Масгуд дорогой глухой.
Вдруг он слышит, на помощь кто-то зовет,
Надрывает гортань бессильной мольбой.

Подъехав, видит: грабит вор старика,
Грозя сединам его сталью клинка.
«Кто б ты ни был, тебя я спасу», – сказал
И стиснул ногами коню он бока.

Но проворен был вор, был верен кинжал –
И спаситель едва сам жертвой не стал.
Ранен вором Масгуд, старик невредим,
Злодей, побежденный Масгудом, бежал.

Посмотрел старик: кровь Масгуда текла
По виску, где большая рана была,
Подумал: «Добром за добро отплачу,
Это храбрый жигит, ненавистник зла».

«Эй, жигит, я в большом пред тобой долгу!
Но от платы посильной не убегу.
Достоянье мое, мою жизнь ты спас –
Отплачу я тебе, жигит, чем смогу.

Я не важный бай, не вельможа большой,
Не хан, не батыр, человек я простой;
Ты горькую смерть от меня отвратил
Благодарность моя не уйдет со мной.

Я странник по свету и завтра уйду
Из печальных мест, где попал я в беду.
Но в таком-то месте чуть свет жди меня,
На рассвете тебя я там-то найду.

Иди и наказ мой, о друг, соблюдай,
Во имя Творца день грядущий встречай.
Всемогущий Аллах да будет с тобой!
Дай обнять тебя, мой спаситель, прощай!»

«Но заслуга моя не столь велика.
Делу чести служила моя рука.
Тебе помощь нужна была – я помог.
Приду!» – И покинул Масгуд старика.

В свое время пришел, куда надо, жигит.
Уже старец навстречу ему спешит.
Масгуда к гробнице он древней привел.
Деревцо над гробницей листвою шумит.

Растет деревцо, а пустыня кругом.
Три плода, уже зрелых, висят на нем:
Белый, красный и желтый – снег, кровь и мед.
«Выбирай, как рассудишь в сердце своем.

Если белый съешь плод, будешь всех умней,
Желтый съешь – будешь первым из богачей,
Красный съешь – станешь всем ты женщинам мил,
Все они искать будут любви твоей».

Над словами старца подумал жигит,
Подумав немного, он так говорит.

«Ни того, что бел, ни другого, что желт,
Дай мне красный съест, что как яхонт горит».

«Тот иль этот – ты волен сорвать любой
Не жалел бы потом, что взял не другой.
Однако скажи мне, достойный жигит.
Почему красный плод предпочтен тобой?»

«Плод белый сперва я подумал сорвать,
Чтоб умнее умных, мудрей мудрых стать;
Но буду ль тогда властелином ума?
Нет, ум станет мною тогда помыкать.

Не найду себе равных я по уму,
А глупцы и невежды мне ни к чему.
И теперь немало их вижу вокруг, –
Тогда же я другом кого назову?

Не сделаешь умным глупца никогда.
Исправлять дураков? Не стоит труда, –
Лишь сон потеряешь, тоску наживешь,
Не пойдет никакая в глотку еда.

Плод желтый потом захотелось мне съест,
Чтоб богатства Вселенной всей приобрести.
Но подумал: богаче всех прослыву –
А действительно ль это большая честь?

Богатство поставит меня на виду:
Продают люди силу и красоту,
Лишь только б чужого богатства урвать, –
На их зависть нельзя наложить узду.

Зависть учит, как нищим стать, – это стыд.
Без труда богатства искать – это стыд.
Бескорыстную дружбу забудь, богач, –
На богатство друзей сменять – это стыд.

Куплю совесть у многих, лишь плату дам,
С охотой они уподобятся псам;
А не дам ничего, стану сам я псом:
Либо люди все псы, либо пес ты сам.

Так не лучше ли выбрать тот из плодов,
Тот из трех, что женскую даст мне любовь?
Ведь женщин – полмира, их власть велика,
Их любовь драгоценней любых даров.

Будет враг у меня, не лишусь я сна:
У врага есть мать, дочь, сестра, жена,
У жены его также найдется мать –
Окажет заступничество хоть одна.

Ни один человек без ссор не живет.
О ссоре толкуешь с женой наперед.
Если гневен муж, на жену положишься:
Для гнева и злобы лекарство найдет...

Для того на плечах сидит голова,
Чтоб в делах человек мог размыслить сперва.
Так и я: рассудил, а потом решил,
Взвесил мысли свои и взвесил слова».

Мудрой речи Масгуда старик внимал.
«Хорошо ты решил, хорошо сказал!
Ум есть у тебя, а богатство придет.
Будь счастлив, ты сам свое счастье сорвал!»

Тот чудесный старик был не кто иной,
Как владеющий счастьем кадыр – святой.
Жигита, прощаясь, он благословил,
И Масгуд возвратился к себе домой.

Прозванье «Шамши-жиган» ему дано,
Означает же «Светоч мира» оно.

А рассказу о нем в назиданье нам
До потомства дойти было суждено!

Но земля и в то время была полна
Глупцов и невежд, как во все времена.
Они губят разум, добро, красоту,
Прекрасная жизнь ими осквернена.

От таких людей чего доброго ждать?
Честь, и совесть, и ум – тщетно к ним звать.
Тени славных могил, родная земля!
Не будь их, захочешь в земле сам лежать.

Тот Масгуд в свое время визирем стал.
Масгуда за мудрость народ почитал.
Вот однажды знакомый старец-кадыр
Явился визирю во сне и сказал:

«В день такой-то прольется дождь, ожидай,
Вредоносная хлынет из туч вода;
Безумным вдруг станет испивший ее, –
Но спустя семь дней будет здрав, как всегда.

Осквернятся колодцы, реки, ручьи,
Отравятся горных потоков струи.
Но ты сделай запас здоровой воды –
И безумие пощадит дни твои».

Пробудившись, Масгуд встал вместе с зарей,
Чтоб халифа смутить грядущей бедой.
Совместно они обсудили тот сон
И к такому-то дню запаслись водой.

Наступил тот день, и дождь с неба полил.
Лишился ума, кто в неведение был.

День и ночь на улицах толпы людей –
В спорах, в драках шумят, кричат что есть сил.

Словно пьяными все базары полны,
В безумцев умнейшие превращены.
Визирь и халиф с удивленьем глядят,
За несчастных не в шутку огорчены.

Уговаривать стали они народ
Разойтись по домам, пока срок пройдет.
«Переспите безумия страшный час,
В сне бедный ваш разум лекарство найдет».

Но люди, чей разум утратил узду,
Бесновались, вопя в свирепом бреду:
«И визирь, и халиф наш сошли с ума, –
Убьем их, не то заведут нас в беду!»

Их неистовый вопль дворец потрясал
И сердце халифа тревогой сжимал.
Чем ярость безумных убийц удержать?
«Найди выход, визирь!» – халиф приказал.

«За разумность хотят нас глупцы убить, –
Так не лучше ль ума лишиться, чтоб жить?
Омрачился их ум с волшебной воды, –
Придется и нам ее, видно, испить».

И налили кружки водой дождевой,
И безумие разделили с толпой.
Теперь, когда стали глупцами они,
Каждый славил их мудрость под крик и вой.

К пощаде взывал, кто им смертью грозил, –
И халиф их простил, и визирь простил.

Так случилось, что сброд лишенных ума
И умных двоих их рассудка лишил.

Вот пример, как всеильна глупость порой.
Не пускай свой ум по дороге чужой.
Не много хорошего приобретешь,
Слепо следуя за безумной толпой.

Перевод А. ГЛОБЫ

СКАЗАНИЕ ОБ АЗИМЕ

Есть у Шехерезады рассказ такой,
Изложу его полнозвучной строфой.
Жили братья в Багдаде и звали их
Одного Мустафой, другого Сафой.

Рано умер отец их. Тяжкий удел
Им достался, но каждый из них овладел
Мастерством. Мустафа художником стал.
Вить цветные узоры Сафа умел.

Всех юнцов родные места тяготят,
Захотелось братьям покинуть Багдад.
«Первый, ставший богатым, другого найдет»,
На прощанье условились с братом брат.

Разбросала их жизнь по разным краям,
Но разлука страшна ль молодым сердцам?
В Шинмашин проводил Сафу Мустафа,
И в Бальсуре обосновался он сам,

Беден был он вначале и одинок,
Но усердно трудился – и вскорости Бог
Дал достаток ему, и жену, и дом
И заказчиков много к нему привлек.

Так в труде и довольстве жизнь потекла,
Благосклонна судьба к Мустафе была;
Вскоре сына ему родила жена,
И Азимом нарек младенца мулла.

Время шло. Постепенно мужал Азим.
Отворилась дверь медресе перед ним.
Он премудрость школьную быстро постиг,
Мустафа мог гордиться сыном своим.

Постоянно вникал он в дела отца
И преемником стал ремесла отца.
Не остался нищим Азим, когда
Неожиданно смерть унесла отца.

Рьяно взялся он за работу, и вот
Стал дивиться искусству его народ,
И не стало соперников для него,
Что ни год, то богатство Азима растет.

Как-то в лавку Азима вошел старик
В драгоценном наряде. Солнечный блик
На парче и камнях играл. Азим
Перед гостем почтенным в поклоне поник.

И поклоном ответил старик на поклон,
И, приблизясь к Азиму, так начал он:
«Расскажи чужестранцу, мой сын, в каком
Ремесле иль искусстве ты изощрен?»

И Азим, перед старцем склонив главу,
Отвечал: «Рисовальщиком я слыву,
От отца унаследовав этот дар,
Всем обязан я своему мастерству».

«Ты не глуп, по ответу судя, но тут
Ни богатство, ни слава тебя не ждут,
Чересчур кропотлива работа твоя,
И не стоит затраты времени труд».

Рассердила Азима речь старика:
«Не позволю посмеиваться свысока
Над моим ремеслом, хоть мой кошелек
Легче, видимо, твоего кошелька».

«Сожалея тебя, я это сказал. Ведь
Со смекалкою можно быстрее преуспеть».

Я знаком с таинственнейшей из наук,
В слитки золота я превращаю медь.

Чтоб ты делал, когда бы ее изучил?
Я б не всякому эту науку открыл;
Высока и заманчива сущность ее –
Много денег при малой затрате сил.

Я желаю, как сыну, тебе помочь,
Да и сам я богатство добыть не прочь;
Убедясь в справедливости слов моих,
Сможешь ты сомненья свои превозмочь.

Я держать свое слово всегда привык,
Медь достань – и богатыми станем вмиг...»
Завтра снова в лавке сойтись чуть свет
Сговорились они, и ушел старик.

Удивленным вернулся Азим домой,
Стал спрашивать мать о науке такой.
«Об алхимии слышать и мне довелось,
Но смотри... – покачала она головой, –

Положи перед странником медный лом;
Если прав он, – войдет богатство в наш дом,
Только будь осторожен, мой сын, а вдруг
Чужестранец окажется злым колдуном?»

«Если Бог за меня, то не страшен и вор,
Но попомнит меня старик, если вздор
Обещанье его. Но если он прав,
Глупо будет нарушить наш уговор».

Ночью был беспокоен Азима сон,
Ум его был случаем странным смущен.
Все же, из дому медь с собой прихватив,
До рассвета отправился в лавку он.

Тут как тут уже был этот старый пес,
Он мехи и уголь с собою принес,
Даже рта открыть он Азиму не дал.
«Где же медь?» – старика был первый вопрос.

Жадно в руки схватил он меди кусок,
Положил в казанок и огонь разжег.
И когда закипела, расплавясь, медь,
С черной жидкостью он достал пузырьек.

Влил он снадобье это в кипящую медь –
И пошло в казанке бурлить и кипеть;
Он взболтнул казанок, и вскоре металл
Стал, остынув, золотом чистым блеснуть.

Протянул он Азиму слиток: «Юнец,
Убедись в моей правоте наконец,
Если кто-нибудь скажет, что это медь,
А не золото, значит – я подлый лжец.

Проверяй! Чтоб тебя не смущать, я уйду.
Если же слово мое будет с правдой в ладу
И меня захочешь увидеть тогда,
То отыщешь неподалеку в саду».

Побежал к торговцам Азим тотчас,
Жгли они кислотой слиток не раз.
«Это чистое золото», – все они
Говорили, выслушав странный рассказ.

За три тысячи триста дильде продать
Удалось этот слиток. Увидела мать
Кучу денег и молвила: «Где же старик?
Надо с честью гостя такого принять».

Быстро к саду Азим направил свой путь;
Не успел он с первой дорожки свернуть,

Как навстречу старик. «Ты был прав, отец,
Гостем нашего дома отныне будь!»

Вынул снова золото странник: «Азим,
Все мое – я отныне считаю твоим,
Вот, возьми, накупи на базаре вин,
За вином мы вечером поговорим.

Но беседовать лучше наедине,
Чтобы мог я быть откровенным вполне.
Пусть отправится в гости мать, а не то
Трудно с тайною будет расстаться мне.

Я приду с наступлением темноты,
До заката со мной расстанешься ты,
Но смотри, чтобы в доме мы были одни,
Иль в надеждах своих обманешься ты».

По базару гулял Азим дотемна,
Накупил там различных яств и вина,
Дома матери все рассказал, и ушла
Со спокойной душою к соседям она.

Стол уставлен едою, разным вином,
Стол уставлен яствами и серебром.
Никого нет. Легких шагов старика
Ожидает празднично убранный дом.

Вдруг как будто из сумерек он возник,
Неожиданно дверь распахнул старик.
Как родные они повстречались. Азим
С умиленьем к груди старика приник.

А старик не сразу уселся за стол,
Со вниманьем он весь дом обошел,
Уважая его осторожность, Азим
Не почувствовал тут обиды укол.

А старик между тем давай болтать,
Он был мастер хитро беседой вращать,
Закусили, и, руки оmyв, старик
Предложил за вино приняться опять.

«К отдаленным векам восходят следы
Того, что всегда после сытной еды
Люди пили вино. В привычке такой
Я не вижу, Азим, никакой беды...»

Так все время старик болтал и болтал,
И за кубком кубок он поднимал,
Он разматывал ловко беседы клубок...
Третий кубок Азим уже осушал.

Был привычен веселый старик к вину,
Но Азима клонило уже ко сну.
Тут старик незаметно ему в вино
Влил какой-то жидкости каплю одну.

Час полночный меж тем уже наступил,
А старик, развлекая Азима, шутил.
Чуть снотворного зелья Азим хлебнул,
Как тотчас же на пол свалился без сил.

А старик только этого ждал давно.
Свистнул громко. И с гробом влезли в окно
Пять жигитов. Азима впахнули в гроб,
Торопясь исчезнуть, покуда темно.

Злодеянием не был смущен ничуть
Злой старик. Поспешив все двери замкнуть,
Он оставил пустой и безмолвный дом,
За жигитами вслед направив свой путь.

В камышах прибрежных, колышим слегка
Волною, корабль ожидал старика.

Был на палубу брошен Азим, и уже
Берег еле стал виден издалека.

Тридцать храбрых жигитов корабль ввели,
Поутру он далеко был от земли...
Долго дома Азима искала мать,
По щекам ее долго слезы текли.

Только к полудню очнулся Азим.
Взамен кровли дома, перед ним из бревенчатых стен
Тюрьма. Скован он по рукам и ногам.
Стало ясно: попал он к разбойникам в плен.

Приподнялся Азим, цепями звеня,
Увидел старика и, его кляня,
Закричал: «Как смел ты так поступить?
По какому праву похитил меня?»

«Положи разговорам пустым конец,
Не одной мы с тобою веры, юнец,
Я огню поклоняюсь; коль примешь и ты
Эту веру – невзгодам твоим конец.

Если ж нет – мольбою меня не томи,
По сто раз будешь в день наказан плетью.
Не отступишься ты от веры своей –
Кандалами, злосчастный, всю жизнь греми».

И Азим отвечал: «Как же я изменю
Вере отчей? Мне ль поклоняться огню?
Я за правое дело готов страдать,
Тверд душою буду, подобно кремню!»

Подбежали внезапно несколько слуг
И Азима избили. Жалобный звук
С губ его не сорвался ни разу, хотя
Потерял страдалец сознание от мук.

Был прогневан делами злыми Аллах.
Грянул гром. Закачало корабль на волнах,
И закованный юноша был забыт,
Обуял нечестивцев ужас и страх.

И в тревоге всю ночь не смыкали глаз
Тридцать бодрых рабов. Но что ни час
Свирепел ураган, и к утру уже
Дух надежды в бесстрашных сердцах угас.

И собрали жигиты тогда совет:
«Неужели от смерти спасенья нет?»
К старику подступили: «Эй, старый пес,
Ты за это нам должен дать ответ!

Вот, старик, твоих злодеяний плоды!
Как бы ни были наши сердца тверды,
Даже их устрасает Аллаха гнев;
Как избавиться нам от страшной беды?

Есть один только выход, старый злодей:
Ты Азима тотчас избавь от цепей
И пощады проси у него. Не то
Станешь жертвой акул в глубинах морей!»

Был запуган словами этими плут,
Растерялся, не зная, как быть ему тут,
Но, увидев хмурые лица вокруг,
Он тотчас же избавил Азима от пут.

«Я тебя оскорбил, потому что был пьян,
Ты, Азим, в сыновья мне Аллахом дан», –
Так сквозь слезы твердил Азиму старик,
В хитром сердце лелея новый обман.

С детства людям привык Азим доверять.
«Для чего старику лукавить и лгать?

Стало быть, он меня обидел спяна...»
И поверил Азим старику опять.

«Я прощаю тебя, если так», – он сказал
Хитрецу. Тот к груди Азима прижал...
Ветер вскоре затих. Прояснился день,
Точно чудом, Аллах успокоил шквал.

Стол отныне всегда для Азима накрыт,
Все желанья Азима старик спешит
Исполнять. «Не простой человек Азим»,
Видя это, подумал каждый жигит.

Плыл корабль... И однажды, чуть шевеля
Губами, старик прошептал: «Вот земля,
Помоги мне. И снадобье там набрав,
Мы обратно направим путь корабля».

«Это дело твое», – отвечал Азим.
Рад был старый пройдоха словам таким:
«Если снадобье мне поможешь достать,
Сам я стану покорным слугой твоим».

Вскоре на берег он и Азим сошли,
Барабан в пещере глубокой нашли.
Трижды палкой ударил старик, и вот
Три верблюда выросли из-под земли.

Нагружен был поклажей один из них,
Быстро были оседланы два других...
Поскакали Азим и старик. Барабан
Был оставлен в прибрежных песках золотых.

По пескам уже долго верблюды неслись,
Вдруг старик, устремив свои взоры ввысь,
Вскрикнул: «Сын мой, ты видишь странный туман
Там, где тучи с землей вдалеке сошлись?»

То не тучи, вершина Кап-Тау там,
Вскоре ты эту гору увидишь сам,
Чтобы снадобье снять с вершины ее,
Мы должны уподобиться горным орлам».

Проскакали всю ночь, и когда рассвет
Наступил, какой-то странный предмет
Разглядел Азим; он хотел расспросить
Старика, но того уже рядом нет.

Он умчался, юношу опередив,
Но, услышав Азима громкий призыв,
Крикнул: «Только быстрее, мой светоч! Здесь
Обитает могучий и грозный див».

Тут Азим поспешил догнать старика,
Вскоре видят – пред ними вьется река.
И держась берегов ее, у горы,
В час полдневный спешились два седока.

Двух верблюдов взнуздали они, потом
Распорол третьему брюхо ножом
И очистили от потрохов нутро,
Чтобы было просторно в брюхе пустом.

А затем Азиму старик приказал:
«Вот веревка тебе, мой сын, и кинжал,
Спрячься в брюхе верблюжьем и смирно жди,
Чтоб с Кап-Тау двухглавый орел упал.

Он когтями вонзится в падаль, и с ней
Он взлетит на вершину ветра быстрее;
Смело шкуру кинжалом тогда распори,
И орел улетит, он страшится людей.

А вершина горы усеяна сплошь
Вязкой мелкой землей. Ты ею набьешь

Поплотнее мешок и опустишь вниз
На веревке этой; потом подождешь,

Пока я его отвезу, а сам
Привяжешь покрепче веревку к камням
И с вершины сползешь, за нее держась.
Только так достанется снадобье нам».

Заучив слова старика назубок,
Взял Азим веревку, кинжал и мешок.
На прощанье хитрец еще говорит:
«Ты исполни все, как сказал я, сынок».

«На земле каких не бывает чудес;
Все, что с нами вершится, – воля небес;
Отступить уже поздно, – решил Азим, –
Будь что будет», – и в брюхо верблюжье полез.

Шкуру толстую хитрый старик зашил
И в пещере укрылся. Орлиных крыл
Тут слышались взмахи. Падаль схватив,
В поднебесье с добычей хищник взмыл.

Чуть Азим под ногами почву обрел,
Он верблюжье брюхо тотчас распорол;
Отлетев от добычи, сел в стороне,
Испугавшись Азима, хищный орел.

И достигнув легко вершины горы
И наполнив мешок свой глиной с горы,
Обвязал его крепко Азим и стал
Опускать на веревке длинной с горы.

Но едва земли коснулся мешок,
Как, схватив его жадно, бежать со всех ног
Пустился проклятый старик; заодно
И веревку с собою он уволок.

Но не понял юноша замыслов злых,
Крикнул: «Как же я слезу со скал крутых?»
«Много жертв безрассудства на этой горе
Я оставил; ты тоже одна из них», –

Убегая, крикнул предатель в ответ.
«На его возвращенье надежды нет», –
Подумал Азим. По скалам бродя,
Он искал хоть какой-нибудь тропки след.

Но, увы, был с горы заповедан путь.
Все же страх не терзал Азима ничуть.
Он какие-то фрукты нашел, поел,
«Будь что будет», – решил и прилег отдохнуть.

Солнце село. Азим проспал дотемна,
Вдруг, очнувшись, он видит – вершина полна
Сонмом страшных чудовищ. Надо бежать,
Но не в силах Азим очнуться от сна.

Но внезапно, стяхнув сновиденья власть,
Над собою он видит драконью пасть,
Чтоб не быть проглоченным в тот же миг,
Он решил на дракона с кинжалом напасть.

Оросив драконовой кровью кинжал,
Быстро юноша в сторону отбежал,
И, взобравшись на дерево, росшее тут,
Он в зеленой листве эту ночь проспал.

На рассвете проснувшись, увидел он,
Что покинули чудища горный склон
И только один неподвижно лежит,
Сраженный кинжалом Азима, дракон.

«Наверно и этот почувал бы страх
Пред солнечным светом и скрылся в горах,

Когда б не подох», – так подумал Азим
И к дракону подполз с кинжалом в руках.

Велико было юноши торжество,
Когда он убедился в том, что мертво
Поганое тело. Кинжалом своим
На ремни он разрезал кожу его.

Не ленился Азим, не лежал в тени,
Целый день он вязал и сплетал ремни;
И когда он к вершине их привязал,
До подошвы горы протянулись они.

Высока и скалиста была гора,
Но Азим не раздумывал: «Что же, пора...»
Слез с горы, вышел к речке он и пошел
Той дорогой, которою ехал вчера.

Утоляя голод и жажду водой,
Дня четыре он шел; вдруг пред ним золотой
Замок вырос. Такому чуду дивясь,
Он направился к замку с отважной душой.

Распахнул ворота дворца молодец,
Обошел все покои. Огромный дворец
Был безлюден и пуст. Удивленный Азим
В зал последний вошел, и там наконец

Двух красавиц узрел он. Красавиц таких
Никогда не встречал он в краях родных.
В шашки обе играли, и долго Азим,
Стоя сбоку, следил за игрою их.

Но когда наконец он замечен был,
Он вопросом таким привечен был:
«Отчего ты с пройдохой связался, жигит,
И, рассудок утратив, беспечен был?»

Без утайки все рассказал им Азим,
Все скитанья свои он поведал им,
И прекрасных слушательниц сердца
Он растрогал правдивым рассказом своим.

И когда был окончен печальный рассказ,
Струи слез текли у красавиц из глаз.
И сказали они: «Точно брата, тебя
Полюбить мы успели. Останься у нас».

«Будь по-вашему, сестры мои, вдвойне
Быть вам другом и братом приятно мне,
Но должны вы меня отпустить, когда
По родимой соскучусь я стороне».

«Знай, Азим, что обетом связал нас Бог.
От каких бы страданий ни изнемог,
Оставаясь с нами, терпи – и тогда
Ты вернешься домой в назначенный срок.

Не возлюбленным нашим, а братом будь,
Дружбу в сердце твое мы хотим вдохнуть,
А когда наступит разлуки пора,
Снарядим тебя обе в обратный путь».

Быть друзьями всегда решили они,
Клятву дали в том без усилий они,
Затаенные мысли и чувства свои
Друг от друга тогда не скрыли они.

Дни идут. Посвежел и окреп Азим,
Все, что видел он в замке, считал своим.
И куда бы ни захотел он пойти,
Двери замка распахнуты перед ним...

(На этом поэма обрывается)
Перевод В. БУГАЕВСКОГО

ИСКАНДЕР

Помнит мир Искандера, его дела.
Македония скипетр ему дала.
Был сыном Филиппа-царя Искандер.
Всю Вселенную слава его прошла.

Когда умер Филипп, Искандер вступил
В двадцать первый свой год, был в расцвете сил,
Малолюдный, бедный наследуя край,
Он к соседям недобрый взор обратил.

Увидел богатства, плоды их труда,
Собрал войско, повел на их города,
Покорил много стран, царей низложил,
Истребил народы, посевы, стада.

Много крови людской пролил человек,
Полноводны моря от кровавых рек.
Искандера мир будет помнить всегда,
Не забудет деяний его вовек.

Непокорных покорными сделал он,
Свои земли просторными сделал он,
Дни светлые ханов, султанов, царей
Омраченными, черными сделал он.

Но алчность его становилась сильнее,
Целый мир вскоре стал мал и тесен ей.
Говорили тогда про него льстецы:
«Искандер – владыка владык, царь царей».

Победы его разглашали гонцы,
Его слава летала во все концы.
Он в далекие страны грозой пошел –
Соберут кровавые жатвы жнецы.

Беспощаден, смел, кровожаден и зол,
Выше туч воспарил Искандер-орел.
Цветущие земли, пространства пустынь –
Нигде он предела себе не нашел.

Случилось, в одной из бесплодных пустынь
Блуждал он, в одной из голодных пустынь.
Обессиленный, жаркой жаждой томясь,
Страдал он в одной из безводных пустынь.

Безумели люди, судьбы устрашась,
Умирили, с отчизной в мыслях простясь,
Молили Аллаха о капле воды,
Кто роптал, кто молчал, нужде покорясь.

Под Искандером пал конь, не снес беды.
Рука опустила поводья узды.
Обнял Искандер шею друга-коня, –
Поднялся, вдруг видит: словно луч звезды.

Он идет на луч, но, вместо огня,
Там струится ручей, прохладой маня.
Губами припал Искандер к роднику –
Освежала уста и душу струя.

Поварам он велел в ручей положить
Копченую рыбу, от пыли отмыть,
Иной стала рыба, прекрасной на вкус,
Лишь успела вода ее освежить.

Искандер сказал: «Не встречалось такой
Мне воды, чтоб сравнить мог с этой водой.
Подойдите – и жажды огонь зальем,
И пойдем к истокам воды ключевой.

Несомненно, там край богатый найдем,
Народ покорим, непокорных уьем,

Богатства возьмем и вернемся домой,
Безмерную славу добудем мечом».

И, напившись в ручье, напоив коней,
Продолжали путь, – и прошло много дней.
Шли под звон литавр, в блеске лат и кольчуг,
И к небу неслись песни трубачей.

Вот достигли горы – грозна, высока.
В ущелье уходит струя родника.
Золотые ворота сверкнули вдруг –
Встают пред ущельем под облака.

Искандер в ворота ударил рукой –
Далеко прокатился звон золотой.
Железная странно немеет рука, –
Ворота стоят нерушимой стеной.

Искандер, не знавший преград никогда,
Искандер, в боях побеждавший всегда,
Все сокрушавший, ставший слабей травы,
В бессилие впавший, впал в гнев от стыда.

Часто видишь гнев, где уместней мольбы, –
Искандер стал стучать, стал шатать столбы,
Стал ломиться в ворота, грозно крича:
«Откройте ворота во имя судьбы!»

За воротами гул шагов прозвучал,
Голос сторожа Искандер услышал.
«Не пытайся открыть ворота, стуча,
К Аллаху ведут они», – сторож сказал.

«Я зовусь Искандером – царем царей,
Вся земля покорилась воле моей.
Непристойно владыке владык стоять,
Как просителю, у закрытых дверей!»

«Хвастовство, о царь, не пристало уму.
В этом месте, поверь, не место ему.
Ты завистлив и алчен, мир тебе мал,
Не пытайся расширить его – к чему?»

«Шел сюда я не день, не месяц, не год, –
Здесь предел, нет отсюда пути вперед.
Если путь мой к исходу вел моему,
Дай мне дар, чтоб видел его мой народ».

«Многих ты покорил, но не взял всего,
Вот дар, что ты просишь, прими же его».
И падает сверток сквозь щелку ворот,
Размерами в смокву, не больше того.

Искандер удивился и дар открыл,
Сильней прежнего гнев чело омрачил.
В развернутом свертке увидел он кость,
Сколько хочешь лежит их на дне могил!

Не постиг он урока своим умом,
Лишь увидел насмешку в даре таком.
Далеко от себя он кость отшвырнул.
«Не шути так глупо, привратник, с царем!»

При царе был мудрейший из мудрецов
Аристотель, древнейший из мудрецов.
«Эта кость непроста, она – царь костей!» –
Так сказал он, хитрейший из мудрецов.

Он как в книге читал мысли всех людей,
И советам его внимал царь царей.
«Пусть дадут весы – на одну чашку кость,
На другую металл, – и что тяжелей?»

Царь желанье его оглашает вслух.
Обе чашки равны, на одну из двух

Положили все золото, что нашлось,
Но в сравнении с костью оно как пух.

Искандер видит это, он изумлен,
Бросает доспехи на золото он,
Опускается ниже мертвая кость.
Железом был золота груз облегчен.

К мудрецу Искандер вопрос обратил.
«Слишком мало сокровищ я накопил,
Перевесила вес их легкая кость.
Чем перетянуть ее? Кто б рассудил?»

Аристотель нагнулся, земли взял горсть
И посыпал землю мертвую кость,
Чашка с ней поднялась выше той, другой,
Легче стала, чем камышовая трость.

Продолжая о виденном размышлять,
Обратился к мудрейшему царь опять:
«В этом чуде урок, не понятный мне,
Объясни: как я должен его понять?»

«Кость – глазничная кость, – таков был ответ, –
В этом мире сокровищ столь ценных нет,
Чтоб насытиться ими мог алчный взор,
Лишь земля насыщает глаза вполне.

Ненасытность глаз у иных велика,
Все им мало, хоть мир весь держит рука,
Но умрут они – и для мертвых их глаз
Алмаз и сапфир не ценнее песка.

О владыка, не гневайся, дай сказать!
Золотые ворота нам не сломать.
Хоть, знаю, досада твоя глубока,
Здесь предел твоей славы, – славней не стать».

Замолчал мудрец, и сказал царь тогда:
«Все дела мои – прах, не стоят труда!
Да судит Аллах!» – и пошел на закат,
И войско за ним повернуло туда.

Закончена повесть – недлинный рассказ,
Поучение в нем найдешь в добрый час.
О влекущийся к славе, не хлопочи:
Ничем не насытит, кто алчен, свой глаз.

Жизнь кратка, поманит – и уже ушла.
Говори, встретив радость, не «есть» – «была».
Если совесть и честь, как товар, продал,
Презренны и слава твоя, и дела.

Ты стяжаешь себе похвалы глупцов,
Окружаешь себя толпою льстецов.
Но на шаг отошел – и осмеян ты,
«Вот, скажут, бесчестный, и сроду таков!»

Ничтожные любят себя похвалить,
Где достоинства нет, нельзя прикупить!
Говорить о цене своей надо ль тебе?
Если есть в тебе свет, он будет светить.

1901 год
Перевод А. ГЛОБЫ

СЛОВА НАЗИДАНИЯ

ПЕРВОЕ СЛОВО

Хорошо ли, плохо ли я жил, но вот состарился.

Прожита жизнь – спорил я, боролся, судился, имея одни хлопоты, и в них обессилел, устал и убедился в бесцельности всего сделанного.

И вот оказалось, что все, что было, – было только унижением человека.

Как же прожить мне остаток своей жизни? Не найду ответа.

Править ли мне народом? Нет, управлять им нельзя. Если этого не хочет даже тот, кто призывает на свою голову любую беду, не хочет этого даже молодежь с неостывшим сердцем, то я, старик, тем более не хочу. Нет, я не знаю, как им править. Так упаси меня бог от дела, которое мне не по силам.

Умножать ли мне стада? Нет, я не хочу заниматься этим. Пусть дети разводят скот, сколько им вздумается. На старости лег я убедился, что не стоит тратить остаток дней на умножение скота для добычи воров и попрошаек.

Умножать ли мне знания? У кого учиться, кому передать свои знания и для кого их пополнять? Без народа нет и жизни. Какая польза в том, что ты разложишь в пустыне ситец и сядешь рядом с ним, взяв аршин в руки? Раз нет человека, с которым можно было бы поделиться своим горем и радостями, то сама наука – горе, и она только ускоряет старость.

Может быть, мне стать благочестивым и заняться исполнением всех обрядов религии? Нет, и этого не стоит делать, потому что и для этого нужен покой. Какое может быть благочестие, когда ни в чувствах, ни в жизни нет покоя?

Может быть, мне заняться воспитанием детей? Нет, я не хочу воспитывать детей. Может быть, я воспитал бы их, только вот не знаю как. Я не знаю, для чего их воспитывать, к какой цели их вести, для какого народа их готовить. Я не вижу для своих детей места, в котором они могли бы радоваться жизни. Я не знаю, по

какому пути направить их. Для чего же я буду снаряжать караван, если я не знаю, куда мне его послать?

Так сидел я, не зная, что делать.

Наконец решил: буду развлекаться бумагой и чернилами, буду писать подряд все, что вздумается. Если найдется человек, который увидит здесь нужное для него слово, то пусть выпишет слово и сделает его делом; если же никому не нужны мои слова, то пусть они останутся словами.

Так я решил, на этом я остановился, и теперь нет у меня иного занятия, кроме этого писания.

ВТОРОЕ СЛОВО

Не любят народы друг друга. В детстве мне часто приходилось слышать, как наши казахи, встречаясь с узбеками, называли их «сартами», посмеивались над ними: «Ах вы, такие-сякие, широкополые, тарабаристые. На глазах сладкие, за глазами ругательные. Ах вы, сарты; по-нашему ведь сарт – сурт, – значит грохот, и сарт – значит грохотало».

Так мы смеялись над соседями.

Встречаясь с ногайцами – татарами, тоже ругали их и над ними смеялись: «Ногаец верблюда боится, верхом на лошади устает, а пешком отдыхает. Не ногайцы они, а нокайцы. что значит неуклюжие. Ни в чем у них нет ловкости, и труссы-то они и крохоборы».

Если встречались с русским, то смеялись над ним за спиной: их мы считали людьми необузданными, людьми доверчивыми.

Я тогда думал, что, кроме нас, нет хорошего народа и что самый лучший в мире народ – мы, казахи.

Так радовался я, ругая соседей, забавляясь руганью и смехом.

Теперь я вижу – нет такого растения, которого сарт не сумел бы вырастить. Нет такой вещи, которую он не сумел бы смастерить. Нет такой страны, куда бы не проник купец-сарт.

Живут они друг с другом дружно.

Прежде только от них и приходила к нам, живым, одежда, а мертвым саван. Голыми мы остались бы без сартов, если бы не

покупали всего у них, отдавая им свой скот, выращенный с такими заботами. И теперь, при русских, быстрее переняли сарты русские знания и русское мастерство. Обходительность, чистота, вежливость – все у сартов.

Смотрю на татар – они могут быть хорошими солдатами, умеют стойко перенести бедность, не боятся смерти, умеют строить школы. У них, как и у нас, есть муллы. Они соблюдают законы религии. Татары умеют трудиться, богатеть; жизненные удобства – все у них. К их богачам наши идут за хлеб в слуги и в батраки.

Даже нашего бая они выгоняют из своего дома и говорят ему: «Этот пол не для того сделан, чтобы ты топтал его своими грязными ногами». Все это оттого, что они дружно работают, овладевают мастерством. Вот что приводит их к достатку.

О русских нечего и говорить. Мы не можем сравниться с их прислугой.

На чем же основана наша хвастливость и те пренебрежительные слова, которые мы говорим о своих соседях?

ТРЕТЬЕ СЛОВО

Почему же казахи не любят друг друга? Почему они неправдивы, почему они добиваются чинов?

Великие мудрецы давно сказали: каждый лентяй – трус, бессилен. Бессильные не бывают храбрыми, бессильный всегда хвастлив. Каждый хвастливый всегда невежда, всякий невежда всегда глупец, и всякий глупец бесчестен. Лентяй становится жадным и никому не нужным попрошайкой.

Это оттого, что нет у многих из нас иной мысли, кроме мечты об увеличении поголовья скота. Нет у нас земледелия, торговли, мастерства, науки.

Люди думают только об умножении скота. Умножив стада, они передают их пастухам, а сами, наевшись мяса, напившись кумыса, хотят наслаждаться любовью и скачками.

И вот праздность делает для человека тесными его кочевье и зимовье. Ему кажется, что мало у него земли для стад, которых

он сам не видит. И он отбивает землю у соседа кляузами, взятками начальству, насилиями. А сосед старается вытеснить другого соседа или уходит с места, на котором жили его предки.

Мы даже радуемся бедности своего народа, потому что чем больше бедных, тем дешевле рабочие руки. Мы радуемся, когда люди лишаются скота, потому что тогда освобождаются пастбища. Разве мы друг другу желаем добра? Мы хотим обнищания соседей, а те хотят, чтобы мы разорились. И вот так мы все перессорились.

Но и для вражды надо иметь силу. И вот мы стали оспаривать друг у друга должности волостных старшин и биев. Степь широка, но она нам стала тесна, а люди не уходят в чужие края, люди не пашут землю, не торгуют. Нет, они торгуют, только по-своему: они поочередно продают сами себя — сегодня одному, завтра другому. В раздорах покупают люди в степи себе сторонников, перепродают голоса и влияние.

Степь полна вражды и воровства.

Кто же может укротить вора, когда, опираясь на воров, все враждуют друг с другом?

Кляуза населяет степь, на лучших людей страны клеветают, против них возбуждают уголовные дела для того, чтобы на выборах лишить этих людей права быть выбранными.

Мы не сеем хлеба, но мы сеем раздоры, мы выращиваем ложных свидетелей, которые могут подтвердить, что они видели то, чего они не видели, и слышали то, чего не слышали. Мы умножаем врагов.

Что делать в степи честному человеку? Если умолять врага, если согласиться с ним во всем, то значит, ты сам не честен, а если бороться с врагом, то станешь ты жить в вечных хлопотах и не найдется у тебя времени ни для какой работы.

Старшины живут обманом, и войлок под их задами постелен хитростью, и они посажены на него неправдой.

Есть пословица у казахов: «Не в деле, а в человеке сила». Значит эта пословица, что ничего не достигнешь правдой и все получишь обманом.

Для обманов мы выбираем волостного правителя на три года, и первый год мы докучаем ему, рассказывая про свои обиды,

а он нас только слушает, и мы упрекаем его: «И для чего мы избрали тебя? Ты ничего для нас не делаешь».

Второй год правитель заботится о том, как бы опорочить своего соперника, чтобы тот не мог сесть на это место после следующих выборов.

Третий год правитель всех выслушивает и обещает все изменить, если его изберут снова старшиной.

Так проводит он все время в пустых хлопотах.

Хоть бы мы тех людей избирали, которые получили образование на русском языке. В этом был бы хоть какой-нибудь смысл.

Во-первых, это побудило бы казахов обучать большее количество детей. Во-вторых, такой человек не зависел бы от степных управителей, а был бы зависим от закона.

Не на пользу, а явно во вред народу избираются сейчас бии – судьи. Избираются люди невежественные; им нужно знать своды старого обычного права: «Путь, проторенный Касым-ханом», «Старый путь Есим-хана» и «Семь сводов справедливости Азь-Тауке-хана», составленные на совещании в Куль-тобе.

Надо понимать и различать, что в этих законах устарело, что нужно заменить. Но избираемые теперь судьи не сумеют найти разумную замену. Ведь и прежде говорили люди: там, где два бия, там четыре спора.

Бии множат споры. Чем умножать количество биев и споров, лучше выделить из каждой волости по трое судей и сделать их несменяемыми. Пусть их сменяют только за преступление. Пускай дела решают двое из них, а третьего приглашают со стороны. А если бы и эти не решали дела, то брать для решения одного из трех постоянных судей. Может быть, тогда наши споры решались бы быстрее.

ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Тот, кто умеет внимательно смотреть, знает, что глупый смех похож на опьянение.

В самом деле, пьяный человек – легкомысленный; когда он говорит, от его слов заболевают головы слушателей.

Беспечный смех приводит того, который ему предается, к расстройству хозяйства, к растрате ума и к разным неблагоприятным поступкам. Можно сказать, что такие люди или в этой жизни, или в загробном мире будут наказаны.

Разумный человек к своим делам относится внимательно, и это приводит его к довольству.

Я не хочу, чтобы мы все время горевали – никакая душа не выдержит такой постоянной печали. Но горе должно быть разумное, и такого горя не надо избегать; огорчайся тем, что у тебя мало горя, избавляйся от пустых забот настоящей работой. Каждая настоящая работа уменьшает горе. Значит, избавляйся от гонимости, гони его от себя не пустым смехом, а разумным трудом. Значит, не отдавайся горю в плен, не запирайся в свои несчастья – это тоже неправильно.

Не радуйся преступлению дурных людей, не наслаждайся смехом – сердись на зло, смейся гневно.

Смех с досады – это не радость, а горе. Такому смеху ты сам не будешь постоянно предаваться. Этот смех не похож на опьянение. А если будешь смеяться от удовольствия, увидя, что есть хорошие люди и высокие подвиги, то смейся смело.

Но не разбрасывайся в веселье. Не хвастайся весельем, не разливай его, как пьяный разливает свое питье. Есть смех, который не рождается в сердце, а идет только из груди. Это деланный, подкрашенный смех. Не увлекайся таким смехом.

Человек рождается, плача, умирает, сердясь. Не видя счастья жизни, преследуя друг друга, хвастаясь друг перед другом, теряем мы бедную жизнь, не видя ее, унижаем непристойными поступками, пренебрегаем ею, как песком, как гнилой веревкой, а когда она подходит к концу, то плачем и не можем купить и одного дня жизни за все свое состояние.

А стоит ли та жизнь, которую ты прожил, жалости?

Жить хитростью, жить слезливыми просьбами – это не значит жить, это значит существовать, как существует собака.

Если хочешь жить достойно, живи трезво, опираясь на свою силу, трудись, и земля принесет тебе свои плоды и не оставит тебя в ничтожестве.

ПЯТОЕ СЛОВО

Писал про смех – теперь напишу про горе.

Скорбь сжимает грудь, ослабляет все суставы тела, исторгает из человека слезы и потоки жалоб.

Сколько раз я слушал, как говорили казахи: «Господи, сделай нас беззаботными, как младенцев». Значит, у казахов есть заботы и они считают себя взрослыми.

Но если спросить у них: какие у них заботы, какое горе они знают, то они ответят пословицами: «Дана тебе жизнь на полдня, а средства имей на целый день», «Бедному и отец не родня», «Скот – печень человека», «Богатому свет, а бедному тьма», «Храбрец и волк найдут пищу на дороге», «Берущая рука привыкает и отдавать», «Тот, кто сумел нажиться, тот и прав», «Избегай озер глубоких и людей скупых», «Если голоден, скачи в дом, где идут поминки».

Много у нас пословиц, но не говорится в них о науке, о знании, о справедливой и спокойной жизни.

Человек любит свой скот, как собственные свои потроха. Он хочет получить все обманом. Если ему не дадут, хочет ограбить. Человек не боится ограбить даже отца.

Так на что же жалуются казахи?

Разве их мудрость не похожа на мудрость младенца?

Но даже дети знают, что раскаленный камень жжется, а взрослые не боятся преступления.

Когда детям бывает стыдно, они готовы провалиться сквозь землю, а люди, создавшие эти пословицы, очевидно, ничего не стыдятся, они отрекнутся и от тебя, если ты не будешь на них похож.

И вот страна, в которой я живу, и вот народ, который я люблю.

ШЕСТОЕ СЛОВО

Одна из казахских пословиц гласит: «Начало умения в объединении. Начало достатков в труде».

Но что такое единение и как его достичь – казахи не знают.

У казахов выходит так, что единение – это общность скота, еды и одежды.

Но если это так, то какая же польза от богатства и какой убыток в бедности? Зачем искать богатства на стороне, если оно есть у тебя в роду и его можно выпросить?

Но это ли единение?

Нет, единение в общности мысли, в общих намерениях, а не в мнимой общности богатства, которое будто бы можно выпросить у своей родни.

Дорожа такой жизнью, считая только смерть врагом, человек становится врагом всего высшего и извечного: спасая низкую жизнь, бежит человек от врага, получает славу труса, бежит от труда и получает славу лентяя, становясь врагом всего хорошего.

Нет, такая жизнь не жизнь. Вот когда у человека жива душа, живо сердце, вот тогда жизнь жива.

Если ты сам как будто жив, а сердце твое мертво, то ум твой пропал. У тебя не будет силы на труд. Есть стихи:

*Никчемный лентяй, насмешник,
Ты радуешься, что у тебя всегда готова еда.
Ты суетишься, внутри ж ты ничтожен,
Не знаешь конца своего, не знаешь стыда. –*

И скажем: лучше праведная смерть, чем такая жизнь.

СЕДЬМОЕ СЛОВО

Когда рождается ребенок, в нем уже есть два начала.

Одно – это желание есть, пить, спать, вообще удовлетворять потребности тела. Если этого желания нет, то тело перестанет быть жилищем души, не будет расти и развиваться.

Второе начало – стремление все знать. Ребенок стремится ко всему – он тянется к блестящему предмету, пробует все на вкус, на ощупь. Заиграет музыка – ребенок тянется к ней; услышит

лай собаки, или топот идущего скота, или плач и смех – и сразу встрепенется. Позднее он начинает спрашивать: «Что это такое?», «Почему он это делает?», «Для чего это?». Ребенком овладевает высокое беспокойство.

Вот это и есть потребность души, стремление все видеть, все знать, всему научиться. Если пропадает это стремление, если не захочешь полностью знать все или узнавать хоть часть, то ты уже не человек. Если мы не стремимся к знаниям, то наша душа уже не душа человека, а душа животного.

С самого начала Бог создал человеческую душу так, что она отличается от души животного. И это видно во всем. В младенчестве, ежеминутно спрашивая «почему», мы забывали и пищу, и сон. Почему же, вырастая, мы теряем наш первый дар – жажду познания? Почему же идем за теми людьми, которые создают науку и находят ответы на «почему»?

Мы должны были бы увеличить свой мир, умножить сокровища, к которым стремились в детстве. Жажда знания должна была бы подчинить себе тело. Но мы не поступаем так. Мы галдим галками, каркаем воронами и, как они, не летим дальше навозной кучи у аула.

Жажда знаний владела нами только в детстве. Окрепло тело и не подчинилось душе. И мы перестали верить тому, что душа нам подсказывала, насыщаясь только простым видением. Мы не вникали в сущность жизни и утешали себя словами: «Ничего не убыло и у того, кто жил, ничего не зная». Нам рассказывали о познании, а мы не верили. Нас учили, а мы отвечали: «Твой разум для тебя, а мой для меня». Мы отвечали: «Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным, да по-своему». Мы говорили: «Бог с ними, не нужно быть лучше других». Мы не видели достоинства познания и не понимали наставлений.

И вот в груди нет простора и в сердце нет веры.

Так чем же мы лучше животного, которое видит мир, но не знает мира?

Детьми мы хотели знать, хоть мы и не узнавали, но мы были детьми людей, потому что стремились к знанию. Сейчас мы хуже животных. Животное не знает, но оно и не спорит, не доказывает, что знает. Мы же ничего не знаем, но дорожим невежеством, и не променяем невежество на знания, и готовы отстаивать свое невежество со всей страстью вздорного озорника.

ВОСЬМОЕ СЛОВО

Кто же примет мудрый совет? Кто послушает наставления?

Ни волостной старшина, ни бий меня не услышит.

Если б у них была мысль о познании, то их бы не избрали; они и избираются потому, что добиваются избрания, считая, будто могут стать примером для всех. Они сами считают себя совершенством.

Зачем же им слушать? Да если бы они и захотели слушать – нет у них на то времени. У них в голове своя забота: не оказаться виноватым перед начальством, не пропустить в аул разных смутьянов. Они заняты.

Думают они: вот сядет им на голову птица счастья и станут они владельцами полумира, умножат стада и все купят за свой скот. Так ходят они, задрав нос. Честь, бесчестье, разум, наука – все это для них ниже скота. Они думают, что за подарки скотом можно получить даже доброе мнение Бога. Для них религия – скот, народ – скот, знание – скот, совесть – скот.

Как же им понимать жизнь и слушать советы, когда у них нет времени на понимание?

Бай думает всех закормить, всех запоить, всех принудить караулить его скот, уберечь скот от воров и волков, уберечь от стужи. Много пройдет времени, пока он это все устроит, а устроив, он все завершит одним хвастовством и бахвальством.

Не послушают советов и воры, злодеи, хитрецы.

А мирные люди, люди овечьей породы, не могут меня слушать, потому что они не обеспечены пропитанием. Они говорят так: «Почему вы обращаетесь к нам? Лучше обратитесь к тем, которые старше нас, к тем, которые должны были бы понимать слова разума». Но тем нет до этого никакого дела. Нет у тех ни горя, ни печали.

ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Я сам казах. Люблю я казахов или не люблю?

Если бы любил, то хвалил бы их поступки, находил бы в них хоть одну черту, достойную человеческой любви. Или, чтобы

хоть не терять надежды, утешал бы себя мыслью: «Если нет у них этого, то, может быть, есть другое». Должен был бы я хоть как-нибудь поддерживать в себе веру. Но нет этого у меня.

А если бы не любил я казахов, то не посещал бы их круга, не интересовался, что происходит среди них, и спокойно лежал бы в стороне. Или откочевал бы от них. Но нет у меня ни того, ни другого. Не думаю я: исправлю я их. Нет у меня надежды, что они сами исправятся. И вот я существую, но не живу. От досады на них, от досады ли на самого себя живу здоровый снаружи, мертвый внутри. Сержусь, но в сердце нет гнева. Смеюсь без радости. Произносимые мною слова как будто не мои. Все стало чужим.

В те дни, когда я еще верил, я часто думал бросить казахов, уехать куда-нибудь, но тогда еще я любил их и надеялся на них. Теперь я узнал их совершенно, потерял всякую надежду, погасла всякая вера, и не хочу я даже уехать куда-нибудь, не хочу породниться с чужими, привыкнуть к ним.

Стал я человеком с пустой грудью и думаю, что, может быть, и хорошо жить так, чтобы встретить конец, не жалея об ушедшем, умирать не горюя, а устремляя взор надежды в будущее.

ДЕСЯТОЕ СЛОВО

Некоторые молятся, прося у Бога ребенка. Но для чего человеку ребенок?

«Если умру, – думает человек, – пусть останется наследник, пускай он помолится после моей смерти, а когда состарюсь, то прокормит меня сын».

Справедливо ли это желание?

Человек хочет, чтобы сын заступил его место.

Человек, ты думаешь, что имущество без тебя останется без хозяина? Тебе ли заботиться об оставшемся имуществе? Почему ты ревнуешь других к своим вещам, лежа на смертном одре?

Хорошие дети – радость, плохие – горе. Знаешь ли ты, каким будет ребенок, которого ты просишь у Бога? Мало ли тебе тех мук, которые ты сам перенес в жизни? Мало ли ты совершил

собачьих поступков? Почему же ты хочешь, родив ребенка, передать ему свою собачью жизнь и муки?

Ты хочешь, чтобы после твоей смерти твой сын молился за тебя. Но если ты многим сделал добро, то кто же не помолится за тебя; если же ты сделал много зла, то что тебе даст молитва сына?

Или ты думаешь, что сын твой после твоей смерти сделает за тебя то, чего ты сам не сделал? Такой ли ты отец и такова ли твоя страна, чтобы ты мог воспитать хорошего ребенка?

Ты хочешь, чтобы он прокормил тебя в старости? Пустая вера. Да доживешь ли ты до старости? А если доживешь, то будет ли твой ребенок хорошим и способным тебя прокормить?

Если у тебя будет скот, то кто тебя не прокормит? Если у тебя не будет скота, то чем тебя будет кормить сын? А сможет ли твой сын сам умножить стада – это темно и недостоверно.

Хорошо. Даст тебе Бог ребенка, но сумеешь ли ты его воспитать? Нет, не сумеешь и будешь ты отвечать не только за свои грехи, станешь соучастником грехов своего ребенка.

Подумай о том, правильно ли ты сам относишься к вещам, – и твое беспокойство уменьшится.

Ты начинаешь обманывать своего сына с раннего детства, суля ему то одно, то другое. И забавляешься тем, что обманул ребенка. Но если твой сын станет обманщиком или лгуном, то спрашиваю я тебя, кто его научил?

Потом ты научишь его ругать других, а сам будешь защищать его и прощать его озорство и этим окончательно испортишь ребенка.

Потом ты отдашь его в ученье и наймешь самого дешевого муллу, думая, что хватит с твоего сына уменья читать и писать.

Сам ты учишь сына хитрости, говоришь, что вот такой-то мальчик за глаза его ругает.

Вот и все твое воспитание. И почему ты после такого воспитания ждешь добра от своего ребенка?

Еще ты молишься о богатстве, но для чего тебе эта молитва?

Вот Бог дал тебе силу, достаточную, чтобы ты трудился. Но ты не работаешь. Бог дал науку, но ты не учишься. Бог дал тебе разум, но ты его растерял. Ты бы стал богатым, если бы трудился без лени, терпеливо искал и благоразумно работал. Но тебе не

этого нужно: ты хочешь получить богатство угрозами, обманом, попрошайничеством. Вот чего ты хочешь.

Ты враждуешь с людьми, теряешь доброе имя, выпрашиваешь подачки. Ну вот, хорошо, ты пришел наконец к цели, приобрел скот. Но сумеешь ли ты воспользоваться богатством и получить знания? Нет, ты и сам не смог познать. Значит, ничего не узнает и твой ребенок. Без науки же нет благ ни на том, ни на этом свете.

Молитва, пост, паломничество в Мекку, совершенные без знания, не есть настоящее благочестие. Я не видел ни одного казаха, который, разбогатев по-волчьи, жил бы после этого по-человечески. Нет, люди по-волчьи богатеют и по-собачьи разоряются. И три сокровища остаются у них: мука, горе и злоба.

Богатый умеет только хвастаться, что он богат, разорившись, он хвастается тем, что был богатым, и нищенствует вволю.

ОДИННАДЦАТОЕ СЛОВО

Чем же сейчас промышляют казахи?

Они промышляют двумя вещами: воровством и попустительством; вор думает, что он разбогатеет воровством, а хозяин скота пытается наверстать убытки, украв у соседа с излишком. Власть имущие стараются разбогатеть за счет истца и также за то, что они выручат вора.

Другие люди стараются разбогатеть на доносах или на том, что они дадут вору внаймы коня или получают от него по дешевке добычу.

Другие плуты стараются разбогатеть, подсказывая людям, которые даже еще и не имеют воровских мыслей, разные новые козни. Они говорят им: «Поступай вот так-то и будешь беком, будешь сильным или получишь удовлетворение за нанесенную тебе обиду и прослывешь храбрецом». Они занимаются подстрекательством, стараясь сбить с пути истины людей, уча их подзрительности.

Начальники говорят одному: «Я тебя поддержу, наживайся за счет такого-то». Другим начальники говорят: «Что ты зеваешь, наживайся за счет такого-то».

А простой люд рассчитывает на то, что их много, и обещают люди поддержать одного из своих всей толпой в бою и в тяжбе. Перебегают люди из партии в партию.

Не видя покоя ни лежа, ни стоя, так продают люди себя, жену, детей и свой аул.

Если бы исчезло это воровство и эти два способа наживаться, то, может быть, люди занялись бы хозяйством, беки ограничились бы своей алчностью, а бедняки, стремясь к тому, чего у них нет, обратили бы свои желания к достойному труду. Теперь же все люди – соучастники краж и укрывательства.

Кто же исправит это? Неужели и клятва, и честь, и стыд так и иссохнут бесславно? Легко было бы укротить самих воров, но кто укротит баев, ставших послушными союзниками плутов и смутьянов?

ДВЕНАДЦАТОЕ СЛОВО

Если кто-нибудь неверно делает хорошее, неправильно исполняет благочестивое, то у нас не повернется язык, чтобы запретить ему это дело.

Думаю я, что главное в намерении: в том, что делается для блага, не может быть плохого.

Однако людям, у которых не хватает знания для благочестия, было бы лучше, если бы они знали хотя бы два правила: во-первых, надо понимать смысл веры, во-вторых, не надо ограничиваться совершением обряда, а надо стремиться учиться.

Если кто-либо, не научившись, бросил учение, он уже сбился, и его благочестие не будет настоящим.

Если кто, не поняв истинного смысла веры, наденет чалму и начнет величаться, называя себя поборником поста и молитвы, то это будет подобно тому, как человек, не заплатив калым за невесту, поехал за ее приданым.

ТРИНАДЦАТОЕ СЛОВО

Смысл веры, то, что называют иман, – это понимание беспорочного, всеблагого единства Создателя и понимание учения нашего пророка, посланника Всемогущего.

Но для того, чтобы утвердиться в имане, необходимы два условия: во-первых, вера должна быть сознательной, во-вторых, вычитав из книг одно, услышав от мулл другое, нужно выработать свое понимание и быть стойким в нем и не верить уже ничьему наущению.

Если тебе будут грозить смертью, если тысяча людей будет оспаривать тебя тысячью разных способов, нужно, чтобы чувство твое не поддалось.

Для того, чтобы сохранить такое понимание веры, нужно львиное сердце и неослабевающие суставы.

Но есть люди, которые думают, что у них есть вера, но верят они по чужому завету. Такие люди неустойчивы. Они клятвенно утверждают, что белое – черное и черное – белое, и клянутся, что неправда – правда. И да сохранил нас от таких сам Господь Бог.

Не нужно забывать, что, кроме двух видов веры – сознательной и несознательной, – никакой третьей веры нет.

И когда поступаешь против закона истинной веры, не надо думать, что Бог по доброте простит. Не это соответствует величю Бога и благодеяниям пророка.

Пусть будут прокляты те люди, которые ободряют вас ложными пословицами, которые говорят, что на острие сабли нет клятвы; которые говорят, что нет для Бога грехов, которые бы он не простил.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ СЛОВО

Есть ли у человека что-либо драгоценнее, чем его сердце?

Если казах говорит, что человек имеет сердце, значит, он считает того человека богатырем. Других свойств сердца он себе ясно не представляет.

Будь милосердным, считай другого человека своим братом, желай ему того, чего желаешь себе. Вот хорошие правила для сердца, для того, чтобы воспитать в себе правдивое сердце.

Если язык повинуется сердцу, то ошибок не бывает, а если язык лжет, то и сердце бывает обмануто.

Есть у нас в народе выражение: «Доблестное сердце». Знай, что такое сердце не совместимо с обманом и хвастовством.

Человек, обладающий сердцем, быстро оправляется от несчастья. Он не идет, как собака, за чужим караваном. Он сам поворачивает заблудившихся лошадей на истинный путь. Он покоряется, но покоряется тому, что справедливо для разума. И трудна ему иногда эта покорность. И он не покоряется тому, что не выдерживает испытания разумом. Вот истинное сердце. Это львиное сердце, это то, что казахи называют «журукты». То же, что мы обычно называем сердцем богатыря, – это не львиное сердце, а волчье сердце.

Казах ведь тоже дитя человека. Он совершает зло не от глупости, не оттого, что у него нет разума, а оттого, что в сердце его нет той твердости, которая позволяет выполнить повеление разума.

Я не верю людям, когда они говорят, что совершили зло, потому что не имели познаний. Нет, часто люди имеют знания, но пренебрегают ими, потому что исполнение истинного знания часто – подвиг. А раз поддастся казах подлости, – нет у него уже сил порвать со злом.

И люди, которых в народе называют «сильными джигитами», «ловкими джигитами», ведут друг друга к беде и преступлению, возбуждая возгласами: «Ай да батыр! Вперед, богатырь!» Но человек, отступивший от пути истины, от пути чести, человек, который предался темным делам, хвастовству и не проверяет себя, – это не только не богатырь, не только не джигит, но даже не человек.

ПЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Между умными и глупыми людьми, по-моему, есть одна существенная разница: умный человек – человек. Конечно, и он

увлекается, но, увлекшись, он тратит все на достижение цели, и само время поисков останется для него в памяти лучшим временем жизни.

Такой человек, найдя достойный предмет страсти, ищет с жадностью и, когда, вспоминая, рассказывает, то понимает, что он получил высокое наслаждение, и не жалеет, что жизнь его прошла.

Глупый человек не находит себе места в жизни. Он увлекается чем попало, растрчивает свою страсть на бесцельные и бесплодные желания, он проводит самую лучшую часть жизни на собачьей беголке, а старость в раскаянии.

Глупый человек в молодости меняет потеху на потеху. Ему кажется, что молодость вечна, что тело не стареет и суставы не ослабевают. Но быстро потехи сгибают ему шею, и он теряет способность выбора и даже теряет желания.

Страстность становится болезнью. Если человек и достигает того, к чему он стремился, то все это только мнимое достижение, человек переживает только опьянение. Опьянение лишает сил и затмевает его разум, и смотрят окружающие трезвые на пьяного и смеются над ним. В это время разумный, не выставя себя на посмешище, упорно ищет и находит.

Глупый человек похож на всадника, который, сбросив с коня седло со стремянами, потеряв шапку, закрыв зад лошади полами своего кафтана, задрав нос к небу, скачет, как одурманенный.

Если ты сам хочешь быть в ряду разумных, то раз в день, или раз в неделю, или хоть раз в месяц давай сам себе отчет, как ты за это время вел себя в жизни, совершил ли ты поступки, соответствующие благу и разуму. Не совершил ли ты того, в чем следует раскаиваться? Думай о том, как ты провел свою жизнь и заметил ли ты, запомнил ли ты, как провел ее.

ШЕСТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Казах не заботится, чтобы его жизнь была праведна перед Богом. Он думает, что достаточно делать так, как делают другие,

что добродетель в том, чтобы вставать и снова падать на молитвенном коврике, творя поклоны. Ведь говорят у нас иногда купцам, приехавшим получить долг: «Вот все, что я нашел. Если для тебя достаточно, то бери. Не думаешь же ты, что специально для тебя я достану богатство из-под земли».

Но судьбу нельзя обмануть, как обманывают купца. А люди, не утруждая себя хлопотами и не желая ничему учиться, говорят: «Вот все, что я знаю. Где же мне на старости доучиваться?» Или они говорят: «Я невежда. У меня и язык не поворачивается, чтобы говорить высокие слова».

Человек, разве твой язык сотворен не так, как язык других людей?

СЕМНАДЦАТОЕ СЛОВО

Воля, сердце и разум спорили, кто из них важнее. Они пришли к знанию, чтобы оно решило этот спор.

Воля сказала: «Послушай, знание, ты ведь само знаешь, что без меня никто не может достигнуть своей цели. Ведь только благодаря мне люди отстраняют лень и упорно, настойчиво стремятся познать тебя. Даже богатому нельзя без воли и труда достигнуть совершенства.

Разве не я руковожу выбором людей? Не я ли предостерегаю их от легкой наживы и злых повадок? Не я ли возвращаю людей на путь истинный, когда они его покидают? А вот эти двое со мной спорят».

Разум сказал: «Но ведь только я знаю, что вредно, что полезно как для этого, так и для того света. Слова понимаю один я. Без меня нельзя получить прибыль, без меня нельзя избежать убытков. Только я постигаю науку. Как же эти двое, – сказал разум, – оспаривают мое первенство? И на что они годятся без меня?»

Заговорило сердце: «Я царь человеческого существа. Я гоню кровь по жилам, без меня нет жизни. Только я заставляю сытых, беспечных людей, валяющихся в тепле на мягкой постели, тревожиться и думать о том, как живут бедные и обездоленные.

Я отравляю сны беспечных, заставляю людей ворочаться в их постели. Во мне почтение к старшим и милость к младшим. Как часто не сберегают меня в чистоте, как часто меня унижают. Но если сердце честно и безупречно, то нет обиды между людьми. Я восторгаюсь добродетелью и заставляю людей отскакивать от зла, как от змеи. Все доброе – скромность, справедливость, милосердие, отзывчивость, – все исходит от меня. Как же эти двое могут спорить со мной?»

Тогда знание, выслушав всех, заговорило: «Слушай, воля, все, что ты говорила, справедливо. Более того, ты обладаешь многими другими достоинствами, тобой не упомянутыми. Но хотя и не могут жить те двое без тебя, но вместе с силой у тебя есть и жестокость. Много от тебя и пользы, но бывает от тебя и вред. Иногда ты крепко держишься за добро, но иногда и за злодеяние. Это плохо в тебе». Так сказала знание. Потом оно продолжало: «Разум, то, о чем ты здесь говорил, тоже правильно. Без тебя ничего нельзя найти. Только ты знакомишь нас с тайнами творения, жизнью души, но и от тебя бывает зло. Ты рождаешь хитрости, проделки, ты являешься руководителем и хороших, и плохих людей. Ты ведешь людей по пути добра и зла одинаково. Вот это в тебе очень плохо».

И продолжало знание: «Я приказываю вам троим объединиться в одно целое, и повелителем троих будет сердце. Разум, ты слишком разносторонен. Пускай сердце следует за тобой в добро, пускай оно тогда с тобой соглашается и радуется. Но пускай оно не идет за тобой по дороге зла. Более того, пускай оно тогда будет тебе приказывать вернуться. Воля, ты сильна, но пускай и тобой руководит сердце, пускай на доброе и полезное дело оно не будет жалеть твоих сил, а на зло пускай оно накладывает запрет.

Посоветовавшись, соединитесь все трое вместе, но помните, что сердце – повелитель. Если вы все трое будете в одном человеке и так, как я это говорю, то человек, который будет руководиться вами, станет праведником и даже пыль его ног сможет исцелять слепых. Если же будут раздоры между вами, то пусть человек послушается сердце».

ВОСЕМНАДЦАТОЕ СЛОВО

Хорошо, если человек одевается в целое, чистое и если ходит он опрятным. Но плохо, когда человек старается одеваться не по средствам или, гордясь своей одеждой, становится щеголем. Ведь щеголи все время охорашиваются, поправляют усы и бороду, ресницы, брови, думают о своей походке, ходят подбоченясь, живут в пустых заботах.

Щеголи считают, что одежда должна прокормить человека. Они благодаря одежде и хорошим лошадям хотят прослыть джигитами, хотят пользоваться почетом у старших, хотят быть предметом зависти для равных; они хотят, чтобы стоящие ниже говорили про них: «Что может еще пожелать человек, так хорошо одетый и имеющий такую прекрасную лошадь?»

Все это глупо и позорно.

Но если такая блажь одолеет человека, то трудно снова стать ему человеком.

Ты же избегай общества щеголей.

Только разум, наука, воля, совесть возвышают человека.

Думать, что можно иначе возвыситься, может только глупец.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Не от рождения человек разумен. Он становится разумным после того, как, увидев и оценив многое, начнет отличать хорошее от дурного.

Человек, запомнивший слова мудрых, сам становится благоразумным. Но само благоразумие еще не решает всего. Вот если ты благодаря благоразумию избегаешь плохого, то можешь себя считать за человека.

Но если ты, хоть и слышишь мудрые речи, но слушаешь их беспечно или, выслушав и придя в восторг, не захотел переспросить, чтобы вникнуть в сущность мудрости, и не изменился, то для чего ты слушал? Один мудрец сказал: «Чем говорить людям, тебя не понимающим, лучше откармливай свинью. У нее хоть прибывает жира».

ДВАДЦАТОЕ СЛОВО

Вы знаете, что нельзя изменить судьбу. Так вот – человеку суждено пресыщаться.

Пресыщение создано судьбой, не сам человек нашел его, но если узнаешь пресыщение хоть один раз, то трудно будет тебе от него отделаться. Ты его будешь отбрасывать, а оно станет возвращаться к тебе, и в конце концов оно тебя одолеет.

Есть ли вещь, которая бы не надоедала? Пресыщение знает даже человек разумный. И от еды, и от игры, и от смеха, и от хвастовства, и от щегольства, и от пиров, и от бесед, и от женщин – в большей или меньшей мере, – от всего человек остывает, и это так потому, что пресыщение обнаруживает в каждой вещи порок.

Мир не стоит на месте. Жизнь и сила человека также не остаются в неизменном состоянии. Всему сущему суждено непостоянство, изменяется и сердце. Увидев, почувствовав многое, человек узнает и себе цену; узнав бессцельность жизни и краткость забав, человек познает усталость.

И вот почему думаю я, что иногда глупость и беспечность сохряняют для многих радость.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЛОВО

Трудно уберечься от хвастовства.

В самом хвастовстве можно различить два вида: назовем один гордостью, а второй просто бахвальством.

Гордостью назовем то, когда человек считает себя значительным и боится прослыть невеждой, легкомысленным хвастуном, не хочет быть попрошайкой, клеветником, лгуном. Вот такой человек бережет себя от плохих поступков, считая их унижительными для себя, и гордость его возвышает.

Все это черта умного и совестливого человека. Такие люди думают про себя – пускай меня и не будут считать хорошим, но хоть не буду я в глазах людей плохим и ничтожным.

Другие же стараются, чтобы о них как можно больше говорили. Они хотят, чтобы их называли баями, богатырями, лов-

качами. Они забывают даже, что иногда о человеке говорят, но говорят плохо.

Но и такая хвастливость бывает трех родов.

Одни хотят, чтобы их хвалили среди чужих людей. Такой человек хотя и невежествен, но он все-таки человек.

Другой хвастается в своем роду. Невежественность такого человека полна и несомненна. Но человечность такого хвастуна хотя и не полна, но все еще существует.

Третьи хвастуны хвастаются в своей семье. Уж их даже и в роду никто не похвалит. Вот этот невежда – из невежд невежда, и такой человек – уже не человек.

Потому что тот, который старается, чтобы его хвалили, хочет быть похвальным и в своем роду; тот, который старается, чтобы его похвалили в его роду, хочет, чтобы его хвалили и в его семье. Но тот, который ищет похвал у своих домашних, тот уже лишен стыда, потому что он всегда сам себя может захвалить до совершенства.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО

Размышляю я о том, кто же среди казахов заслуживает уважения и любви?

Может быть, уважать бая?

Нет теперь баю уважения. Ведь нет теперь бая, который бы независимо распоряжался своим богатством и своими суждениями. Баи соперничают с баями, зависят от сотни людей, унижаются перед ними, давая им взятки скотом.

Бай по своей глупости думает, что это у него просят подарков. Нет, это он умоляет людей взять, потому что взятка не дар и не щедрость.

Внося раздоры в свою округу, раскрывая объятя всяким смутьянам, раздаёт бай свой скот.

Другие баи, видя, что не могут жить люди нашей страны в согласии, поддаются запугиванию и служат проходимцам всем своим добром.

Может быть, уважать мурз? Но нет в настоящее время настоящих мурз. Вот мурз, дающих взятки и покупающих свое звание за взятки, очень много. Одни из них становятся мурзами для того, чтобы заработать на этом. Другие, потеряв всякий разум, кланяются перед всяким, думая поклонами добиться уважения.

Уважать ли мне волостного старшину и бия?

Но нет биев и старшин справедливых. А биям и старшинам, купившим свои места, нет основания требовать к себе уважения.

Уважать сильных? Но в дурном все сильны, а на хорошее у нас сильных нет.

Я бы уважал умного, уважал бы справедливого, но нет умных людей. Разума хватает только на хитрость, мошенничество.

Отдать ли уважение несчастному, беспомощному, обездоленному? Но они не могут сесть даже на лежащего верблюда.

Скромность, которая происходит от слабости, не достоинство. Если бы у них была возможность хоть забраться на верблюда, то нашли бы они возможность и зацепить по дороге что-нибудь.

Итак, остался я среди мошенников и хитрецов, и нет на них угомона – хотят они все опустошить.

Но кого же любить мне и кому желать благополучия?

Я вспоминаю пословицу: «Кто бережет добро, тот избегает тяжб».

Я жалею тех и тем желаю благополучия, которые скромно отдают половину своего состояния для того, чтобы сохранить другую половину; пусть они жертвы, но они хоть скромны.

Кроме них, никого не могу найти в числе хороших.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО

Не всякая радость – благо. Есть и такая радость, которая не даст возможности нашим казакам стать лучше. Эта радость в том состоит, что найдет казах скверного человека или у какого-нибудь человека найдет нехороший поступок и скажет себе: «Стыд такому-то. А ведь он себя считает человеком. Разве по

сравнению с ним я не лучезарен? Разве по сравнению с ним я не хорош?»

Слушай, казах: разве тебе Бог сказал, что достоинство быть лучше самого худшего? Или тебе это сказали достойные люди?

Если есть люди невежественнее и сквернее тебя, то разве ты хорош?

Человек может стать хорошим, сравнивая себя только с хорошим.

Если в скачках участвует сто лошадей и кто-то получит приз, но не первый, то ведь спрашивают у него: а сколько было лошадей впереди тебя? Какой толк спрашивать, сколько лошадей было сзади тебя? Какая радость для отставшего, если он может сказать: и за мной еще было пятеро.

Разве утешение говорить: не мы одни плохи? Разве Бог сказал тебе, что тебе достаточно не отставать от толпы?

Кто тебе сказал, что для толпы нет наказания? Или ты думаешь, что в аду не хватит места для толпы? Толпа редко состоит из людей образованных, знания чаще бывают у одиночки. Поэтому не прячься в толпе.

Легче ли, если в доме все заболеют, или лучше, когда половина заболит, а половина здорова?

Если заблудилась толпа, то разве не нужен ей человек, который знает степь, по которой идет толпа?

Если истощены все лошади, то это большое зло; меньшее зло, если половина истощена, а половина в теле.

Если пришел джун, то разве хорошо, что он разорил весь народ? Нет, лучше, если хоть половина народа осталась неразоренной.

Значит, нет утешения для одного дурака в том, что на свете много дураков.

Разве убедит свою невесту жених, у которого дурно пахнет изо рта, сказав, что у него в роду у всех так пахнет из пасти? Обрадуется ли невеста, скажет ли она ему: «Не отставай, милый, от своих, и ты не мой рта?»

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

На земном шаре, говорят, два миллиарда людей. Из них два миллиона казахов.

У наших казахов дружба, вражда, хвастовство, сила, погоня за богатством, поиски знаний – все это не похоже на привычки других народов.

Мы друг с другом враждуем, друг у друга воруюем, друг за другом следим и не даем друг другу сомкнуть глаз хоть на мгновение.

Нет у нас ни городов, ни людей, видящих мир.

Неужели же мы так и останемся ничтожнейшими среди народов мира?

Настанет же день, когда среди казахов исчезнут воровство, сплетни, клевета, вражда и будем мы добывать добро и знание верным путем.

Но откуда же явится это?

Ведь у нас сейчас двести человек зарятся на сто голов скота. Разве они могут успокоиться, пока не уничтожат друг друга?

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

Обучать детей хорошо, но для начала их надо обучать родному языку, грамоте и самым обыкновенным знаниям. Для арабского и фарсидского языков надо иметь богатство.

Как голодный человек сохранит разум и прилежание для того, чтобы постичь многие науки?

Скудость достатка, раздоры между родичами толкают людей на плутни, на насилие, на воровство.

Работай, умножай свой скот, умножай знание и мастерство. Тому, чему сам научишься, обучай и своего сына. Расти знания. Главное – научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство – все это у русских. Для того чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру.

Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза.

Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным и не будет жить позорно.

Надеяться на то, что проживешь только хитростью, значит быть жертвой невежества.

Невежественный человек способен продать отца, мать, всех родных и близких первому русскому чиновнику, который хлопает его по плечу.

Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получил его, жизнь твоя станет легче.

Однако в настоящее время люди, обучающие своих детей по-русски, норовят при помощи русского языка поживиться за счет других казахов. Не имей такого намерения.

Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения.

Если мы узнаем столько, сколько знают другие, то станем сильными и равноправными.

Правда, до сих пор из среды казахских детей, узнавших русский язык, не выросло еще выдающегося человека. Это потому, что этих детей портят родственники, родители и близкие люди. Но и сейчас они лучше необученных.

В русскую школу отдают детей нехотя, как на позор или в неволю. Отдают одни бедняки с горя. Как же детям вырасти при таком отношении к науке хорошими людьми?

Иногда казахи, поссорившись со своим родом, желая досадить ему, говорят: «Чем терпеть мне такое унижение среди своих, не лучше ли сдать сына в солдаты, а самому отрастить волосы, приняв облик и обычаи чужого народа?»

Нехорошо бросать свой народ.

Далеко ли уйдут, научатся ли добру дети тех казахов, которые произносят такие постыдные слова? Станут они учиться как-нибудь, будут в одно ухо впускать слово, в другое – выпускать. Вот почему нет детей, которые бы занимались напористо, даже когда их учат бесплатно.

Говорю тебе правду: не торопись женить сына, обучай его русской науке, хотя бы пришлось тебе для этого заложить все свое имущество.

Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, учи его и сделаешь тем благо ему и своему народу.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО

Если лошадь казаха придет первой на скачках, или победит борец из его рода, или схватит добычу его беркут, или собака опередит других, то обрадуется казах до потери сознания. Не знаю, есть ли у него какая-либо радость больше этой. Ой, наверное, нет.

Но достойны ли человека эти радости? Что ты хвастаешься доблестью какого-нибудь животного или победой борца? Тот, который опередил или обогнал, не ты и не твой сын.

Все это похоже на стремление досадить друг другу, разозлить кого-нибудь.

Чему радуешься? Досадить другому нехорошо. Это противоречит разуму и обычаю, вредит тебе самому. Нечему радоваться, если ты кого-нибудь разозлишь, обидишь. Не вызывай у другого человека злобы и зависти.

Скаковая лошадь, и беркут, и борзая – все это животные. Они иногда бывают у одного, у другого. И сильный джигит рождается то в одном, то в другом роду. Все это создается не твоим искусством.

Победивший однажды не постоянно побеждает. Если ты проиграл, то не желай провалиться сквозь землю. Только невежественные люди радуются и печалются тому, чему не стоит радоваться и печалиться.

Подумаем обо всем этом.

Невежественный народ радуется тому, чему не надо радоваться. Он не помнит, что сделал, что сказал, и радуется пустякам до потери сознания, до опьянения. Он не стыдится того, чего следует стыдиться, и стыдится того, чем надо гордиться. Все это происходит от невежества и от глупости.

Скажешь это людям, и они отвечают: «Да, правда, правда», как будто соглашаясь с тобой. Ты этому не верь, завтра человек, который с тобой соглашается, будет поступать так же, как и все остальные. Он не удержится на скользком пути, не образумится.

Если казах привык к злу, он от него отстанет от страха – только сильного страха, а чаще он откажется от зла только после своей смерти.

Таких людей, которые, признав свою неправоту, станут действовать правильно, я не видал.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СЛОВО

(ПО СОКРАТУ)

Это слова Сократа, переданные нам Ксенофонтом и записанные им в книге первой «Воспоминаний о Сократе».

Аристодем смеялся над повинующимися воле божества.

Сократ сказал:

– Эй, Аристодем, есть ли люди, которыми ты восхищаешься?

Тот ответил:

– Сколько угодно, высокочтимый учитель.

– Назови нам имена их, – сказал Сократ.

– Я восхищаюсь песнетворчеством Гомера, трагедиями Софокла, искусством перевоплощения в душевное состояние иных людей. Дивлюсь я в живописи Зевксису.

Кроме того, указал он на нескольких людей, искусство которых приобрело широкую известность.

– Если так, кто же, по-твоему, заслуживает большего восхищения, – сказал Сократ, – художник, делающий изображения, у которых есть только облик, или Создатель, сотворивший человека с живой душой и всепостигающим разумом?

– Правильно, – ответил ученик, – более достоин хвалы последний, но только тогда, когда это получается не случайно, а намеренно.

– Какие же предметы ты признаешь делом случайным и какие творениями разума? Те ли, цель и смысл существования которых неизвестны, или те, которые существуют для какой-нибудь пользы? – спросил Сократ.

– Надо полагать, что творения разума – это то, что создано с явной целью получить лучшее и полезное.

– Хорошо. Если так, то ведь ясно, что Творец человека, давая ему пять органов чувств, понимал их пользу.

Во-первых, у человека есть глаза, чтобы он видел; если бы не было глаз, то какое бы мы получали в жизни удовольствие от красоты мира?

Так как глаза слабы, то для того, чтобы их можно было открывать и закрывать, существуют веки. Для того, чтобы глаза были защищены от сора, существуют ресницы, а для того, чтобы отвести от глаз пот со лба, существуют брови. Если бы не было ушей, не слышали бы мы ни звуков, ни голосов, не получали бы наслаждения от песни и ниоткуда не могли бы получить известий; если бы нос не различал запахов, то мы не наслаждались бы ароматом и не избегали бы дурных запахов; если бы небо и язык не могли бы различать вкуса, то мы не получали бы наслаждения от приятной пищи. Разве все это не на пользу нам? Глаза и нос находятся недалеко от рта, чтобы мы могли есть и пить, видя принимаемую нами пищу и слыша ее запах. А необходимые, но извергающие отбросы другие отверстия помещены дальше от благородных органов познания, помещенных в голове. Разве это не доказательство, что все созданное неслучайно?

Аристодем подумал и поверил – и у него не осталось никакого сомнения в том, что Создатель мира создал мир с любовью и искусством.

Сократ продолжал:

– Подумай о том, что все живое боится гибели, стремится к жизни и к продолжению ее. Разве это не доказывает высшую любовь к творению, разве это не результат любви, заложенной в каждом живом организме, любви к жизни?

Сократ продолжал:

– Эй, Аристодем, что же ты думаешь, что ум только у человека? Разве организм человека не похож на прах той земли, по которой ты ходишь? Разве та влага, которая находится в твоём теле, не похожа на капли простой воды? Как же ты сам стал господином разума? «Сперва, – скажешь ты, – появилась душа, а потом пришел и разум». Только благодаря душе ты стал господином. Ты видишь этот мир, но целиком охватить его разумом не в силах. Но вот ты убеждаешься в том, что все создано целесообразно и все соответствует никогда не нарушаемой закономерности. Неужели всему этому ты будешь только удивляться, считая все это случайностью и только?

Или господином всего этого является некий неизмеримый великий разум? Если все происходит не от разума, то от чего? Каковы законы, по которым создан прекрасный мир?

Ученик ответил:

– Все, что ты говорил, верно. Итак, выяснено, что Создатель является великим разумом. Я не дерзаю оспаривать величие Творца, однако для чего это великое начало нуждается в моих молитвах?

– Эй, Аристодем, – сказал Сократ, – ты ошибаешься. Разве нужно еще доказательство того, что ты в долгу перед Создателем, который о тебе заботится?

Аристодем ответил:

– Откуда же я знаю, что он заботится обо мне?

Сократ ответил:

– Посмотри на всех животных, посмотри на себя. Животные одухотворены, но похожа ли их душа на твою? Человек, думая о настоящем и будущем, а также и о сегодняшнем дне, все проверяет чувством и умом. Животное тускло представляет настоящее, но не понимает ни прошлого, ни будущего, но и настоящее ему не дано. Сравни организм животного и организм человека. Человек опирается на ноги, растет вверх, он охватывает своим взором всю жизнь, проверяет ее, и все животные служат ему. Ведь одни животные надеются на свои ноги, другие на свои крылья, но им не дано пользоваться услугами подобных им животных. Если бы человек был создан не человеком, а животным с тем телом, которое ему дано, он был бы ничтожным, а если животному дать разум человека, то тело его не соответствовало бы разуму. Животные не могут строить города, производить инструменты, делать оружие и достигать границ искусства и познания. Не доказывает ли все это, что человек создан царем всех живых творений? Не доказательство ли это того, что Создатель полюбил человека, позаботился о нем и что человечество обязано высказывать ему свое повиновение?

Так кончил учитель.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ СЛОВО

Эй, мусульмане! Вы видите, что одни богаты, другие бедны, одни больны, другие здоровы, одни легкомысленны, другие расположены к доброте и сознательны. Люди различны. Если кто-нибудь спросит вас, отчего это происходит, то вы ответите, что это дело Творца, его воли. Считая Господа Бога безгрешным и безупречным, мы верим. Но вот оказывается, что Бог вознаграждает богатством клятвопреступников, тунеядцев, а людей, которые честно трудятся и молятся, он лишает последней возможности прокормить жену и детей, обращая их труд в ничто. Видим часто, что скромный человек болеет и унижен. Наоборот, воры, мошенники здоровы. Из двух детей одних и тех же родителей один разумен, другой глуп.

Ведь всему народу сказано: будьте справедливыми и честными; всему народу показан правильный путь. Сказано, что праведные возвысятся, а нечестные получают муку. Однако сам Создатель как будто одних ведет к добру, других – ко злу. Разве все это соответствует безупречности и безгрешности, справедливости Господа Бога? И народ, и имущество народа – все в руках Бога. Что ж можно сказать о его делах? Вы скажете, что он делает то, что хочет. Если так скажете, то вы его самого тем самым отменяете. Это ваше слово будет обозначать, что Господь Бог безупречен, что недостатков у него много, но говорить об этом не хватает смелости. Оказывается, что Бог сам заставляет все делать так, как это делают. Из-за чего же обижаться одному существу на другое существо, делает кто-нибудь для них добро или делает кто-нибудь зло? Не делается ли это все по божьему велению? Но Бог говорит, что каждому разумному человеку вменяется в обязанность иметь благочестие и каждому, имеющему благочестие, вменяется в обязанность повиновение. Правое дело не должно бояться проверки разума. Если мы не будем иметь свободный разум, то как понять божественное слово, что разумному человеку вменяется в обязанность иметь истинное благочестие? Куда денется сказанное Богом: познающий меня узнает меня только разумом?

Нет, лучше, очевидно, понять так: Бог – творец добра и зла, но не он заставляет их совершать. Создатель болезни – Господь

Бог, но не он заставляет болеть. Бог создал богатство и бедность, но не Бог сделал тебя бедным или богатым. Если ты так поймешь веру, то это еще на что-то похоже, иначе все пусто.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Есть хорошие казахские пословицы, но есть и такие, которые ниже не только божеской, но и человеческой справедливости.

Например, говорят: «Если ты беден, то будь бессовестен», «Если ты потерял совесть, то пусть будет проклята твоя жизнь!».

Разве можно сказать, что бедный человек должен быть бессовестным? Ведь то, что человек зарабатывает себе на жизнь трудом, это не постыдное дело. Наоборот, то, что человек трудится, а не попрошайничает и не сидит сложа руки, это его возвышает.

Другие пословицы говорят: «Если поджигать с умением, то и снег загорится», «Если умело попросить, то нет ничего, чего бы не отдали».

Это неразумное слово достойно божеской кары. Чем проводить жизнь в унижении и искать способов «зажигать снег», надо искать богатства либо у земли, либо от работы своей.

Есть пословица: «Если безвестен, то подожги степь». Но какая польза от славы поджигателя?

Говорят также: «Чем сто дней быть мерином, лучше один день быть жеребцом». Но к чему такое однодневное счастье одержимого, одурманенного страстью животного?

Есть пословица: «Увидав золото, покинет путь истинный даже ангел». Да покарает вас за эти слова ангел. К чему ему золото?

Еще говорят, оправдывая алчность: «Богатство слаще отца и матери». Нет правды и в другой пословице: «Душа слаще золотого дома». Что сладкого может быть в душе негодяя, который меняет родителей на богатство? Разве не бессовестно собираться продать своих родителей? Они мучились, приобретали, думали, что все нажитое достанется детям. Если ты готов продать родителей за богатство, то разве ты не враг всего живого?

Нужно быть осторожным, повторяя пословицы, созданные невежеством.

ТРИДЦАТОЕ СЛОВО

Много у нас болтливое хвастовство – езды на сороках. К чему это трескучее хвастовство и на что оно годится? Нет у хвастунов ни совести, ни досады, ни мысли серьезной, ни дум горьких, ни решимости, ни храбрости, ни человечности, ни совестливости. Они клянутся, споря: «Не будет моя голова приторочена к чужому седлу. Разве чужой меня кормит или дарил мне дойный скот? Ничего я не пожалею – душу свою отправлю к черту. Лучше умереть, но не сдаться». «Все равно, – говорят хвастуны, – смерть одна».

Видели ли вы казаха, который бы выдерживал смысл такого слова? Нет, все только кричат, что смерть им не страшна, и тычут пальцем на свой маленький кадык и клянутся, что они сейчас зарежутся.

Если бы я встретил человека, который на самом деле зарезался хотя бы за глупое свое слово, то я бы начал считаться с этим хвастовством. Но я слышу один только грохот. Хвастается человек, чтобы говорили о нем: «Не трогайте его – он забияка».

О господи, да разве вы не знаете приметы по-настоящему отважных людей? Разве так дают они клятвы?

Кругом одни пустозвоны, болтуны. Говорят про них в народе: «Бесстыжому – болтливый язык подмога».

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЛОВО

Для того чтобы усвоить то, что ты слышишь, надо соблюдать четыре правила.

Во-первых, сосредоточь целиком все свое внимание.

Во-вторых, когда услышишь что-нибудь необходимое, увлекись им, вникай в сущность предмета.

В-третьих, повторно продумывай про себя то, что услышал.

В-четвертых, отгоняй от себя мысль о других бесполезных вещах.

Отведи от себя беспечность, распущенность, ребячливую рассеянность, потому что эти свойства разметут и уничтожат все, что ты собрал для достижения знания.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО

Тем, которые хотят познать науку, необходимо помнить, что для этого надо выполнить несколько условий. Тот, кто забудет о них, не достигнет цели.

Не нужно учиться, рассчитывая воспользоваться наукой для того, для сего, думая, что она принесет сразу выгоды.

Если страстно полюбишь науку и само знание будешь считать подарком, то оно даст тебе высшее блаженство. Стремись к знаниям, стремись к ним страстно. Тогда то, что ты видел или слышал, будет хорошо усвоено и ты в ясных словах и образахкрепишь в себе это сознание.

Если же твои чувства будут обращены к другим вещам, то и науку ты будешь изучать только ради этих вещей. Это отношение будет похоже на отношение мачехи к пасынку. Науку же надо любить, как мать любит своего сына.

Во-вторых, если человек стремится к знанию, то знания приобретаются им сравнительно легко. Но в этом деле необходима искренность. У познания должна быть благородная цель. Не приобретай знаний для того, чтобы хвастаться или спорить. Споры порождают зависть; унижают достоинство человека.

Целью спора часто является не истина, а победа над другим человеком. Человек, который переспорил сотню людей и сбил их с правильного пути, бесконечно ниже человека, который направил на путь правды одного человека. Спор необходим в науке, но увлекаться спором нельзя.

Избегай спеси, гордости, зависти, которые встречаются и среди ученых.

В-третьих, если достигнешь истины, то не отступай от нее даже под угрозой смерти.

Если твоя истина не овладеет тобой целиком, хотя ты уверен в ней, то для кого же другого она может быть ценной? Как ты можешь желать от других уважения к тому, чему сам не служишь преданно?

В-четвертых, для повышения знания есть два способа: человек должен развивать способность мыслить, человек должен развивать свое воображение. Без мысли и воображения наука не может развиваться.

В-пятых, избегай беспечности. Беспечность – враг Бога и народа. Легкомысленная беспечность несовместима с занятием наукой.

В-шестых, развивай характер. Характер – это сосуд, который вмещает и науку, и разум. Если ты будешь легкомыслен, легковерен, если ты будешь увлекаться пустыми забавами, то характер твой испортится, ослабнет. После этого нечего и учиться, потому что все равно пользы не будет. Зачем собирать что-нибудь, если у тебя нет хранилища?

Воспитай волю – это броня, сохраняющая разум. Не стремись к забавам и похвальбам. Пусть все будет у тебя служить разуму и чести.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО

Необходимо учиться ремеслу.

Скот погибает от джута, а ремесло всегда остается в руках, и ремесленник, продающий без обмана то, что он сделал своими руками, – лучший из казахов.

Однако у казахов-ремесленников есть свои пороки.

Во-первых, они не ищут на стороне лучших мастеров, не идут к ним, чтобы перенять их опыт и, переняв, обогнать их уменьем. Они довольствуются тем, что умеют делать, и, следуя вековой привычке казахов, спешат завалиться набок.

Во-вторых, они работают лениво. Если заработает ремесленник две-три головы скота, то ему кажется, что он уже разбогател. Он думает: «Вот и у меня есть стада», – и начинает предаваться лени, беспечности и франтовству.

В-третьих, если скажут ремесленнику: «Ты великий мастер и человек большой души», или же: «Братец, что стоит тебе сделать для меня», – то мастер думает, что люди от него зависят, он гордится, поддается лести и начинает понапрасну тратить свое время на льстецов.

В-четвертых, любит казах-ремесленник проводить время с приятелями. Пройдоха, который льстит ему, давая работу, и предлагает свою дружбу, дарит мастеру какой-нибудь пустяк, задабривает его и обманывает.

Мастер чувствует себя в числе важных людей. Он старается изо всех сил, работает, не замечает, что его кругом обманывают. Он вкладывает в работу свой материал, урывает от себя, забывает об одежде, о долгах, а люди наживаются на нем, перепродают то, что он сделал, – и так запутываются дела людей. Ремесленники берут в долг чужой скот и отдают его, чтобы расплатиться со старыми долгами. Мастер теряет свое человеческое достоинство и обращается в ничто.

Отчего это получается так, что многие, будучи сами не дураками, так легко поддаются обману?

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Все люди знают, что они смертны, что смерть не всегда приходит только к старикам и что взятого однажды она никогда не возвращает. Верит этому и казах, но верит поневоле, не поняв всего до конца. Верит он и тому, что мир создан единым Богом, что будет суд на том свете, что добро будет награждено, зло наказано и что это наказание и награда не будут походить на наши мирские дела. Бог покажет истинное милосердие и накажет зло бесконечной карой.

Казах всему этому верит неглубоко. Он верит смутно, и кто его наставит на истинный путь?

Я думаю, что нельзя назвать казахов истинными мусульманами.

Земные дела держат их, и не может быть в одной душе двух радостей, двух страстей, двух противоположных желаний. Не могут быть в душе человека два начала, глубоко им владеющих одновременно. Если так, то когда у человека земная забота и земная радость более владеет им, чем забота о том свете, то такой человек не мусульманин.

Теперь же решай сам, есть ли среди казахов мусульмане. Если встретятся казаху две вещи – одна из них будет нужна для земной жизни, а другая для будущей, – скажи, которую он возьмет, не тронув другой? Ты знаешь, что он возьмет земную радость, а вторую оставит, полагая, что приберет ее при следую-

щей встрече. Ты думаешь, что Господь Бог простит его, а он не упустит случая. Но если после этого человек клянется в вере, разве не понятно, что он уж променял потусторонний мир на радость этого мира?

Думай о высшем.

Человеку человечество друг. Это потому, что твое рождение, воспитание, нужда, несчастье – вся твоя природа, место, откуда ты взялся и куда ты должен идти, вся твоя судьба одинакова с судьбой всех остальных людей.

Твоя смерть, твое сокрытие в земле, гниение твоего тела, допрос, который тебе произведут на Страшном суде, твой будущий страх за преступления этого света, наслаждение прелестями и этого, и другого мира – все это общее с другими людьми.

Ты вместе с другими людьми – гость земной жизни. Люди, вы друг у друга в гостях. Так зачем тебе враждовать невежественно с чужой мудростью, завидовать чужому счастью, зачем тебе просить у Бога, чтоб он для тебя достал что-нибудь у другого?

К лицу ли высшему существу, чтобы он ради кого-нибудь обижал другого человека?

Люди, не умеющие связать двух слов, все-таки настаивают на своем. Что за тяжбу с судьбой ведешь ты, не имея на то основания, и что ты сам за человек?

ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

Говорят, что в день Страшного суда построят в один ряд ходжей, мулл, суфиев, мурз, сеидов. Те, которые стали муллами, ходжами, суфиями, мурзами, сеидами только для того, чтобы здесь, на земле, получить почет и уважение и благо, – те будут стоять отдельно. А те, которые получили эти звания, чтобы быть угодными Богу, – станут отдельно.

Первым Бог скажет: «Вы в жизни земной искусно добивались того, чтобы вас называли «уважаемый ходжа», «уважаемый мулла», «уважаемый сеид», «уважаемый мурза». Но здесь нет вежливости. Ваша счастливая жизнь кончилась, и с ней погибли ваши звания. Слушайте же не слова уважения, а вопросы

правды. Я вам дал жизнь. На что вы ее истратили? Вы прикрывались заботой о будущей жизни. На самом же деле всю вашу жизнь вы посвятили обману».

После этого Творец обратится к другим людям, которые употребили жизнь не для своего удовольствия, а стараясь угодить Богу:

«Вы потратили свою жизнь и свое состояние, чтоб угодить мне. Я вами доволен. Для вас у меня есть почет и место. Если вы здесь, на суде, имеете друзей, которые хоть и не сделали того, что сделали вы, но сочувствовали вам, желали вам удачи, укажите мне их, и я окажу им милость».

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО

В священных изречениях пророка, благословенного Богом Мухаммеда сказано: «У кого нет стыда, у того отсутствует и вера».

Поговорка наших казахов говорит то же самое: «У кого стыд – у того вера».

Если это так, то выясним, что собой представляет стыд.

Есть стыд, вызываемый невежеством. Он похож на смущение ребенка, который не решается вымолвить слово перед взрослым. Это ложный стыд. Стыдиться того, чего не следует стыдиться, – это следствие невежества.

Настоящий стыд удерживает от поступков, идущих против закона или противоречащих здравому смыслу.

Такой род стыда можно также разделить на два вида: при первом стыде ты не совершал сам постыдный поступок, но стыдишься за другого человека. Это происходит как бы от жалости к нему за то, что он поступает неправильно. Этот стыд похож на сострадание. Он охватывает тебя целиком и заставляет краснеть.

Другой вид стыда зарождается тогда, когда ты совершил поступок против закона или совершил нечто бесчестное по неведению или по своей злой прихоти.

Пусть такой поступок останется не замеченным другими людьми.

Но он тревожит твою совесть, и совесть тебя пытается твоим самоосуждением. Человек не находит себе покоя, не смеет посмотреть прямо.

Люди перестают есть, спать, иногда даже лишают себя жизни. Трудно человеку, которого застигли мучения совести. Ему некогда утирать слезы из глаз и жижу, текущую из носа. Он становится подобным псу. Он не только не может посмотреть в глаза окружающим, но вообще ничего не видит.

Если ты видишь человека, дошедшего до такого состояния, и не пожалеешь его или постарайшься сделать, чтобы ему стало еще больнее, то ты сам лишен человеческой совести.

Но люди, которых я вижу вокруг себя, не стыдятся и даже не краснеют. Много, если они скажут: «Но ведь я же говорил, что виноват. Что же еще надо?» Или так скажут: «Ну, хорошо, я опозорился, но ведь и ты поступил бы точно так же на моем месте». Или скажут: «Да вот такой-то да еще такой – все они совершили такие же дела, но продолжают ходить по земле как ни в чем не бывало... А мой поступок по сравнению с их делами, можно даже сказать – и не грех, и у меня к тому же были основания так делать».

Так нахально оправдываются они, если пытаешься их усовестить.

Что можно сказать про таких людей? Имеют ли они совесть, если можно вообще говорить об их совести? Ведь их дела противоречат делам пророка и правилам сердца.

Можно ли сказать про них, что у них есть совесть?

С 1-го по 36-е слово перевод В. ШКЛОВСКОГО

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СЛОВО

1. Достоинство человека определяется тем, каким путем он идет к цели, а не тем, достигнет ли он ее.

2. Как ни прекрасна мысль, но, пройдя через уста, она бледнеет.

3. Сказав мудрое слово себялюбивому невежде, ты можешь на этом или успокоиться, или начать досадовать.

4. Помогай достойному; поможешь человеку пустому – только себе повредишь.

5. Сын, почитающий лишь своего отца, – недруг народу, сын народа – и твой друг.

6. Достойный просит многого, довольствуется малым. Пустой просит мало, а дашь ему больше, он все равно будет недоволен.

7. Трудящийся только для себя – уподобляется скоту, набивающему брюхо.

Достойный трудится для человечества.

8. Кто дал Сократу яд, кто сжег Жанну д'Арк, кто распял Христа и заставил Мухаммеда прятаться от преследований в трупе верблюда? Толпа. Значит, толпа глупа. Умей направить ее.

9. Человек – дитя своего времени. Но если ты дурен, не обвиняй в этом своих современников.

10. Если б в моих руках была власть, я отрезал бы язык всякому, кто говорит, что человек неисправим.

11. Одинокий человек – мертвый человек. Горе его окружает. Однако мир заполняют не только беды, но и развлечения. Кто перенесет первое? Кто проживет без второго?

12. Кто не испытывал зла? Теряет надежду лишь безвольный. Ведь истина, что в мире нет ничего постоянного, – значит, и зло не вечно. Разве после суровой, многовьюжной зимы не приходит весна – цветущая, многоводная, прекрасная?

13. Кричащий в гневе – смешон, молчащий в гневе – страшен.

14. Успех и счастье пьянят человека: из тысячи лишь один в счастье сохранит настолько разума, чтобы не предстать перед людьми нагим.

15. Если хочешь, чтобы дело ладилось, – сумей за него взяться.

16. Слава – высокая скала. И змея забирается на нее ползком, и сокол достигает ее единым взмахом крыла.

17. Мир – океан. Время, как ветер, гонит волны поколений, сменяющих друг друга. Они исчезают, а океан кажется все тем же.

18. Простолудин, прославленный за ум, выше царя, увенчанного счастьем. Юноша, продающий свой труд, достойнее старика, торгующего своей бородой.

19. Бойся не черта, а жадного попрошайку. Лентяй всегда ханжа и лицемер.

20. Плохой друг как тень: в солнечный день беги – не убежишь, в пасмурный день ищи – не сыщешь.

21. Доверяйся тому, кто замкнут, но дружи с тем, кто общителен. Остерегайся беспечного, но будь опорой опечаленному.

22. Гнев без воли – вдовец, ум без печали – вдовец, ученый без последователей – вдовец, а любовь без верности – вдова.

23. Пока тебя не вознесло счастье, добра тебе желают все кругом. Но возвысило тебя счастье – доброжелатель твой лишь ты сам.

Перевод Л. СОВОЛЕВА

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ СЛОВО

О дети, утешение моего сердца! Все, что я написал о человеческом характере и жизни, оставляю вам на память. Прочтите эти строки без равнодушия, и вы проникнетесь ко мне любовью. Стремление к истине и постижение ее рождаются высоким сознанием; сознание же человека определяется его человечностью, умом и интересом к науке. Появлению этих качеств, прежде всего, способствуют непорочность чувств и крепость тела, которые даются человеку от рождения, а развитие их зависит только от честных друзей, от мудрых наставников.

Но дети не сами идут в школу, не своей охотой овладевают знаниями: на первых порах их приходится либо принуждать, либо привлекать к этому хитростью. И если, постепенно привыкнув к учебе, дети тянутся к ней уже по доброй воле, если у них появилась жажда познания, – лишь в этом случае можно сказать, что они стали людьми. Теперь можно уже надеяться, что они овладеют наукой и используют ее для блага людей; научатся отличать добро от зла, сомнительное от достоверного, подлинное от поддельного; познают Аллаха, самих себя и мир.

Однако в большинстве случаев дети остаются недоучками, а то и вовсе невеждами. Причиной всему – насилие со стороны родителей и мулл, которое убивает в детях искренность. Эта потеря оборачивается тяжелейшим несчастьем. Не бывает толку

от учебы этих людей, ибо у них уже все неискренне: и стремление к наукам, и отношение к наставникам, и даже вера в святое учение – иман. Воспитать их полноценными людьми почти невозможно, потому что Аллах – это «путь истины», а истина и правда несовместимы с насилием. Разве придет к тебе друг, которому ты передал приглашение через его врага? Когда в душе человека нет любви к Аллаху, то нет и веры в него.

Тем не менее человечество живет, уповая на будущее, оно надеется на лучших сынов, а не на злодеев, на ученых, а не на невежд.

Каковы же пути познания истины и правды?

Человек овладевает науками и знаниями тогда, когда всем своим существом стремится к истине и правде, пытается понять самую суть явлений. Разум и вера двигают им, ибо истина от земли, и он идет к ней разумом, а правда от Аллаха, и он принимает ее на веру.

Издревле существует понятие «наука». Наука представляется людям не как что-то сверхъестественное и отвлеченное, а как существующее для блага человечества. Не ради Аллаха, а для себя. Поэтому наука¹ оборачивается для каждого человека неповторимостью каждой отдельной науки и увлекает его. Где-то здесь рождается чистота отношения человека к науке, которая в то же время выражает отношение его и к Аллаху, ибо наука – это одно из проявлений могущества Всевышнего, одно из его свойств.

Человек, идущий в науку ради богатства, славы и почета, никогда не поймет ее сущности. Больше того, когда человек преследует корыстные цели, он теряет человеческий облик. И наоборот, человек становится сильнее, когда и богатство, и слава, и признание приходят к нему сами, как результат упорного труда.

Повторяю, мои слова обращены к тем, кто дорожит честью, кто любит истину и хочет знать правду.

Приверженцы ислама должны признать непреложную истину своей веры. Это высшая ступень веры, и она не достигается

¹ Абай имеет в виду совокупность наук на стадии их синкретизма – представления, характерного для общественной мысли Востока до конца XIX века. (Прим. переводчика)

простым воздаянием молитвы Аллаху. Ты, как и все мусульмане, можешь верить, что Аллах един и нет ему равного, что Коран состоит из его священных наизиданий, а пророк Мухаммед – его посланник на земле, но все это ничего не даст тебе, ибо истоки чистой истины лежат в другом. Чтобы понять, в чем именно, следует уяснить, ради чего существует твоя вера? Ты веришь ради Аллаха или для собственного успокоения? Аллах не страдает, не станет менее величественным, если ты, скажем, перестанешь молиться, но и тебе не будет успокоения, если ты считаешь вседержца просто потому, что он велик. В своей вере ты должен видеть для себя спасение, только тогда она принесет тебе пользу.

Итак, ты веришь в Аллаха и преклоняешься перед ним. Но он многолик, и ты, следовательно, преклоняешься перед всеми его именами и каждым проявлением его своеобразия. Имена Аллаха суть названия его чудотворных дел, надо знать об этом. Потом нужно постичь, что означает восемь его божественных качеств. И если ты назвался правоверным и считаешь себя рабом Всевышнего, если ты уверен в своей преданности ему, то своими намерениями, замыслами и делами старайся быть похожим на него. Не падай духом, считая по невежеству своему, что это невозможно, ибо точное воспроизведение его дел действительно немислимо. Разве можно человеку быть Всеведущим, Всемогущим, Жизнью, Зоркостью, Чуткостью, Волей, Речью и Созидателем! А все это – проявления Аллаха, его имена. Видимо, достаточно хотя бы подражать ему.

Создатель наделил человека восемью качествами, подобными своим, хотя и менее сильными. И если бы мы использовали этот великий дар не в угоду Аллаху, мы не могли бы называться мусульманами. Но где пути истинного подражания Аллаху и его великим делам?

Природа Аллаха такова, что она не нуждается в моем описании, пишу же я потому, что в уяснении указанных восьми качеств, или сил, нуждается наш разум. Мы познаем Аллаха по мере его проявления, познать его самого невозможно. Даже тайна созидания недоступна мудрейшим из людей, не говоря уже о природе Аллаха. Аллах бесконечен, человеческий разум ограничен. Разве возможно предельным измерить бесконечное?

Мы говорим: Аллах един и он во всем. Нам кажется, что в этих словах кроется большая тайна, мы слышим в них какую-то

неземную значимость, хотя совершенно ясно, что, например, слово «един» никак не выражает великую сущность Всевышнего. Наверное, когда-то это слово оказалось пределом возможностей нашего разума, его потолком. Кстати, ученые и сейчас форму существования любого тела в совокупно возможных его видах фиксируют словом «един».

Бытие существует во Вселенной, Вселенная существует в Аллахе, а Аллах, как написал Мухаммед в священной книге – хадисе, проявляется в восьми своих основных проявлениях и девяноста девяти качествах. В хадисе пророк Мухаммед не разъясняет своеобразия отдельных назиданий Аллаха, и сейчас они читаются людьми по-разному. Я хочу пояснить в своем слове некоторые свойства Всевышнего и связь их с жизнью людей или, вернее будет сказать, границы между Аллахом и людьми.

Поскольку сама жизнь – это непреложная истина, то значит, существует и сила, которая ведет человека к определенной, им самим избираемой цели. Человек спешит что-то совершить в своей жизни, старается чего-то достигнуть, одержать победу в каждом своем стремлении. Да разве найдется человек, который желал бы себе поражения или смерти? Нет. Следовательно, человека по жизни ведет воля. Та воля, которая является маленьким подобием Воли – одного из проявлений Аллаха. Та воля, которая является маленьким подобием Воли – одного человека, поскольку мы говорим о людях, почитающих Аллаха. И если Воля, точно так же как Наука, есть одно из проявлений Аллаха, иными словами, если и Воля, и Наука являются свойствами одного и того же великого Создателя и если все восемь божественных качеств дарованы людям, то нельзя ли говорить о человеке, в котором одновременно могут проявляться два любых его качества, абсолютно преобладая над остальными? Нельзя ли утверждать, исходя из принятого нами условия, что в любом человеке могут соединиться воля и наука? И если да, то не будет ли это означать могущество человека, вернее, могущество его знаний? Нам известно, что есть ученые и есть мыслители. Не каждый ученый может подняться до уровня мыслителя, но каждый мыслитель – ученый. Значит, можно говорить о мыслителе, обладающем глубокими познаниями в области многих наук. И значит, можно утверждать, что Аллах всезнающ, если

его мудрость, как мы отмечали, недоступна даже мудрейшим из людей. И я позволю себе заметить, что смертные в состоянии овладеть могуществом знаний, но силой всезнания обладает только Аллах. Вот в чем его величие, и оно, пусть недостаточно полно, но все-таки верно выражено нашими предками – Аллах един и он во всем. Эти слова ясны и ученому, и невежде.

Наука идет к людям через слово, слово становится понятным через звуки или знаки. На этом основаны следующие три свойства Аллаха: Речь, Зоркость и Чуткость.

Можно ли поверить, что Всевышнему так уж необходимо проявлять себя Речью, Зоркостью и Чуткостью? Думаю, что нет. Если человек удан язык, чтобы он имел возможность общаться с окружающими, глаза, чтобы он видел мир, уши, чтобы слышал звуки, то это тоже не означает тождества их с Речью, Зоркостью и Чуткостью. Я не говорю о масштабах. Я просто констатирую: Аллах – это внимающий, который слушает, и взирающий, который видит, но ни одно из созданий его, в том числе и человек, не может этого постичь. Он говорит словами, но у него нет органа, подобного органам речи человека. Он не сотворил слово – произнес его, и слово это дошло до слуха людей. Аллах видит и слышит совершенно по-другому, совсем не так, как человек. Он просто «Всесведущ знаниями своими». Он сама добродетель, и добивается, чтобы люди подражали ему. Как не вспомнить тут о предельности человеческого разума и бесконечности Аллаха? Нетрудно догадаться, что упомянутые три божественных качества даны смертным для накопления разума, ибо разумом держится самое главное на земле – созидание.

В чем же заключается второе главное свойство Аллаха – Всемогущество?

В Коране написано: «Аллах вечен... Он единственный в своем роде, и нет при нем ничего, он существует вне пространства, и он создал все посредством своей силы...»

Священный хадис определяет созидание как одно из восьми основных проявлений Аллаха. Согласиться с этим утверждением значило бы, что мы считаем созидание таким же древним, как и сам Аллах, и вечным, ибо Аллах никогда не избудет. Но если Всевышний не в силах освободиться от него, то оно будет означать уже его безволие, а природа Аллаха несовместима с подобным явлением.

О Создателе нужно судить по сотворенному им миру.

Он сотворил мир удивительно упорядоченным, где любое живое или неживое тело связано с другими, где одно движение вызывает ответное. Мы видим этот мир и любимся им, принимая его всей душой, и в его существовании и устроенности признаем мудрость всезнающего и силу всемогущего Аллаха. Эти два свойства Аллаха – всемогущество и всезнание, следовательно, тоже должны быть равноценны. Не может быть такого, чтобы одно из них оказалось ведущим, а другое ведомым, иначе все восемь свойств Аллаха, соединяясь между собой в любом количестве и сочетании, приведут мир к хаосу. Созидание, безусловно, является одной из сил, составляющих могущество Аллаха. По всей вероятности, величие Аллаха потому и безгранично, что знания его безошибочны, а сила – неуязвима. А это вытекает из нашего предположения, что созидание руководимо могуществом и подчинено ему.

Этим исчерпывается мое доказательство того, что Аллах всеведущ знаниями своими и всемогущ своею силой, а остальные его шесть свойств являются как бы вспомогательными для двух названных проявлений.

Но не это главное, что заставило меня писать об Аллахе. Я начал это слово выражением: «О дети, утешение моего сердца!..» Я хочу писать о мире людей.

Когда видишь человека в этом сотворенном Богом мире, где он полагается на ум и волю, на силу своего тела, когда видишь его борьбу за жизнь, его неуспокоенность, то почему-то думаешь о Всевышнем как о существе, подобном человеку. О Всевышнем, который, наделив людей восемью божественными качествами, спокойно взирает на то, как в этом его царстве люди по-разному ищут истину и воспринимают земные блага, не с одинаковым рвением творят молитвы и ищут пути спасения. Почему выделяются люди, которым как будто известно все, что уготовано им и на том, и на этом свете? Почему их становится все больше и мы видим уже целые толпы?

Наверное, грешно так говорить, зная, что человек обладает лишь волей, а Создатель недоступен его разуму. Зная, что человек посредством своей воли овладевает частицей науки, и она подобна капле из океана знаний, являющегося божьим достоя-

нием. Зная, что Аллах не только всемогущ и всеведущ, но и милосерден. И хотя милосердие Создателя не упоминается среди его восьми основных свойств, но оно достаточно ясно выражено такими эпитетами, применяемыми к нему, как Всемиловитый, Отзывчивый, Всепрощающий, Любящий, Защищающий, Покровительствующий, Благодетельствующий, Дарующий, Указующий, Непогрешимый.

Можно бы сказать, что самый смысл определений говорит в пользу моего довода. Но это было бы традиционным доказательством, а милосердие Аллаха, как мне кажется, требует логического обоснования.

Мир удивителен. Неживое тело не чувствует боли, а животные поддерживают жизнь уже разумных существ – людей. Животные не будут держать ответа на страшном суде, а человек должен отвечать за свои поступки.

Творец поставил человека на две ноги, чтобы он был высок, установил голову на плечах, чтобы он мог видеть далеко, дал две руки для труда. Человек не наклоняется, как животное, к пище, а подносит ее ко рту рукой. Ему даны нос, чтобы чувствовать запах еды, и глаза, чтобы видеть ее чистоту. Глаза от соринки оберегаются веками, веки продолжены ресницами, но и они бессильны против пота, стекающего со лба, и потому человек имеет брови. Лицо человека красиво. Аллах призвал людей к общему труду, и поэтому одному дал ум, другому – красноречие, третьему – волю.

Разве не чувствуется во всем этом любовь Создателя к человеку? И разве не долг человека отвечать на эту любовь взаимностью?

Приглядитесь и вдумайтесь.

Солнце нагревает землю, заставляет испаряться реки, моря и океаны; испарения образуют тучи и возвращаются на землю благодатным дождем. Земля покрывается зеленью и расцветает цветами, ласкающими глаз. Наливается соком сахарный тростник, созревают плоды, разрастаются деревья, укрывая птиц и зверей. Рождаются ключи, образуются новые реки или разливаются старые, и вода течет в озера, моря и океаны. Вода утоляет жажду всего живого, в глубинах ее размножается рыба. Солнце греет землю...

И весь этот мир предназначен для людей. Земля одаривает их хлебом, фруктами, хлопком, кендырем и другими богатствами; птицы дают им пух, мясо и яйца; животные – мясо, шерсть, шкуру и силу; водоемы – рыбу, а рыба – икру. Даже пчелы трудятся для людей, собирая мед и воск, а черви прядут шелк. Цветы умиротворяют людей своим ароматом.

Ничто из этих богатств не служит самому Аллаху, ибо он властелин мира и ни в чем не нуждается.

Миллионы хитроумных машин и тысячи фабрик тоже созданы для блага человечества.

Разве не видна во всем этом любовь Аллаха к людям? И разве не долг человека отвечать на такую любовь взаимностью?

Всевышний не допустил того, чтобы люди из-за ненасытности своей уничтожали всех животных и тем самым принесли вред будущим поколениям. Он сделал так, что люди оберегают животных своей жадностью, а зверям и птицам для спасения дал силу, быстрые ноги и стремительные крылья.

И теперь одни животные селятся на неприступных скалах, другие живут в темной глубине вод, третьи хоронятся в густой чащобе леса. И все они стремятся к размножению и наделены неистребимым инстинктом защиты своих детенышей. Нет, Всевышний не сделал людей полновластными хозяевами земли, он лишь позаботился о том, чтобы не переводилась их пища и не могла прекратиться жизнь. Великая справедливость стоит за всеми этими удивительными свершениями Всевышнего.

Итак, всемогущий Аллах всеведущ, справедлив и милосерден.

И мы, как правоверные, во всем следуя Аллаху, должны бы обладать и тремя аналогичными силами: знаниями, честностью и состраданием. То есть мы обязаны были поставить себе целью овладеть науками, постоянно думать о своем человеческом достоинстве и, творя добро людям, стремиться стать истинными мусульманами.

Но всегда ли наши поступки справедливы и ясны? Нет. Мы предали забвению эти божественные качества нашей веры. Каждый почему-то хочет, чтобы другие были справедливы к нему и делали ему добро, но сам он не делает этого. Это ли не глумление над верой?

Люди сбились с пути, указанного Всевышним. Священные слова пророка: «Подумай о величии Аллаха» и «Воистину Аллах любит справедливых людей» – никем не принимаются с должной искренностью и надлежащим знанием.

Благочестия полны аяты – стихи Корана, но люди забывают об этом. Вот что говорит Коран: «Совершайте добрые дела и призывайте к этому других, ибо Аллах любит людей, склонных к благодеянию». И дальше: «Есть люди, которые верят в Аллаха и совершают добрые дела. Им навечно уготовано место в раю».

Разве не верны требования Корана? Поскольку Аллах с любовью сотворил тебя и окружающий мир, то и твоя любовь к Аллаху должна быть деятельной. Ты обязан быть честным.

Следующий аят гласит: «Но есть такие люди, которые, веря в Аллаха, совершают добрые дела лишь потому, что знают: Аллах не прощает злодеев».

Понятно, что поступки подобных мусульман противоречат сущности благодеяния, хотя и будут называться добрыми. У этих людей отсутствует совесть. Великий пророк Мухаммед, да воздаст ему Аллах мудрости сполна, писал: «У кого нет совести, у того нет и веры». И здесь мы еще раз убеждаемся, что настоящая вера достигается не простым воздаянием молитвы. Изнурять тело молитвами и постами, может быть, и необходимо, но истоками истинной веры, безусловно, являются сознательность, честность и сострадание.

Маленький пример. Если человек, не отделяющий себя от народа, желает дружбы своего народа с другими, то уже это одно говорит о нем как о сознательном и честном человеке. Разве его мысль не начало благодеяния? И разве этот человек не чист перед Аллахом тем, что желает людям добра? А чистое намерение – снова веры, и ею надо дорожить. Как говорил суфий Аллаяр, бывает одна особенная истина, которую ставишь выше ста других. Так и вера должна быть для людей превыше всего.

Мы пришли к выводу, что истинно верующий должен обладать тремя качествами: знаниями, честностью и состраданием. Вера зовет его к слиянию с Аллахом, и он стремится к всеведению, справедливости и милосердию. К чему же, в конце концов, ведут эти три силы? В чем совершенство человеческого развития? В каких формах предстанет совершенство? Это основа неизмеримого и высшего, это истина, разум и благо.

Достижимы ли они? Да. Все три силы, ведущие к ним, заложены Аллахом в каждом человеке. В разной степени, разумеется. Но развитие этих сил или свойств зависит уже от самого человека. Совершенство каждого из свойств и гармоничное сочетание их достигается усердием и преданностью. Преданностью науке, вере, жизни.

Обладателями трех божественных сил, прежде всего, были и есть пророки, потом аулие – святые праведники, потом ученые богословы, а за ними уже истинные мусульмане.

Праведники первыми после пророков прониклись любовью к Всевышнему и привили это чувство людям.

Но и пророки, и праведники отреклись от земных благ и думали лишь о загробной жизни. У них и мысли не было об имуществе или хлебе насущном. Только такой путь, считали они, ведет людей к духовному совершенству.

Ученые же, наоборот, во все времена заботились о земных благах, ибо без религии, науки и ремесла, полагали они, невозможно достичь гармонии в жизни.

Можно сказать, что пророки и ученые стремились, в сущности, к одному, хотя и разными путями. Мне кажется, что обе эти группы, следуя своим идеалам, в известной степени принесли себя в жертву.

Во-первых, если бы человечество стало на путь веры и отреклось от земных благ, то мир пришел бы в немыслимое запустение.

Кто бы тогда пас скот, шил одежду и сеял хлеб? Кто бы боролся с иноверцами? Кто бы искал и осваивал богатства недр?

Не говоря даже о прегрешениях и проступках, не угодных Аллаху, уже один отказ от земных даров был бы неразумен и неблагоприятен, ибо Всевышний сотворил их именно для счастья людей. Подобный шаг, наверное, был бы даже преступным перед жизнью.

Во-вторых, последователи пророков рисковали бы и вовсе сгинуть с лица земли. Под гнетом иноверцев (а они наверняка были бы завоеваны) самые нетерпеливые были бы истреблены, а терпеливые превратились бы в покорных рабов. Где же тут духовное совершенство?

Может быть, этот путь не для всех мусульман? Но о какой правде может идти тогда речь? Если правда существует не для всех, а для какой-то части народа, то это не божья правда. Народ, который не имеет великой цели или общей правды, духовно мертв. А там, где нет жизни, не может быть и совершенства.

Но, оказывается, не все святые отрелись от земных благ. Трое из сопровождавших пророка святых – Габдурахман ибн Гауф, Сагид ибн Абудкас и хазрет Гусман – были известными богачами. В чем же дело? Причиной аскетизма святых, как мне кажется, было неверие в свои силы, возникшее из опасения, что сладости жизни ослабят их веру. Но это могло быть и своеобразным приемом, при помощи которого святые хотели заглушить в людях стремление к богатству. Святые неслыханным аскетизмом изводили себя и, должно быть, верили, что их самопожертвование послужит примером для масс. И хотя их попытка обратить усилия и помыслы мусульман к таким понятиям, как справедливость, благодеяние и преданность Аллаху, была продиктована огромной любовью к людям, они все же дошли до крайности, и путь этот оказался непрочным. Совершенства здесь могли достигнуть люди, сознательно обрекшие себя на мучительную жизнь. История показала, что редко кто отваживался на это. Тут требовались люди одержимые, твердые духом и телом, до фанатизма преданные Аллаху, обладающие упорством ученого, беззаветно любящие людей. Почти немислимое дело, чтобы средоточием всех этих качеств был один человек, и когда все же такой человек объявлялся, он оказывался пророком, гением, злодеем.

Безнравственен тот, кто считает, что любит Аллаха и потому постиг истину веры.

Во-первых, нельзя уподоблять человеческую любовь привязанности животного.

Во-вторых, даже если ты стал мудрецом или ученым богословом, это еще не значит, что ты познал Аллаха.

Между начитанностью и настоящими знаниями, по-моему, такая же разница, как между самой наукой и внешними признаками ее, когда зачастую красноречие выдается за мудрость, а энергичные, быстро соображающие люди сходят за ученых.

Аллах ничего не создал без повода, а если люди стремятся познать сущность сотворенного им мира, то эта тяга тоже определена Всевышним. От познания мира люди обращаются к постижению природы самого Аллаха, и, быть может, тогда рождается любовь к нему, ибо люди прежде всего уясняют то, что Аллах сотворил их любя и сострадая. Грешно, не поняв всего этого, уверять людей в своей любви к Аллаху.

Мудрецом или мыслителем можно назвать только того, кто своим умением, размышлениями и опытностью дошел до сознания высших духовных сил и обязательно соединяет в себе любовь и правду.

Без подобных людей мир превратился бы в хаос. На пути установления истинного и ложного, определения причинности явлений, на пути мучительного искания блага для всего человечества мыслители забывают не только веселье, но и все удобства жизни. Самые лучшие человеческие творения создаются их умом. Их дела земные, но лишь на ниве их творчества утверждаются основы загробной жизни. И если богословие и оккультные науки рождают слепую веру, то разум мыслителей сеет веру истинную, сознательную.

Но не все мудрецы являются мусульманами. Большинство их, познав природу и человеческий характер, не постигли истины веры. Одни из этих мудрецов не признают Аллаха, другие не принимают условий имана, третьи сомневаются в божественном начале восьми основных качеств человека. Однако наиболее энергичные из них нашли электричество и пути его использования, научились ловить молнию, держать связь на далеком расстоянии. Они подчинили своему разуму силу огня и воды, заставив ее работать на человека. И самое главное – они умеют направлять ум сотен людей на полезное дело. И потому мы обязаны им.

Великий пророк Мухаммед, да одарит его Аллах милостями своими, писал в священной книге: «Хороший человек тот, который приносит пользу людям». Мудрецы, по моему убеждению, из таких людей. Нынче этих мудрецов называют тоже учеными, но следует отличать их от ученых богословов.

Теперешние муллы не терпят ученых. Это выдает невежество священнослужителей, склонность их к низменным вещам.

И действительно, большинство мулл, научившись арабскому и персидскому языкам, начинают соперничать друг с другом и, движимые гордыней, мечтают лишь о том, как бы возвыситься. Для достижения своей цели они используют любое средство. Обманом и хвастовством сбивают с толку людей. Вот и судите, какая от них польза людям. Нет, муллы превратились в недоброжелателей своего народа.

Муллы, если хотят сделать для людей что-либо полезное, должны прислушиваться к словам правды. Для этого, прежде всего, надо уяснить себе, что преследование правдивого слова – позор. И не только позор, а преступление, потому что правда именуется еще истиной, а истина – это Аллах. И прежде, чем бороться против ученых, постарайся понять, против чего в их лице ты восстаешь.

Пустое себялюбие, равно как и любое другое проявление эгоизма, погубило на этом свете не одного человека. Мало поэтому стать муллой, надо стремиться быть человеком.

Великий Мухаммед, да одарит его Аллах милостями своими, однажды сказал: «Когда наступит конец света, один день по своей тяжести покажется людям целым годом».

Мюриды задумались над его словами. И спросили они пророка: «От восхода до захода солнца правоверные молятся пять раз. Молятся о своем спасении. Сколько же раз надо будет молиться в тот день, о котором вы говорите?»

Пророк Мухаммед, говорят, ответил так: «Это будет известно ученым богословам того времени».

Выходит, пророк не считал обряды чем-то незыблемым, а признавал их обновление. Знают ли об этом муллы? Впрочем, какой из этого толк? Ведь наши медресе обучают точно так же, как и в седую старину. Знания, получаемые в них, не отвечают духу времени и никак не могут быть применены в жизни. Потому муллы и проводят всю жизнь в бесполезных спорах и мелких дразгах, преследуют друг друга. И это в то время, когда, например, в Турции уже давно открыты учебные заведения, где юношей обучают различным наукам, построено немало военных и других специальных школ.

Оставим в стороне мулл. Есть священнослужители, облеченные большей властью, чем муллы. Это ишаны, направляющие

работу мулл целого уезда или даже всей губернии. Ишаны все без исключения окончили медресе, философия их схоластична, и потому вреда от них даже больше, чем от невежественных мулл. Ишаны считают себя истинными проповедниками веры, хотя они, как легко заметить, безнадежно отстали от жизни; мнят себя духовными исцелителями людей, хотя совершенно ясно, что это вовсе не их удел. Это лживые и коварные люди, хорошо сознающие всю шаткость своего положения и никогда не расстающиеся с четками и чалмой. Их всегда видишь в окружении невежественных людей, слепо верующих в Аллаха.

Мы убедились, что вера безгранична, и никто из смертных не в силах ее познать до конца. И тот, кто решительно и с полным сознанием вступил на этот путь, может называться истинным мусульманином. Советом ли, имуществом ли, он отныне обязан творить добро ближнему. И если он посвятит благодеянию всю свою жизнь, то можно надеяться, что он станет ближе к Аллаху. Творить добро – долг каждого человека.

Но есть люди, помыслы и дела которых направлены на то, чтобы жить в достатке и красиво одеваться. Они из кожи вон лезут, чтобы выставить себя как на базаре и сорвать похвалу в свой адрес или вызвать чью-нибудь зависть. Но что с того, если кто-то будет завидовать их нарядам? Преследовать в жизни только личные выгоды – значит быть ограниченным человеком. Не от большого ума идет желание человека обладать всеми благами мира. Достоинство человека определяется не внешнею и достатком. Аллах судит о человеке по его сердцу и уму. И люди, которые избрали богопротивный путь, равно как и люди, которые завидуют им, вряд ли когда-нибудь станут полноценными. Если они и поумнеют, то, должно быть, благодаря помощи людей невероятно добрых.

Всегда ли осуждается стремление к богатству? Нет. Устроенность жизни как бы очищает ум человека, а достаток создает условия для его развития. Нужда же, бывает, превращает человека в животное, все усилия которого идут на то, чтобы прокормиться, не умереть с голоду. Не имея возможности познать смысл жизни, он остается невеждой, а это противоречит назначению человека. Коран осуждает невежество, считая его глумлением над человеческим именем. Человек должен стремиться к богат-

ству, как к средству, которое, во-первых, дает ему возможность оказывать неограниченную помощь своим братьям, во-вторых, не позволяет ему самому попасть в губительную зависимость от других. И то и другое означает, что изобилие необходимо для обеспечения свободы людей и создания определенных условий для их духовного развития.

Наука постигается не для того, чтобы с ее помощью нажить богатство. Наоборот, богатство должно служить развитию науки.

Знание и ремесло – вот настоящее богатство.

Процесс овладения знаниями или искусством какого-нибудь ремесла – высшее благо.

Но для того, чтобы знания и искусство принесли пользу народу, они должны быть подчинены вере, ибо вера требует от людей благодеяния.

Всевышний создал мир по законам прекрасного, а людей – с благородным стремлением к совершенству и продолжению рода. Одной из важных предпосылок совершенства является дружба. В ней люди обязаны видеть свой долг. Но долг этот выполним только тогда, когда человек склонен к дружелюбию. Если твое расположение к кому-то вызвало ответное чувство и если ваша дружба, основанная на взаимной любви и уважении, переросла в привязанность друг к другу, то эту дружбу можно считать настоящей. Прекрасно, когда такая дружба связывает большой круг людей.

Бескорыстная, чистая дружба исключает какое бы то ни было чувство неприязни, эгоизм или попытку человека завоевать себе славу в глазах других, скажем, острым языком или из ряда вон выходящим поступком.

Есть два способа выделиться, обратить на себя внимание людей.

Первый заключается в том, что человек, столкнувшись со злом или несправедливостью, не опускается до уровня тех, кто творит это зло, а всеми силами противостоит им. Это человек со светлой душой. Его стойкость вызывает уважение.

Второй состоит в том, что человек избирает зло своим оружием. Он чинит людям неприятности, унижает их, если у него в руках власть, оскорбляет, если слаб. Это человек с темной душой. Его поведение оборачивается для него враждебностью людей.

Стремление отличиться во что бы то ни стало рождается себялюбием, что является чертой характера людей, не способных к дружбе. Себялюбие делает человека завистливым, зависть его озлобляет других, ему подобных, и таким образом люди теряют покой и становятся недругами.

Есть три вещи, которые унижают человека. Это невежество, лень и злодеяние.

Невежество – отсутствие знаний, а без знаний ничего не приобретается в этом мире. Не стремиться к знаниям – значит уподобиться животному.

Лень – враг человечества. Она, в свою очередь, рождает покорность, инертность, бесстыдство и нищету.

Злодеяние – бесчеловечно. Тот, кто все время норовит сделать людям зло, теряет свою человеческую сущность и превращается в зверя.

Люди должны иметь ума хотя бы настолько, чтобы противостоять этим трем порокам и стать знающими, чтобы быть в жизни энергичными и справедливыми. Надо всегда иметь перед собой примером чудотворную силу Аллаха и надеяться на возможность своих рук и мыслей тоже как на чудо, верить, что каждое твое дело пойдет на пользу народу. Без этой надежды и веры – ты никто. Тебя хватит ненадолго. Не быть рабом Аллаха – значит не быть слугой народа.

Да, Всевышний ничего не создал зря. Все, созданное им, логично, имеет добрый смысл и разумно связано с другими его творениями.

Науки, например, как бы олицетворяют развитие людей, путь народов к прогрессу, путь познания людьми Аллаха, природы, самих себя.

Долг, прежде всего, понимается как высокая нравственная категория, как обязанность человека совершать благодеяние.

Говорят: «поступок», – и обязательно думаешь, что человек должен поступить законно, разумно, по совести.

Говорят: «стремление», – и веришь, что оно будет направлено к доброму, возвышенному, прекрасному.

Пророк Мухаммед, да одарит его Аллах милостями своими, писал в хадисе: «Без стремления не бывает доброго дела». Значит ли это, что для постижения Аллаха нужно обязательно со-

блюдать все обряды, требуемые муллами? Ведь сам пророк, как мы выяснили, не считал обряды чем-то незыблемым. Не идем ли мы по ложному пути?

Хорошо, вы совершаете омовение, молитесь, держите пост, вы стремитесь к воздержанию от мирских или чувственных отрад, но действительно ли все это дает вам успокоение? Внешне вы спокойны, даже невозмутимы, но так ли спокойна ваша душа?

Совершаемые вами обряды тогда искренни и полны смысла, когда вы всем существом признаете божью правду. И омовение, и молитвы – намазы, и пост должны быть лишь внешним проявлением убежденности; но если вы не прониклись безграничной верой в Аллаха, то не превращаются ли эти обряды в величайшее выражение человеческого лицемерия?

Может быть, правы те ученые богословы, которые утверждают, что есть одна вера, настоящая, и она не делится на сознательную и слепую. И обряды, по их мнению, являются лицом веры, украшают ее и только потому необходимы.

Я уверен: редко кто интересуется истинным назначением обрядов. Раньше они служили для сохранения чистоты веры. Служат ли они этому сегодня? Наверное, все-таки глупо, когда люди, по настоянию мулл, молятся ради того, чтобы не казаться неверующими.

Но в чем заключается сущность молитвы?

Правоверный сперва освобождает тело от испражнений и совершает омовение. Становясь на молитвенный коврик, он проводит смоченной в воде ладонью по носкам и подъему ичигов, показывая всем, что он чист и совершил омовение. Потом точно так же проводит ладонями по лицу и шее, имитируя умывание. Надо отметить, что все движения рук идут сверху вниз, так, как стекала бы по телу вода, если бы он мылся. Теперь совершающий намаз готов к общению с Аллахом.

Он трогает пальцами уши, и это тоже знак. Знак того, что он признает свое ничтожество перед Аллахом и, не смея воздевать руки к нему, ибо Аллах везде и нигде, он весь как бы превращается в слух. Взывает к его помощи, чтобы Аллах удержал его от соблазнов, ибо он погряз в мирских грехах. Затем покорно складывает перед собой руки – раб стоит перед всемогущим повели-

телем и молча уверяет его в своей покорности. Оборачивается в сторону Мекки, ибо там родилась великая вера, и он надеется, что его молитвы будут услышаны Аллахом.

Он читает молитву, начиная ее с суры фатиха – восхваления Всевышнего. Разъяснить эту суру – долгая история, да и взялся я прокомментировать лишь внешнюю сторону обряда.

Молитва продолжается... Руки прижимаются к коленям, и кладется первый поклон. Им как бы говорится, что молящийся непосредственно предстал перед Аллахом. Опускается на колени и касается лбом земли, повторяет поклон и выпрямляется. Великолепное выражение мысли, что он, человек, вышел из земли и уйдет в землю, что он продолжит жизнь в потустороннем мире и, в конце концов, предстанет перед страшным судом Всевышнего. Молитва приближается к концу... Последнее коленипреклонение – еще одно приветствие, еще одно выражение своей признательности Аллаху, еще одна просьба, чтобы Аллах одарил милостями своими пророка, который придет к людям.

Молитва закончена. Творцу принесены покаяние, любовь, благодарность его раба и просьба за будущее всех мусульман.

Вот как выражается человеком его вера.

Но что дает это внешнее проявление самой вере и людям? Кто объяснит это мне?

Перевод С. САНБАЕВА

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Сказать по правде, у наших отцов и дедов, по сравнению с нынешними людьми, было меньше знаний: обхождение их и обличие были грубы, и язык груб. Но у них было два высоких человеческих качества, которых нет у нас.

Мы, нынешнее поколение, искореняя в себе дурные нравы прошлого, заодно потеряли в себе те возвышающие человека свойства, которыми обладали предки. Если бы мы, совершенствуясь, сохранили и хорошие качества своих прадедов, то стали бы достойным и передовым народом. Но поскольку у нас нет

тех двух качеств, то все вновь приобретенные качества не становятся качествами человеческими, а обращаются в какую-то чертовщину. Кажется, это и есть одна из главных причин утраты нами нашего достоинства.

Если спросишь, какие это были качества, то я отвечу: в те времена были люди, которые звались «ель-басы», что значит глава народа, и «тоб-басы», что значит глава общины. Все управление жизнью народа, разбор всех жалоб находились в руках этих людей. Остальной народ занимался своим хозяйством и своим делом. Воля главы народа и главы общины была законом. Говорили: «Если каждый станет судьей, то тесно будет и на огромной горе. Если имеешь старшего, то не сторишь и в огне».

Народ отдавал вождям в руки повода и не отменял решения вождей. Всякий хотел прославить своего старшего. Народ содержал старших в почете, а они не кривили душой, потому что старшина считал, что богатство народа – его богатство, а сам народ – его брат.

И вот второе старинное качество: люди дорожили честью.

Когда упоминали имя предков и зывали к роду, люди рода, забыв личные обиды, забыв вражду, шли на выручку обиженного сородича. Говорили тогда в народе: «У кого нет чести, того чужой обидит». И прибавляли: «Стремящийся отомстить за личную обиду приносит ущерб общей пользе». И прибавляли: «Среди родни могут быть плохие люди, но отверженных не бывает». Еще говорили: «Если шестеро в раздоре, то упустят они и то, что уже у них во рту, но если четверо сплочены, то захватят они и то, что на небе».

Тогда не любили споров и говорили: «Кто любит дорогу, тот находит клад, кто любит спор, тот находит беду».

И нет у нас этих двух славных качеств предков. У них забота о счастье создавала стойкость. Мы лишились этих двух качеств. Не только наша дружба обман, но и наша вражда только зависть и неуживчивость.

СОРОКОВОЕ СЛОВО

Умоляю, ответьте мне на мои вопросы.

У нас, у казахов, нет плохих среди мертвых и нет хороших среди живых.

Почему?

Со стариками не спорят молодые, но сами старики, потеряв уже много ровесников, не приходят к согласию с теми, кто еще жив.

Почему?

Увидав в чужом роду достойного, мы поклоняемся ему, как святому, а встретив такого в своем роду, мы обижаем и чуждаемся его и чуть ли не заставляем сбежать к чужим.

Почему?

У нас хорошего человека из чужого рода называют светилом, а своего хорошего человека не признают.

Еще раз спрашиваю: почему так?

Путник, приезжая из своих мест к чужим, хвастается своим краем, наговаривает всякую ложь, небылицу, а возвращаясь к себе, хвалит, не разбирая, чужие места и снова лжет.

Почему?

Казах ласков с младшими детьми, но охладевает к детям, когда они вырастают и мужают.

Почему?

Родичи не едут на веселый пир, избегают похорон родича, но охотно откликаются на его приглашение принять участие в воровстве и набегах.

Почему?

Родичи завидуют удаче скакуна своего родича, получившего первенство на скачках, а потом обижаются, если их обойдут при дележе приза.

Почему?

В старину не забывали услугу, и если человек давал свою лошадь путнику, у которого устал его конь, то помнили услугу до смерти. А теперь помощь, оказанная в этом году, в этом же году забывается.

Почему?

Вот байский сын обеднел. Он стесняется работать и не стыдится воровства.

Почему так?

Двум хорошим людям, живущим в одном ауле, уже тесно. А два подлеца так дружны, что их водой не разольешь.

Почему так?

Вот считаешь за друга кого-нибудь и даришь ему коня, и приходит к нему твой враг и дарит ему жеребенка, и друг уже отвернулся от тебя.

Почему так?

А иногда человек хочет до смерти, чтобы приехал к нему его враг и чтобы хоть раз удалось ему поговорить с ним, и ближе ему враг, чем друг, который всегда ему послушен.

Почему так?

Почему никто не желает своему другу благоденствия и возвышения? И если друг случайно возвысится, то становится человек непримиримым врагом прежнему другу.

Почему?

Вот некоторые люди не могут приискать себе в деле советчика и избегают людей, которые знают проделки и тайные помыслы злодеев.

Почему так?

Почему некоторые в гостях ведут себя так, как будто они с собою щедро пригнали скот, а когда к ним самим приезжают гости, то принимают гостей так, как будто все свои стада далеко отогнаны.

Почему так?

Почему люди, жаждущие мира, быстро от него утомляются? Почему народом управляют дельцы – шустрые и хитрые?

Почему, когда старик берет вторую молодую жену, она всегда оказывается гордой и самодовольной?

С чего это?

Почему злодеи смелы?

Почему бедный муж глуп и упрям?

Почему людей, которые сдерживают себя, у нас называют дурными, а людей разгульных и хвастливых, сеющих раздор, считают удалыми?

Почему так?

И ответьте на последний вопрос: почему не верят добру казахи и не хотят слушать правдивое слово, не находят для слушания такого слова времени, но любят слушать ложные и коварные речи, от которых даже молоко скисает в юрте, а они слушают и не могут оторваться, хоть бы все их хозяйство сносило половодье?

СОРОК ПЕРВОЕ СЛОВО

Человек, который не только хочет дать совет казахам, но и желает наставить их на путь, должен для этого сам удовлетворять двум условиям.

Первое: он должен иметь в руках власть. Надо взять детей у родителей, отдать ребят в школы, направить одних на одну специальность, других – на другую. Надо создать школы, надо, чтобы население дало средства на эти школы, надо, чтобы учились все, даже девушки. И вот тогда, когда молодежь вырастет, а состарившиеся отцы перестанут вмешиваться в дела и разговоры молодежи, может быть, тогда казахи исправятся.

Вы видите, что для того, чтобы выполнить первое условие, человек, желающий исправить казахов, должен быть несметно богат.

Вот второе условие: вероятно, надо одарить отцов, чтобы забрать у них детей, и надо дать образование детям.

Но такой власти, такого богатства для того, чтобы справиться со всем этим, не существует. Без власти и без подарков наставить казахов советами и увещеваниями на путь истины невозможно. Невежество впиталось в мясо и кости народа вместе с материнским молоком и выело из него человечность.

Как станешь говорить с ними, если они не понимают слов, есть у них смешки, шептания, окрики и рычания и они полагают, что нет на свете ничего интереснее этих звуков?

Как же с ними говорить, если они даже не умеют слушать, а все время озираются, смотрят в сторону и думают о другом?

СОРОК ВТОРОЕ СЛОВО

Казах пристрастился к плохому из-за безделья. Если бы он пахал или торговал, разве он имел бы время на праздную жизнь?

Сейчас он находит удовольствие в том, чтобы, выпросив у кого-нибудь на время лошадь, скитаться на ней из аула в аул, есть на дармовщинку, собирать сплетни и слухи, хитростью и коварством подстрекать других или самому участвовать в заговоре и так околачиваться без цели и дела.

Человек работающий считал бы для себя такое положение позорным; он не променял бы дела на бродяжничество.

А сейчас баи бросают стада на попечение пастухов-мальчишек, терпят расхищение богатства ворами, волками, но не могут стерпеть, чтобы их оставили вне участия в тайнах, нашептываниях и сплетнях. Бай не может не ездить по соседним аулам, не может не совать свой нос во всякие дразги, во всякую грязь. Еще он хочет бесплатно жрать и ржать от животного удовольствия.

Если спросят, как все это стало привычкой народа, то скажут, что человек, который прилежно занимается скотоводством или другим делом, по нашим понятиям, не считается достойным уважения. А вот тот, кто способен на всякие вероломные проделки, кто распространяет сплетни по аулам, тот в почете.

И все более или менее способные казахи бросают свой скот на попечение знакомых, сказав только: «Ты, мол, присмотри, пригляди за моими стадами», – а сами предаются сплетням, дармоедству и бесцельному шатанию по окрестным аулам.

Люди гордятся не богатством, не умом, не честью – они гордятся умением надуть и умением донести.

Если человек – доносчик и обманщик, то, пусть он и бедняк, все равно приобретает верховую лошадь, толстую плеть и едет в гости. Усадят его в гостях на почетное место, хоть и ненадолго, и будут угощать его жирными кусками мяса, хоть и недолго.

Подстрекает обманщик простоватых хвастливых баев, говорит им: «Вы мне только прикажите, а я за вас в огонь и воду пойду!» И баи слушают его, и кичатся, и не думают о своем хозяйстве, и дарят обманщику лошадь.

Так раскошеляются баи, теряя покой и не получая от того никакой пользы.

Если баю надо поговорить с кем-нибудь, он советуется прежде всего с прохвостом, а прохвост виляет перед баем и скачет перед ним иноходью, боясь только соперничества. Он боится, что бай подружится с человеком иных повадок и тогда ему, прохвосту, будет меньше почета. И вот говорит прохвост: «Эх вы, да вы не узнали его, не раскусили. Все, что он говорит, – это одни уловки и хитрости. Вы должны ему ответить на это вот так, а вот на это еще так».

Науьскивает прохвост бая и превращает его в недоверчивого человека.

Кичится бай и на прямое слово дает двусмысленный ответ, подсказанный прохвостом, и отворачивается добрый человек от бая, а прохвост тут как тут, и говорит он баю: «Ага, вот видишь сам, разве я не предупреждал тебя, что это у него все одни уловки?» И теряет бай волю и отдается в руки прохвоста.

СОРОК ТРЕТЬЕ СЛОВО

Одни свойства человека рождаются вместе с ним, другие создаются в результате труда. Есть и пить – это произвольная потребность. Спать – также. Желание приобрести известные знания в своем зародыше тоже произвольное, но ум и знания – это уже плоды труда. Видя глазами, слушая ушами, держа руками, пробуя на язык, нюхая носом, человек познает мир. Эти ощущения укрепляются в сознании человека в виде положительных и отрицательных понятий.

Эта сила духа, произвольная и не зависящая от наших желаний, подобна хорошему или дурному впечатлению от виденных нами вещей.

Но человек одно развивает, другое отодвигает, и то, что отодвинуто, если не исчезает совсем, делается малоощутимым. Труд развивает чувство познания. Труд закрепляет в сознании услышанное. Человек приводит знание в порядок, отбирает нужное от ненужного и становится умным.

Люди ссылаются на Бога, что «Бог вот не дал мне разума», но это клевета на Бога. Разве Бог велел кому-нибудь не видеть или

не понимать, велел не запоминать? Человек сам занялся развлечением, тунеядством, сном и хвастовством. Он сам потерял свои душевные сокровища и превратился в животное.

Но скажут: если для ума нужна воля, то чувство приходит само. Нет, надо иметь силу стремления. Она создается разумом.

Стремление есть у каждого, но его надо развить, ухаживать за ним, и тогда жажда познания становится большой и сильной. Человек превращается как бы в другого человека, овладевает искусством.

А если ты о знании не будешь думать, то оно ускользнет и, уходя, не станет кричать: «Я ухожу, я теряюсь».

Настигнуть, вернуть первоначальное стремление труднее, чем вырастить его. Сила духа, сила воли вмещают в себя множество свойств, и описать их не хватит времени. Но помни, что всякое мастерство, всякое искусство, которое остается без применения, теряет самые лучшие свои качества, начинает притупляться и исчезать, и часто его вернуть уже невозможно.

Я сообщу тебе только три свойства, которые необходимы душе. Умоляю тебя, не теряй их. Если ты потеряешь их, ты перестанешь быть человеком.

Что это за свойства?

Это свойство быстро понимать все виденное и услышанное и допытываться, откуда оно происходит. Эта живость, этот подвижной элемент души не могут быть заменены чтением книг. Торопись узнавать, торопись делать. Если вовремя не сделаешь, если в нужный момент не скажешь, будешь всю жизнь раскаиваться, скажешь: «Эх, пропустил я время».

Второе начало – это притяжение однородного однородным; оно состоит в том, что ты будешь все сравнивать; узнав новое, будешь вспоминать однородное, проверять, похоже ли это новое на старое полностью или только частично; будешь спрашивать о непонятном, изучать его по книгам и не успокоишься до тех пор, пока не усвоишь все, что тебе хотелось.

Третья сила – это чувство сердца. Храни в чистоте сердце от хвастливой кичливости, эгоизма, легкомыслия и беспечности. Если сердце загрязнится пороками и потускнеет, то исказится отраженный в нем мир и станет все неясным, неточным.

Все, что ты добывал своими руками, все твое богатство ты должен знать, изучать, а если не узнаешь, то не удержишь его в своих руках. Надо знать силу и слабость своего состояния.

Наука имеет свои сильные и слабые стороны. Над ней надо работать, ее надо изучать. Не поняв до конца, потеряешь даже приобретенное.

Имей во всем меру. Знать меру всему и всего – большое дело. Не запутывайся в мыслях, не лишайся здравого рассудка. В еде, в питье, в смехе, в одевании, в развлеченье, в любви, в объятиях, в поцелуях, в страсти к богатству, даже в карьеризме и хитрости – во всем имеется мера. Все, что сверх меры, – зло.

Древние мудрецы говорили: «В том, в чем мы находим радость, в том же в свое время находим горечь». Пусть не будет тайной для тебя то, что живость и умение сравнивать могут соединяться и все исходит от этих двух сил – и добро, и зло.

Хвастливость, злобность, лживость, азарт и подобные им пороки тоже рождаются от этих двух сил: от живости и от притяжения однородного однородным, то есть от того, что есть в сравнении.

Мы должны стараться отобрать все хорошее и отвергать пороки.

Проверяй все сердцем.

Разум отличает полезное от вредного, но разум должен быть отважным. Только тот, кто соединит разум с отвагой, обуздает страсти и будет управлять ими, как укрощенными конями. Иначе они станут источниками порока и, как взбесившиеся лошади, унесут человека с дороги, сбросят его на камни, или в воду, или в бездонный овраг.

Часто даже умный человек не умеет управлять своими страстями, и тогда они сбросят его на землю, и он, раскинув полы своего халата, будет сидеть, оглядываясь, в унижении до самой смерти.

СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Худший человек из числа людей – это человек без стремлений. Но стремления бывают различны. Одни интересны, надежны, другие пусты. Например, все хотят, чтобы их хвалили; и кстати, и некстати душа просит похвалы.

Человек общается и делится мыслями с людьми своей работы, своего круга.

Больше всего желают люди славы и почета.

Другие жаждут богатства. «Добуду, – думает такой-то, – скупостью, хитростью добуду – все равно как. Ведь богатых не винят». «У богача всегда светлое лицо», – говорит пословица.

Будь собакой и лай, но если ты богат, никто с тобой не будет спорить. Так думают люди, полагая, что богатство даст им пользу и славу. Так думают многие казахи, но это не совместимо с истиной.

Другие хотят прослыть храбрецами или совершить паломничество в Мекку и надеть зеленую чалму. Третьи хотят получить звание муллы, четвертые хотят прослыть хитрецами, пятые хотят, чтобы их считали знатоками какого-нибудь дела – и все эти люди хотят только поважничать перед народом. Они щупают пульс казаха, стараются узнать, какое дело ценится сейчас больше всего, и сломя голову бегут приняться за это дело.

Нет тут истинного порыва, чистой души. Люди заискивают у людей, а не думают о чистоте своей души, и много у них в душе задоринок и зарубок, и разводится в ней грязь желанья легкой наживы.

И я вот смотрю на людей и не знаю, с кого брать пример и у кого учиться.

СОРОК ПЯТОЕ СЛОВО

Доказательством существования Бога считается то, что вот уже тысячелетия люди на различных языках говорят о существовании Всевышнего.

Сколько бы ни было религий, во всех считается, что Богу присущи справедливость и любовь.

Мы, смертные, сами не создатели и все понимаем по созданным вещам.

Мы тянемся к справедливости, к любви, и человек отличается от другого постольку, поскольку он понял мудрость Аллаха.

Начало человечности – любовь, справедливость, чувства. Это всегда нужно и во всем нужно. Это дело – Всевышнего Создателя. Даже в том, что жеребец овладевает кобылицей, есть уже зачатки какой-то любви.

Мы сами не создаем науку, мы познаем мир, который мы видим. Тот, у кого больше знаний, любви, справедливости, – тот мудрец, тот ученый, тот овладел миром.

С 39-го по 45-е слово перевод В. ШКЛОВСКОГО

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КОРНЯХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАЗАХОВ

В незапамятные времена от монголов отделилась одна народность по прозванию татары. Китайцы пишут «татаны». Эти татары и есть незабвенное начало казахов.

И в наши дни выходцы из рода тюре (знать) в спорах заявляют, что они татары. Это означает, что они – не пришлые, что у них тоже есть древние корни, что они – люди благородные, но так они заявляют не потому, что знают, кто такие татары.

Ныне в Восточной Сибири есть собратья казахов, до которых не дошла религия ислама. Однако ясно, что они родственны нам по языку, обычаям, своему внешнему облику. Особенно нам близка одна народность в Минусинском уезде Енисейской губернии, которая называется «ясачные татары». Говорят, что они казахов считают своими братьями и при виде их никто не может возразить против наших родственных связей.

К тому же ни один казах не возражает против того, что киргизы и казахи – родственные народы. Вот этих киргизов называют «брутами». Но никогда не встречались мне в их исторических трудах объяснения причины того, почему китайцы называли их «брутами».

Казахи называют проживающих в Бийске, Кузнецке калмыков «билеутами». По моим предположениям, вот эти «билеуты» и «бруты» имеют общее происхождение от однокоренного слова.

Нет ничего удивительного в том, что они, возможно, произошли от киргизов. Эти татары, оказывается, воинственны, увлеченно занимаются охотой, носят и едят что придется, ведут дикий образ жизни.

Они расселялись и заняли местность в верховьях рек Енисей и Ангара.

По их обыкновению, охотники уходили от своего поселения на один год, и даже на два. Позже охотники стали говорить

об увиденных ими землях, где зима бывает короткой, а лето – длинным. Люди, издревле привыкшие к разведению скота, стали заявлять: «Мы переселимся в те края, которые удобны для скотоводства». Так они постепенно стали менять место проживания. Частью этих людей были наши предки – казахи. Неизвестно, какими путями и за сколько лет казахи прибыли в эти края. Все же вскоре они добрались до склонов Алатау и остановились там на постоянное жительство.

Они не смогли передвигаться дальше, поскольку далее была земля, издавна принадлежавшая уйгурам, которые там уже прочно укрепились. Хан этого уйгурского народа подвластное ему население держал под строгим учетом. Пришлые же, хоть и признали его власть, тем не менее отнеслись к нему как к врагу. Испокон веков свободолюбивый народ подчинение кому-либо считал для себя тягостным бременем. Уйгуры сами были выходцами из монголов, а кочевников считали чужими.

Вскоре в Среднюю Азию прибыла многочисленная армия арабов-миссионеров с целью распространения ислама. Известный в то время активный приверженец ислама Кутайса дошел до самой Кашгарии, обращая население к исламу. Кочевники тоже объявили себя мусульманами, хотя долгое время не порывали со своими давними представлениями о об устройстве мира: признавали баксы и предсказателей, преклонялись перед огнем и светом. В то время человека, мало-мальски овладевшего грамотой, называли «абызом – ученым». Чаще всего так называли мулл-священнослужителей. Преклонение шаманизму мы находим в отдельных обрядах, когда люди, не умея объяснить причины тех или иных явлений, считали, что их ниспослал Бог. Так, например, во время первого прихода невестки в дом своего жениха родственники лили масло в огонь со словами: «огонь – мать, масло – мать, дайте нам благодать!» Или зажигали светильники, говоря при этом: «Посвящаем духу покойника». Или же, во время первого весеннего грома, женщины громко ударяли ковшами по стенам дома со словами: «Молока много, а угля мало». Подобных обрядов было много, но ныне, слава богу, похоже, что они забываются.

Именно те арабы прозвали кочевые народы «хибай» и «хузаци». Слово «хибай» означало, что люди пользуются войлочными

шатрами. А слово «хузаги» было связано с тем, что в их родных краях также под таким названием проживало кочевое племя. Один из ханов, увидев верблюжий караван кочевников, сравнил его с перелетной гусиной стаей: «Вот эти люди – действительно казахи». Так эти кочевники и стали сами себя называть «казахами». Другие племена восприняли сие название, хотя прежде себя называли попросту «улусами»².

В те дни существовал весенний праздник «Наурыз», который кочевники очень любили. В наши дни это слово соотносят с мусульманским праздником Курбан-айтом³.

После принятия новой религии произошла замена старых названий городов (кроме Бухары), земель, озер и рек и даже отдельных народов. Похоже, так и происходило. Как бы там ни было, с тех пор мы и стали называться казахами.

Казахи, расположившись у подножия Алатау, переняли у соседей земледелие и торговлю, скромно называя себя «серыми, темными».

Вероятно, кыргызов стал называть кыргызами один из уйгурских ханов. Впереди их конницы обычно ставились так называемые кыргызы-«истребители», подававшие команды: «Убивайте! Уничтожайте!» Так появилось слово «кыргызы».

В то время кроткие и спокойные казахи придерживались пословицы: «Отвергнувший дух покойника станет непутевым». Пословицы же: «Добыча смелого джигита и добыча серого волка находятся в пути», «Верхом на коне добыл коня», «На коне пробуждался от сна», очевидно, появились уже после похода Чингисхана. Кочевники стали возвращаться на свои исконные земли. Когда в Монголии воцарился Чингисхан, казахи приветствовали его. Однако доподлинно неизвестно, где происходили эти встречи. Тем не менее сохранилось предание о том, что в наших Чингисских горах, на побережье реки Караул, расположилось его войско. По древнему монгольскому закону двенадцать биев из двенадцати родов здесь, на горной вершине, подняли Чингиса на белой кошме, тем самым провозгласив его своим ха-

² Улус (каз.) – территориальное деление.

³ Курбан-айт – мусульманский праздник.

ном. Поэтому, очевидно, горы стали позже называться Чингисскими, а горная вершина – Ханом.

Одним из этих двенадцати биев был известный Майкы-бий. Сохранилась такая пословица: «Все слова одного корня, а старейшина этого корня – бий Майкы». Говорят, когда Чингис во главе своего войска направлялся в захватнический поход, его ополченцы в большинстве своем были татары. Основная причина была, очевидно, в том, что татары были более выносливые, легче переносили трудности похода.

Пригодные для военных действий казахи примкнули к войску Чингиса, и командование ими он поручил своему старшему сыну Джучи.

Вначале был убит Кор-хан, захвачено племя уйгуров, а затем войско продвинулось в глубь Азии. Об этом свидетельствуют такие казахские пословицы, отражающие походы Чингиса, как: «В год Змеи была жара, в год Лошади было сражение, а в год Овцы – большое перемирие», «Просторна дорога Самарканда, узка дорога Буланая».

Под Буланаем, очевидно, подразумеваются горы Гималаи или Гиндукуша? Речь, по-видимому, идет о горах. Об этом нам известно по такой пословице: «Нет гор больше Буланая, нет животного крупнее лося-булана».

Впоследствии эта часть казахов, оставив горы Алатау, обосновалась у подножий гор, расположенных вокруг Ташкента. Доподлинно неизвестно о том, сколько их здесь было, где обитали раньше, а где – позже. Когда они прибыли в эти места, то оказались под властью прямого потомка Чагатая, одного из сыновей Чингиса.

Главный хан из потомков Чагатая жил в то время в Ташкенте, а казахами правил один из его младших братьев. В этот период процветали угон скота – барымта, разбой аулов, вражда племен. Люди жили бедно, не наблюдалось численного роста казахов. Ведя себя по принципу: «Приходит как смелый джигит, а убегает как собака», люди не умели даже правильно оберегать себя и свой скот от врагов.

Увеличение численности казахов, по-видимому, происходит после разрушения калмыцкого общества и только после обоснования на Сары-Арке. Не случайно появляется и выражение:

«Отняв у врага девушку, обзаведешься женой, а убив старшего брата, женишься на своей женге»⁴.

Из родословной Тамерлана: у матери известного царя Бабура, сына Кумар Шаиха, было два родных брата, один из них был ханом Ташкента, а другой правил казахами. Они были сыновьями хана Юнуса, родословная которого берет начало от Чагатая. Того правителя казахов звали Ахметом. Вот он в свое время из казахов, наиболее пригодных к военному походу, составил и три джуза⁵ воинов, которыми командовали джужбасы. Представители каждого джуза считались между собой родственно связанными воинами. Отсюда и пошло выражение: «Дети трех джузов».

Хан Ахмет часто совершал набеги и грабил простой народ. Калмыки из-за его жестокосердия, вместо того чтобы сказать: жан алуши⁶, говорили: «Этот прямо-таки стал «алаша». Поэтому своего правителя прозвали «хан Алаша». Так написано в «Бабур-наме».

Хан, смекнув, что калмыки так отзываются о нем из-за страха, приказал своим воинам, чтобы во время сражения они громко кричали уран⁷: «алашы-алашы». Однако при сплошном шуме стало слышаться: «алаш-алаш». Поэтому распространилось выражение: «Что только мы не делали с калмыками, когда были алашами и правил нами хан Алаша». Тогда эти казахи относились к потомкам Чагатая. Узбекскими же племенами правили потомки Джучи. Вскоре среди потомков Сибана или Шибана, сына того самого Джучи, выдвинулся известный хан по имени Шайбак, который стал постепенно отнимать у потомков Тамерлана города Герат, Бухара, Самарканд. Против него, наконец, двинулось многочисленное войско хана Алаши, воссоединившегося со своим старшим братом Жамке. Но войско потерпело поражение на Ора-Тобе, воины были убиты. Казахи перешли в подчинение Шайбака. До сих пор бытует выражение: «Мы изначально были родственны с узбеками, так как Чингис-

⁴ Женге (каз.) – жена старшего брата.

⁵ Джуз (каз.) – сотня.

⁶ Жан алуши (каз.) – палач.

⁷ Уран (каз.) – клич, лозунг.

хан еще при жизни нас передал Джучи. Как говорится, сарты⁸ – в сторону, а узбек – собрат наш». После этого потомки Чагатая никогда не правили нами. Только потомки Джучи становились нашими ханами и тюре.

Подстрочный перевод с казахского
М. СУЛТАНБЕКОВА

⁸ Сарт (каз.) – пренебрежительное название других тюрков, буквально: стук.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Ахметов.</i> «Абай әлемі» – «Мир Абая» – избранные из лучших	3
<i>А. Байтурсынов.</i> Признанный миром Абай	5
<i>М. Ауэзов.</i> Абай Кунанбаев – поэт и просветитель казахского народа	13

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Всадник с беркутом скачет в ранних снегах...» (Перевод <i>С. Липкина</i>)	20
«Чувства пылкие твои...» (Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>)	22
«Словно месяц, изогнутый в небе ночном...» (Перевод <i>Вс. Рождественского</i>)	23
«Когда баран войдет в ручей, воде жирней не стать...» (Перевод <i>Вс. Рождественского</i>)	25
«Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон...» (Перевод <i>Д. Бродского</i>) ..	26
«Вот и старость... Свершиться мечтам не дано!..» (Перевод <i>А. Гатова</i>) ..	28
«Быстрый беркут любую добычу возьмет...» (Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>) ..	30
«О казахи мои, мой бедный народ!..» (Перевод <i>С. Липкина</i>)	31
«Только юность одна – жизни счастливый цвет...» (Перевод <i>Вс. Рождественского</i>)	32
«Тебе я вверился, мой Бог...» (Перевод <i>А. Кодара</i>)	34
Описание коня (Перевод <i>А. Кодара</i>)	35
Лето (Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>)	37
«Бестолково учась, я жизнь прозевал...» (Перевод <i>А. Штейнберга</i>)	39
«Измучен, обманут я всеми вокруг...» (Перевод <i>П. Карабана</i>)	41
«К наукам я холоден в юности был...» (Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>)	43
«Пока не знаешь – молчи...» (Перевод <i>М. Петровых</i>)	44
«Поэзия – властитель языка...» (Перевод <i>В. Звягинцевой</i>)	47
«Грязный в словах и делах...» (Перевод <i>П. Карабана</i>)	50
«Если умер близкий – скорбен человек...» (Перевод <i>П. Карабана</i>)	54
Зима (Перевод <i>Вс. Рождественского</i>)	56
«В ночной тиши луна царит...» (Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>)	57
Осень (Перевод <i>А. Гатова</i>)	58
«Ноябрь – преддверие зимы, пора в аул, пора!..» (Перевод <i>Л. Шубина</i>) ..	59
«Заплетенная круто коса за спиной...» (Перевод <i>М. Дудина</i>)	61
«Собаку я выкормил из щенка...» (Перевод <i>А. Жовтиса</i>)	62
«Наконец волостным я стал...» (Перевод <i>Д. Бродского</i>)	63
«Хоть Солнце и Луна вдруг засияют вместе...» (Перевод <i>М. Дудина</i>) ...	68
«Где ж ты, пламя юности моей?..» (Перевод <i>В. Звягинцевой</i>)	69
Восьмистишия (Перевод <i>Л. Озерова</i>)	70
«Управитель начальству рад...» (Перевод <i>Вс. Рождественского</i>)	76
«Разум льду подобен: он ясен, остер...» (Перевод <i>А. Штейнберга</i>)	78
«Две дороги – любовь и страсть – предо мной...» (Перевод <i>А. Штейнберга</i>)	79

«Шлю, тонкобровая, привет!..» (Перевод П. Шубина)	80
Ответ девушки (Перевод П. Шубина)	82
Весна (Перевод Вс. Рождественского)	84
«Тулпара в скачке не обгонит кляча...» (Перевод М. Дудина)	86
«Звереет бай...» (Перевод П. Карабана)	87
«Всем пресытиться может душа...» (Перевод Вс. Рождественского)	89
«Все от жизни я взял сполна...» (Перевод А. Штейнберга)	91
«Ты – зрачок глаз моих...» (Перевод М. Петровых)	93
«Я гордо презирал невежество и тьму...» (Перевод Вс. Рождественского)	96
«На щеках у них лед и жар...» (Перевод Вс. Рождественского)	98
«Душа! Чего ты ищешь? Что с тобой?..» (Перевод А. Штейнберга)	100
«О сердце мое, замри, застынь!..» (Перевод Л. Нечая)	101
«Если смолоду честь не терял...» (Перевод Е. Курдакова)	102
«Хвастун, наглец...» (Перевод П. Карабана)	103
«Будь разборчив в пути своем...» (Перевод Вс. Рождественского)	105
«Язык любви живет без слова...» (Перевод М. Дудина)	106
На смерть Абдрахмана (Перевод В. Звягинцевой)	107
«Много слов говорил я в былом далеке...» (Перевод Ю. Кузнецова)	112
«На двадцать седьмом году...» (Перевод Ю. Нейман)	113
«Все длиннее синяя тень...» (Перевод Вс. Рождественского)	115
«Красотка-девушка у хана жила...» (Перевод М. Петровых)	116
«Стук часов – не робкий шелест забытья...» (Перевод Е. Курдакова) ...	118
«Сколько б тебя ни хвалили – не верь...» (Перевод М. Султанбекова)	119
«Грядущее скрыто туманом от нас...» (Перевод В. Звягинцевой)	120
«Не верь хвалам: лукавит подлый век...» (Перевод Ю. Кузнецова)	122
«Милый мой, дорогой...» (Перевод М. Петровых)	123
«Красивою песней под струнный звон...» (Перевод Вс. Рождественского)	124
«О порыв души огневой...» (Перевод Вс. Рождественского)	125
«Проклятый мир обирает нас. Как поладить с ним?..» (Перевод М. Петровых)	126
«Когда умру, не стану ль я землей?..» (Перевод Ю. Нейман)	127
«Коли в сердце нет воли...» (Перевод Ю. Кузнецова)	128
«На сорок лоскутьев тоскою...» (Перевод М. Петровых)	129
«Рос ты, к небу устремляясь головой...» (Перевод Д. Бродского)	130
«Человек – ничтожной плоти тлен и прах...» (Перевод Е. Курдакова) ...	131
«Сердце мое, чуешь ли что...» (Перевод М. Султанбекова)	132
«Удлиняются тени скорее...» (Перевод М. Дудина)	134
Кумыс (Перевод Вс. Рождественского)	135
«Сердце – море, а радость его – жемчуга...» (Перевод М. Дудина)	136
«Вот мотыльков беспечный рой...» (Перевод Е. Курдакова)	137
«Домбры не трогай рукой...» (Перевод А. Жовтиса)	138
«В раздумье долгом и немом...» (Перевод А. Гатова)	139
«Судьбы своей не избежать...» (Перевод М. Адибаева)	141
«Пахаря славный труд – хорош...» (Перевод А. Жовтиса)	142

Твоя жена – Медета дочь, и звать ее Ырим...» (Перевод А. Старостина) ...	143
«Увидеть путь, познать, на мир взглянуть...» (Перевод М. Адибаева) ...	144

ПОЭМЫ

Масгуд (Перевод А. Глобы).....	146
Сказание об Азиме (Перевод В. Бугаевского)	153
Искандер (Перевод А. Глобы)	167

СЛОВА НАЗИДАНИЯ

Первое слово	174
Второе слово.....	175
Третье слово	176
Четвертое слово	178
Пятое слово.....	180
Шестое слово	180
Седьмое слово.....	181
Восьмое слово.....	183
Девятое слово	183
Десятое слово	184
Одиннадцатое слово.....	186
Двенадцатое слово.....	187
Тринадцатое слово	188
Четырнадцатое слово.....	188
Пятнадцатое слово	189
Шестнадцатое слово	190
Семнадцатое слово	191
Восемнадцатое слово	193
Девятнадцатое слово	193
Двадцатое слово.....	194
Двадцать первое слово	194
Двадцать второе слово	195
Двадцать третье слово.....	196
Двадцать четвертое слово	198
Двадцать пятое слово.....	198
Двадцать шестое слово.....	200
Двадцать седьмое слово.....	201
Двадцать восьмое слово.....	204
Двадцать девятое слово	205
Тридцатое слово.....	206
Тридцать первое слово	206
Тридцать второе слово	207
Тридцать третье слово	208

Тридцать четвертое слово	209
Тридцать пятое слово.....	210
Тридцать шестое слово.....	211
<i>(С Первого по Тридцать шестое слово перевод В. Шкловского)</i>	
Тридцать седьмое слово <i>(Перевод Л. Соболева)</i>	212
Тридцать восьмое слово <i>(Перевод С. Санбаева)</i>	214
Тридцать девятое слово.....	231
Сороковое слово	233
Сорок первое слово	235
Сорок второе слово	236
Сорок третье слово	237
Сорок четвертое слово.....	240
Сорок пятое слово	240
<i>(С Тридцать девятого по Сорок пятое слово перевод В. Шкловского)</i>	
Несколько слов о корнях происхождения	
казахов <i>(Подстрочный перевод с казахского М. Султанбекова)</i>	242

Книжная серия «Абай әлемі»

Абай (Ибрагим) Кунанбаев

СОЧИНЕНИЯ

Второй том

Составители
Айбар Кадыров
Фарида Гайнуллина

Технический редактор Эльмира Заманбек
Художественный редактор Женис Казанкапов
Дизайнер Асет Салиев
Корректор Оксана Ниязова
Компьютерная верстка Акерке Скаковой

Подписано к печати 13.07.2018.
Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п.л. 16,0.
Тираж 930 экз. Заказ № 179.

Издательство «Фолиант»
010000, г. Астана, ул. Ш. Айманова, 13

Отпечатано в типографии ТОО «Регис-СТ Полиграф»
010000, г. Астана, ул. Ш. Айманова, 13

ISBN 978-601-338-061-2

9

7 8 6 0 1 3 3 8 0 6 1 2

ISBN 978-601-338-048-3

9

7 8 6 0 1 3 3 8 0 4 8 3